

Социальный контроль: сущность и методы реализации

Kuznetsova, Elena

Veröffentlichungsversion / Published Version
Monographie / monograph

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Kuznetsova, E. (2012). *Социальный контроль: сущность и методы реализации*. Saarbrücken: LAP LAMBERT Acad. Publ.. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-457907>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer Free Digital Peer Publishing Licence zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den DiPP-Lizenzen finden Sie hier:
<http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

Terms of use:

This document is made available under a Free Digital Peer Publishing Licence. For more Information see:
<http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

Кузнецова Елена Мартуновна

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ: СУЩНОСТЬ И МЕТОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ
Книга о механизмах социального управления обществом

Омский государственный технический университет

Kuznetsova Elena Martunovna

SOCIAL CONTROL: ESSENCE AND METHODS OF IMPLEMENTATION

The book is about the mechanisms of society social management

Omsk state technical university

Аннотация. В монографии даётся социально-философский анализ социального контроля в качестве инструмента социального управления. Автор рассматривает экономику, управление, право, политическую деятельность, образование, религию и культуру в качестве инструментов социального контроля элиты над обществом. Методологической основой работы является противопоставление общества и социальных институтов в качестве антагонистов, единство и борьба которых определяет процесс любого социального развития.

Ключевые слова: социальный контроль, социальное управление, управление обществом, виды социального контроля, формы социального контроля, социальное развитие, государственное управление, ресурсный контроль, социоэкономический контроль, организационный контроль, управленческий контроль, правовой контроль, политический контроль, выполнение социальных функций, информационный контроль, религиозный контроль, социокультурный контроль, образовательный контроль, идеологический контроль.

Abstract. The book is given to the socio-philosophical analysis of social control as an instrument of social management. The author examines the economics, management, law, political activity, education, religion and culture as instruments of social control from elite over society. The methodological basis of the work is the opposition of society and social institutions as antagonists, unity and struggle which defines the process of any social development.

Keywords: social control, social management, management of a society, types of social control, forms of social control, social development, governance, resource control, socioeconomic control, organizational control, management control, legal control, political control, fulfillment of social functions, informational control, religious control, sociocultural control, educational control, ideological control.

Кузнецова Елена Мартуновна

**СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ:
СУЩНОСТЬ И МЕТОДЫ
РЕАЛИЗАЦИИ**

**Книга о механизмах социального
управления обществом**

Содержание:

Предисловие	5
Введение	11
Глава I. Теоретические основы социального контроля	13
§ 1. Развитие представлений о социальном управлении и контроле	13
§ 2. Социальное управление в современном обществе	32
§ 3. Природа и сущность социального контроля	51
§ 4. Социальный контроль как элемент социального управления ..	72
Глава II. Особенности социального контроля	90
§ 1. Субъекты и объекты социального контроля.....	90
§ 2. Виды и направленность социального контроля	107
§ 3. Методы социального контроля	126
§ 4. Формы и развитие социального контроля	146
Список литературы	162

Предисловие

Вот уже несколько лет человечество живёт в условиях нарастающего экономического кризиса. Причины этого кризиса скрываются не только в мировой экономике, но и в мировой социальной практике. Любой социально-экономический кризис имеет первопричиной несоответствие используемых для интерпретации социальной реальности моделей этой самой реальности.

Процесс, в общем-то, объективный. Сначала возникают социальные концепции. Затем на основе социальных концепций формируются теории и модели. Модели служат для выявления закономерностей социального развития, а теории определяют содержание образовательных программ и приоритетов социального управления.

Вместе с тем, жизнь всегда оказывается сложнее любых социальных теорий. Они появляются, развиваются и отмирают по мере появления новых более адекватных конструкций. Кризис наступает тогда, когда старая теория и построенные на её основе модели не позволяют решать стоящие перед социальным управлением задачи и это ведёт к принятию неэффективных решений.

Мы сегодня живём именно в такую эпоху. Коммунистическая теория оказалась несостоятельной и ушла с исторической сцены. Капиталистическая теория, судя по происходящим в мире процессам, тоже ненадолго переживёт своего антагониста.

В мире налицо острый дефицит адекватности в интерпретации социальной реальности и, как результат, принятие на уровне государственного управления неадекватных решений, лишь усугубляющих кризисные явления. Поэтому именно сегодня то время, когда происходит смена доминирующей в обществе парадигмы, то перепутье, та точка бифуркации, после которой развитие может пойти в любом возможном направлении.

Для того, чтобы преодолеть кризис парадигмы, рано или поздно придётся отказаться от многих устоявшихся стереотипов. Например, от мифа о том, что общество и государство (государства) – это одно целое или иллюзии о том, что социальные элиты защищают интересы всего общества, а не своей элитарной обособленной от общества общности.

Такие иллюзии могут существовать, пока социальных ресурсов достаточно и для элиты и для остального общества. Более тридцати лет назад в США и Европе был запущен механизм мультипликации социальных ресурсов, который позволил добиться уникального роста уровня жизни в развитых странах Запада и победить альтернативную «коммунистическую» парадигму социального развития. Принцип действия этого механизма достаточно прост. С одной стороны, помимо реальных ценностей в обращение поступают виртуальные ценности в виде ценных бумаг и технологически сложных товаров с чрезмерным показателем рентабельности. С другой стороны, государства в массовом порядке кредитуют население, даже несмотря на невозможность возврата полученных кредитов.

Сейчас эта схема исчерпала себя и пришла пора платить по счетам. Жить по-старому уже не получится. Жить по-новому придётся независимо от того, хотим мы этого или нет.

Однако для того, чтобы жить по-новому, необходимо, как минимум понять сущность происходящего. И кризис здесь снимает запреты, прежде всего, на альтернативное мировоззрение. То, что ещё недавно было немыслимо с точки зрения общепринятой парадигмы, опять обретает силу убеждения.

Здесь есть определённая закономерность. Смена парадигмы невозможна во внекризисных условиях, когда в переменах нет необходимости, всё и так хорошо. Любая парадигма имеет свой жизненный цикл. Завоёвывая умы в условиях кризиса, она очень быстро трансформируется в инструмент идеологического влияния на общество со стороны доминирующей социальной элиты. И это начало конца парадигмы. Чем

дальше, тем больше она отрывается от реальности, превращаясь в оторванную от реальности идеалистическую конструкцию.

В конце концов, наступает момент, когда построенные на доминирующей парадигме социальные теории больше не способны исполнять роль путеводителя и толкователя социальной реальности. Цикл завершается новым кризисом, в горниле которого выкристаллизовывается новая парадигма и всё повторяется сначала...

Сегодня как раз такой кризис. Не кризис экономики, а кризис парадигмы и, как следствие, кризис основанных на ней социально-экономических теорий и моделей. В этих условиях на первый план неизбежно выйдет оплётанное, как представителями «социалистической», так и «рыночной» социальных теорий. Речь идёт о позитивизме.

Нет абсолютно никаких причин, по которым позитивизм можно было бы аргументировано критиковать. Сущность позитивизма можно выразить словами поэта: «Жизнь такова, какова она есть и больше никакова!» (В.А. Костров). Позитивистский подход основан на объективных критериях интерпретации социальной реальности. Здесь нет запрета на непредвзятое изучение роли социальной элиты, религии в качестве инструмента социального управления и множества других табу.

Проблема лишь в том, что позитивизм – единственная из социальных парадигм, которую невозможно использовать в качестве инструмента социального управления. Поэтому позитивная наука не поддерживается ни одним государством и не представлена ни одной научной школой. Просто все научные школы существуют за счёт государственного финансирования и выполняют вполне определённый социальный заказ. Как говорили в Советском Союзе: нет историков, экономистов или философов, есть бойцы идеологического (исторического, экономического, философского и т.д.) фронта. А на фронте все средства хороши.

Исторически позитивизм как научное направление проявляет себя там, где ослабевает идеологическое давление на умы официальной

науки. Это происходит в периоды социальных кризисов и катаклизмов, когда у представителей «традиционной» науки почва уходит из-под ног, и неадекватность их псевдонаучных объяснений реалиям окружающей действительности становится очевидной.

Изначально социальные науки с самого момента своего зарождения предназначались для использования в качестве инструмента социального контроля. Их задача заключается в том, чтобы как минимум добавить к объективным аргументам субъективную составляющую дезориентирующую объект социального контроля. А как максимум подменить личностное мировосприятие членов общества официально легитимизированной моделью социальной реальностью. Тогда общество становится управляемым, а личностные приоритеты подменяются государственными (которые, впрочем, именуются «общественными»).

Государство в лице социальной элиты формирует социальный заказ, подкреплённый финансированием и раздачей социальных статусов, а научные школы соревнуются за право получения связанных с ним социальных благ. В этом и заключается сущность официальной науки. Сверхзадача состоит в том, чтобы предложить такую интерпретацию реальности, которая бы воспринималась обществом и в то же время обеспечивала бы незыблемость положения социальных элит.

Однако в любом случае исходной точкой всякой социальной теории, как это ни странно прозвучит, остаётся позитивизм. Просто потому, что позитивизм – это объективное описание реальности такой, какова она есть на самом деле.

Очень простой алгоритм сознания новой парадигмы: в объективную картину мира вносится небольшая субъективная составляющая, мелкая подмена понятий. Картина мира меняется, а её автор становится гениальным учёным. Если предложенная картина соответствует целям господствующей социальной элиты, то на базе предложенной картины мира формируется парадигма, которая административно внедряется в

науку и образование. Общество, не выработавшее иммунитета к новой социальной иллюзии, принимает её за чистую монету и начинается строительство новой социальной псевдореальности.

Так, например, подмена в теории К. Маркса состояла в том, что он случайно или преднамеренно подменил рыночный спрос в качестве двигателя экономического прогресса стремлением капиталиста к получению прибавочной стоимости. По Марксу стоимость товара определяется объективными затратами и субъективным размером прибавочной стоимости. Это в корне неверно, так как стоимость товара определяется суммой, которую покупатель готов заплатить на товар и ему нет дела до издержек производителя.

На основе теории К. Маркса возникла новая для своего времени парадигма и связанные с ней социальные теории и модели. Всё бы ничего, но искажение реальности в теории обернулось неконкурентоспособностью на практике. Построенная на марксизме социальная система работала только из-под палки в условиях отсутствия альтернативы. Борьба с «эксплуатацией человека человеком» обернулась эксплуатацией человека государственной системой принуждения.

Аналогичным образом развивается сегодня ситуация и с западными социальными теориями. Там подмена реальности псевдореальностью заключалась в превозношении западной концепции «демократии» как основы любого цивилизационного развития. Западная парадигма предполагает, что любое «недемократическое» устройство признаётся нецивилизованным, тогда как стандарты демократии задаются правящими элитами соответствующих стран.

И это бы ничего, но беда в том, что форма социального мироустройства на основе западной парадигмы не отменяет сути социальной реальности. А суть в том, что «демократия» представляет собой всего лишь ширму, за которой скрываются более изощрённые формы социального управления обществом со стороны социальной элиты.

Такая социальная система работает только при условии обеспечения высокого уровня жизни населения. Однако социальная элита потому и является элитой, что аккумулирует в своих руках социальные ресурсы. Если бы она делилась ими с обществом, то перестала бы быть элитой. Обществу предлагались псевдоценности и жизнь в долг за счёт будущих поколений. Вечно такое положение дел продолжаться не может, и расплачиваться за всё вновь придётся обществу.

Проблема любой официозной социальной науки в том, что любая победившая парадигма живёт своей жизнью. Из неё вырастают социальные теории. Появляется масса людей, жизнь и социальный статус которых определяется вкладом в дело развития и доминирования господствующей парадигмы. Поэтому позитивизм на данном этапе превращается из предтечи социального «знания» в главную угрозу его стабильности и повсеместно отвергается.

Сегодня мы живём в удивительное время, когда сложившаяся десятилетиями система социальных отношений и связанные с ней стереотипы мировосприятия рушатся. В этот период начинается неизбежное формирование новых форм социального управления и новых социальных парадигм, которые хотя и далеки от идеала, но всё же гораздо адекватнее прежних. По-другому просто невозможно.

Только сегодня стало возможным появление таких работ, как эта монография, где автор совершенно непредвзято рассматривает сущность, движущие силы и механизмы социального контроля в современном обществе. Это очень своевременная книга, которая способна внести свой вклад в развенчание отживающих свой век социальных иллюзий и стереотипов, приближая тем самым построение нового более справедливого мироустройства.

М. Калужский
Январь 2012 г.

Введение

Характерной особенностью современного этапа развития общества является многообразие, многосторонность связей любого отдельного субъекта, а потому знать о выполнении им своих функций и корректировать его действия по реализации предписанных ему целей и задач невозможно, если не использовать управление и контроль. Социальный контроль как одно из проявлений общественных отношений занимает важное место в жизни человеческого сообщества.

Как элемент социальной реальности социальный контроль является неотъемлемым условием существования любой социальной системы. Традиционно в современной социальной теории социальный контроль рассматривается либо в рамках отдельных дисциплин (например, девиантология, криминология и др.), дающих представление лишь о некоторых аспектах социального контроля, осуществляя узкоспециальный подход; либо представление о социальном контроле формируется с позиции субъекта социального управления, что превращает социальную теорию в один из инструментов самого социального контроля, но не дает объективного представления о нём.

Вместе с тем, сложность стоящих перед современной теорией социального управления задач не позволяет ориентироваться на интересы лишь одного из участников социальных отношений. Социальная практика требует осмысления природы и сущности социального контроля как объективной реальности в жизни современного общества.

Такая постановка проблемы позволяет создать адекватную научную модель социальных отношений, обладающую непреходящим значением не только для дальнейшего развития социальной теории в этом направлении, но и для выведения практики социального управления на качественно новый уровень самоорганизации. Кроме того, отсутствие

целостной концепции, раскрывающей природу и сущность социального контроля, особенности его субъектов и объектов, видов и методов, делает необходимым всестороннее его исследование.

Рассмотрение социального контроля в качестве элемента социального управления, с одной стороны, позволяет по-новому взглянуть и понять происходящие в обществе процессы, а с другой – дает возможность выявить тенденции, знание которых предотвратит от нежелательных изменений в общественной жизни.

Социальное управление, элементом которого является социальный контроль, понимается как процесс социального взаимодействия в рамках субъект-объектных отношений через реализацию функций социального управления. На основе обобщения и анализа теории и практики социального управления содержание понятия «социальный контроль» рассматривается как целенаправленное управленческое воздействие субъекта социального контроля на объект для формирования у последнего желаемых моделей поведения, мировосприятия и нравственных ориентиров. В качестве отправной точки взят анализ объективных потребностей и интересов участников процесса социального управления и контроля, определяющих методы и формы его существования.

Глава I. Теоретические основы социального контроля

§ 1. Развитие представлений о социальном управлении и контроле

Социальное управление и контроль являются необходимым условием существования любого общества. Обусловлено это наличием разнообразных потребностей и интересов у всех участников социальных отношений. Невозможность удовлетворения потребностей любого из них способно вывести общество из состояния равновесия и привести к нежелательным последствиям. Потребности и интересы разных участников социальных отношений могут как совпадать, так и не совпадать, но в любом случае необходимо существование эффективного средства, способного наиболее оптимально организовывать их реализацию. Таким средством являются социальное управление и контроль, приносящие в любое общество элементы организованности.

Теоретические предпосылки становления теории социального управления и контроля можно обнаружить еще в работах мыслителей античности. Одним из первых проблему социального управления затронул древнегреческий философ Платон в работе «Государство». Рассматривая социальное управление как искусство и деятельность одновременно, он выделил специальное сословие (философов-правителей), в функции которых входило осуществление управления обществом и государством. Таким образом, он обозначил субъект социального управления и контроля, интересы которого отличны от интересов объекта (подчиненных)¹. Кроме того, Платон утверждал о необходимости учета интересов субъекта, посредством предоставления ему вознаграждения и почестей.

¹ Платон. Собрание сочинений в 3-х т. Т.3 (1). – М.: Мысль, 1971. – С. 346-347.

В свою очередь Аристотель рассматривал социальное управление как средство, способное обеспечить благополучие всех граждан государства. Это достигается, в том числе за счет того, что все участвуют в управлении – «правят все». Вместе с тем, Аристотель видел плюсы и в том, если бы правители были несменяемы. Однако, он признавал, что на практике этого принципа сложно придерживаться, поскольку «с одной стороны, все по природе своей равны, с другой – и справедливость требует, чтобы в управлении – есть ли управление нечто хорошее или плохое – все принимали участие»². Поэтому «спасительным» в делах управления государством является «принцип взаимного воздаяния»³, когда поочередно «одни властвуют, другие подчиняются»⁴.

Китайский философ Конфуций в VI-V вв. до н. э. рассматривал человека как члена общества, уподобляя государство большой семье. Он предложил использовать моральные нормы в качестве механизма социального управления, а также выдвинул тезис, согласно которому процесс социального управления должен быть осознанным и тщательно подготовленным актом.

Приобретение конфуцианством статуса государственной идеологии, способствовало воплощению в жизнь этого тезиса, что привело к развитию образования и учреждению испытания в виде экзаменов для тех, кто желал занять какую-либо должность в управлении⁵. В целом, учение Конфуция было ориентировано на общество, впоследствии оно было дополнено учением школы Фа-цзя об управлении человеком, обществом и государством и в таком виде просуществовало более двух тысяч лет.

Сущность этого учения заключается в декларируемом равенстве всех перед законом, за исключением носителя верховной власти – пра-

² Аристотель Политика. – М.: АСТ, 2002. – С. 51.

³ Там же. – С. 50.

⁴ Там же. – С. 51.

⁵ Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае: Собрание трудов. – М.: Вост. лит., 1999. – С. 25.

вителя⁶. Основными методами социального контроля были провозглашены поощрения и наказания, причем подразумевалось, что наказания должны превалировать над поощрениями. Помимо конфуцианского представления об идеализированном обществе как о единой семье во главе с правителем, сформировавшееся учение содержало в себе три основных принципа социального управления:

- 1) принцип управления с помощью законов и предписаний (фа);
- 2) принцип власти, силы и авторитета (ши);
- 3) принцип метода, искусства властвования (шу).

В эпоху средневековья развитие взглядов на сущность и содержание процесса социального управления не выходило, как правило, за рамки религиозного мировоззрения. Одним из самых значимых мыслителей этого периода являлся Фома Аквинский. Взяв за основу взгляды Аристотеля, он попытался развить христианскую доктрину государства. Процесс учреждения государства он сравнил с процессом сотворения мира богом, где каждой вещи присуща своя определенная функция, для выполнения которой она и создана. Так и в государстве: сначала создаются структурные элементы, они организуются, а затем правитель ими начинает управлять.

Рассматривая в качестве главной цели такого творения достижение общего блага, Фома Аквинский настаивал на том, что привилегии для властвующих должны сохраняться, а подданные правителям подчиняться, как того требует долг, предписанный богом. Только тогда общее благо, т. е. цель социального управления, и станет достижимо. Сильные религиозные традиции – главная особенность средневекового общества, а в таких обществах особенно эффективны методы религиозного контроля, которые и положены в основу христианской доктрины, разработанной Фомой Аквинским, где, по замыслу автора, использование религиозных догматов и верований приведет к достижению намеченных целей.

⁶ Рубин В.А. Указ. соч. – С. 90

Значительное отличие от предшествующих концепций присуще позиции Н. Макиавелли. Рационализацию социального управления и контроля он видел в реализации интересов субъекта социального управления. В работе «Государь» им была предпринята попытка выяснения, «какими способами государи могут управлять государствами и удерживать над ними власть»⁷. Одним из решений этого вопроса является рассмотрение методов социального управления и контроля как лежащих вне рамок морали.

В качестве действенных методов социального контроля в отношении политических соперников, по мнению Н. Макиавелли, служат назначение высоких жалований и должностей⁸ (работа в целом изобилует описанием методов политического контроля). А для того, чтобы «удержать в повиновении подданных», Макиавелли видел два способа – любовь к государю и страх перед ним. Наибольший эффект достигается, когда оба способа соединены в один. Но поскольку «любовь плохо уживается со страхом, ... то надежнее выбрать страх», так как он «поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно», в отличие от любви, поддерживаемой благодарностью, «которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды»⁹. Таким образом, предпочтение в деле осуществления социального контроля по отношению к обычным гражданам Н. Макиавелли отдает средствам принудительного характера, нежели убеждающим.

Мыслители Нового времени активно разрабатывали теорию общественного договора, которая дает представление о социальном управлении и контроле как о необходимом условии установления гражданского состояния.

Одним из первых эту теорию разрабатывал Т. Гоббс. Разделив всю историю существования человеческого рода на два периода – «есте-

⁷ Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. – С. 50.

⁸ Там же. – С. 66.

⁹ Там же. – С. 168-169.

ственное состояние» и «гражданское состояние», первое он характеризовал наличием у человека «права на все». Однако реализация этого права неминуемо приводит к «войне всех против всех»¹⁰, поскольку носителем такого права является каждый человек в естественном состоянии, и ставит под угрозу жизнь самого человека. Устранение такого невыгодного положения возможно лишь с установлением «гражданского состояния».

Установление «гражданского состояния», по Гоббсу, связано с функционированием механизма социального контроля. Его действие начинается с заключения общественного договора между субъектом и объектом социального контроля, в основе которого лежит процесс отчуждения части естественных прав человека. В концепции Гоббса люди добровольно идут на ограничение своей свободы и отчуждение части своих прав (из дальнейшего изложения концепции становится ясно, что это право «устанавливать, справедливы или несправедливы повеления царей»¹¹, право различать «добро и зло, справедливое и несправедливое, честное и бесчестное»¹², наказывать себе подобных и др.) в пользу верховного правителя¹³ в надежде обрести мир и безопасность. Рассматривая целью заключенного договора благо народа, Гоббс, тем не менее, отрицает возможность существования внешнего принуждения в виде каких-либо социальных и правовых институтов в отношении субъекта. Субъект не достигаем для объекта.

Дж. Локк в своей концепции общественного договора иначе расставил акценты. Основным недостатком естественного состояния он считал отсутствие органов, способных применять механизм социального контроля. Таким органом способно стать государство с его должностными лицами. Однако, Локк указывал, что «когда какое-либо число людей так объединено в одно общество, что каждый из них отказывается от своей

¹⁰ Гоббс Т. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1964. – С. 293.

¹¹ Там же. – С.289.

¹² Там же. – С.370.

¹³ См.: Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Мысль, 2001. – С. 132-134.

исполнительной власти, присущей ему по закону природы, и передает ее обществу, то тогда, и только тогда, существует политическое или гражданское общество»¹⁴. Таким образом, отчуждение части прав человека в пользу общества «переносит людей из естественного состояния в государство»¹⁵ и запускает в действие механизм социального контроля.

В свою очередь Ж.-Ж. Руссо причину всех бед человека видел в постоянно растущих его потребностях. Невозможность самостоятельно их удовлетворить делает человека подвластным «своей природе и, в особенности, себе подобным»¹⁶. Эта зависимость заставляет человека постоянно предпринимать попытки «заинтересовать себе подобных в своей судьбе и заставить их находить действительную или кажущуюся выгоду в том, чтобы трудиться для его пользы»¹⁷. Таким образом, Руссо показал, что для реализации своих интересов облеченная властью элита общества применяет различные средства, которые, в сущности, составляют механизм социального контроля. Осуществляемое воздействие, по Руссо, может производиться как методами прямого воздействия (быть «непреклонным и жестоким» с одними), так и методами косвенного воздействия (быть «лукавым и изворотливым» с другими)¹⁸.

В целом описание механизма социального контроля выражено у Руссо в следующем: «обратить себе на пользу самые силы тех, кто на него нападал, превратить своих противников в своих защитников, внушить им иные принципы и дать им иные установления»¹⁹. Здесь, во-первых, зафиксирован процесс подмены интересов объекта на интересы субъекта, а во-вторых, отражено воздействие на сознание объекта. Таким видел Руссо современное ему общество, и в противовес такому

¹⁴ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1985-1988. – С. 312.

¹⁵ Там же. – С. 312.

¹⁶ Руссо Ж.-Ж. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя. Рассуждение о науках и искусстваах. Рассуждение о неравенстве. – М.: АСТ: НФ «Пушкинская библиотека», 2004. – С. 752.

¹⁷ Там же. – С. 752.

¹⁸ Там же. – С. 752.

¹⁹ Там же. – С. 754.

ложному, порочному и опасному для человечества варианту развития общества, он предлагает свою концепцию.

Что же дает, по Руссо, заключение нового общественного договора индивиду, у которого отчуждаются естественная свобода? Свободу гражданскую, которая «ограничена общей волей»²⁰, поскольку в результате заключения общественного договора, создается «коллективное Целое», обретающее «свое единство, свое общее я, свою жизнь и волю»²¹, свои интересы. Несовпадение частного интереса индивида с тем, «чего требует интерес общий», и отказ «подчиниться общей воле» грозит ему тем, что «он будет к этому (к подчинению – Е.К.) принужден всем Организмом, а это означает не что иное, как то, что его силою принудят быть свободным»²². Эта позиция противоречит ранее высказанной Руссо об организации такой формы ассоциации, в которой «каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде»²³. Таким образом, концепция Руссо, дает нам представление о наличии механизма социального контроля, выраженного в принуждении, в любой форме организации общества.

В противовес Гоббсу, Руссо в своей концепции предусматривает существование общественного института, призванного обеспечить контроль за деятельностью исполнительной власти. Народные собрания должны созываться периодически и рассматривать два основных вопроса: «Угодно ли суверену сохранить настоящую форму Правления» и «Угодно ли народу оставить управление в руках тех, на кого оно в настоящее время возложено»²⁴.

Наличие подобного института предусматривал и И.Г. Фихте в своей концепции договорного происхождения государства. Должностные лица,

²⁰ Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре: Трактаты. – М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – С. 212.

²¹ Там же. – С. 208-209.

²² Там же. – С. 211.

²³ Там же. – С. 207.

²⁴ Там же. – С. 287.

осуществляющие социальное управление должны быть ответственны перед обществом. Если это правило нарушается и, чтобы оно не нарушалось, Фихте предлагал создать специальный орган – эфорат (по аналогии со Спартой), который должен постоянно осуществлять контрольную, надзирающую функцию за действиями исполнительной власти. Эфоры избирающиеся народом, могут приостанавливать действия правительства, если посчитают их противоречащим установленному праву. Однако, в конце своей творческой деятельности он пересмотрел свою позицию и отверг возможность создания эфората, признав ее нереалистичной²⁵.

В работе «Замкнутое торговое государство» Фихте создает модель «государства разума». В нем все основано на контроле и регламентации: быт, численность каждого сословия (земледельческое, промышленное, купеческое), качество и количество продукции и т. п. Контроль осуществляется, в частности, через выдачу разрешения на занятие каким-либо ремеслом²⁶, проверку профессиональной пригодности ремесленника²⁷.

Как самостоятельное направление теория социального контроля начинает зарождаться в конце XIX века. Появление в науке собственно термина «социальный контроль» связано с именем Г. Тарда. В своей работе «Коммуникация и социальное влияние» Тард вводит данное понятие, определяя его как «средство, инструмент возвращения лиц с антиобщественным поведением к общественно значимой деятельности», к поведению, соответствующему общепринятым социальным нормам²⁸.

По мнению Тарда действие механизма социального контроля направлено на подчинение индивида группе. Это достигается за счет функционирования его как «духовно-психологической системы»²⁹. Целью такой системы является ограничение роста потребностей, удовле-

²⁵ Приводится по: История политических и правовых учений / Под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – М.: НОРМА-ИНВРА-М, 1998. – С. 409.

²⁶ Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. Т. II. – СПб.: Мифрил, 1993. – С. 247.

²⁷ Там же. – С. 249.

²⁸ Tarde G. On Communication and Social Influence. – Chicago, 1969. – P. 256.

²⁹ Там же. – P. 271.

творение которых невозможно в данный момент из-за недостаточного развития существующих социальных институтов. Кстати, именно невозможность удовлетворения растущих потребностей индивида и приводит, по мнению Тарда, к антиобщественному поведению³⁰. Таким образом, стремление представителей социальных институтов общества к стабильности вызывает необходимость действия механизма социального контроля, так как он способен обеспечить «конформное поведение индивидов»³¹ в рамках этих институтов.

Однако, конформное поведение индивидов – это лишь промежуточная цель социального контроля, поскольку конформизм рассматривается как «некритическое принятие индивидом существующего порядка вещей, приспособление к нему, отказ от выработки собственной позиции, пассивное следование преобладающему образу мыслей и типу поведения, общесоциальным или групповым стандартам и стереотипам»³². В то время как конечной целью социального контроля является такое поведение индивидов, в основе которого лежит интериоризация интересов субъекта социального контроля объектом как своих собственных. Рассматривая социальный контроль как неотъемлемый элемент функционирования общества, Тард вместе с тем только заложил основу теории социального контроля, предоставив своим последователям возможность более тщательной ее разработки.

Становление теории социального контроля связано в первую очередь с именами Эдварда Росса и Роберта Парка. Концепция социального контроля Э. Росса базируется на таких понятиях как «естественное состояние» (или «естественный порядок») и «социальный порядок». Для установления первого достаточно действия «естественной моральной

³⁰ Tarde G. Указ. соч. – Р. 265-267.

³¹ Там же. – Р. 258.

³² Быченков В.М. Конформизм / Новая философская энциклопедия. Т. 2. – М.: Мысль, 2001. – С. 303.

мотивации»³³ (включающей такие человеческие качества, как общительность, «способность к симпатии», чувство справедливости и др.). Однако для установления социального порядка этого не достаточно. Здесь необходимо действие механизма социального контроля, который Росс определяет как преднамеренное влияние общества на поведение индивида³⁴. Суть действия его в следующем: социальный контроль ограничивает абсолютную свободу индивида и создает систему норм регулирования естественного порядка. Как и у Гоббса, у Росса люди добровольно отказываются от части своих прав, результатом чего является заключение «социального договора», гарантирующего социальный порядок³⁵.

Росс своеобразно решает вопрос об участниках социального контроля. Не называя как такового субъекта социального контроля, в качестве агента (исполнителя) социального контроля он рассматривает общество, утверждая что «контроль, который мы имеем какое-нибудь право называть социальным, опирается на авторитет всего общества»³⁶. Однако ниже Росс указывает все же на то, что во главе социального контроля стоит меньшинство (т. е. элита), в подчинении у которого находится большинство населения. Получается, что субъектом социального контроля является элита, агентом – общество, а объектом – индивид. Рассматривая в качестве объекта социального контроля индивидуальных членов общества (индивидов), Росс упускает из виду его коллективных членов, которые также испытывают воздействие со стороны субъекта и, следовательно, тоже являются объектами социального контроля.

Р. Парк в свою очередь рассматривая социальный контроль как «соотношение социальных сил и человеческой природы»³⁷. Понятие «социальный контроль» является ключевым у Парка при исследовании

³³ Ross E. A. Social Control. A Survey of the Foundations Order. – Cleveland-London, 1969. – P. 9.

³⁴ Там же. – P. 45.

³⁵ Там же. – P. 376.

³⁶ Там же. – P. 77.

³⁷ Park R. E. On Social Control and Social Behavior. – Chicago, 1969. – P. 185-198.

всех вопросов связанных с рассмотрением природы и взаимоотношения индивида и общества. Если общество рассматривается Парком как организация корпоративного действия и существования, то социальный контроль – это способ поддержания такой организации в ее постоянно изменяющихся формах. Отсюда следует, что социальный контроль как «универсальная форма общечеловеческого контроля» присуща любому типу общества.

Основная роль социального контроля, по Парку, – обеспечение преобразования совокупности индивидов в общество с присущими ему коллективными ценностями и нормами, основная функция – «организовывать, интегрировать и направлять энергию индивидов, составляющих общество»³⁸. Значительную роль в функционировании социального контроля Парк отводил действию социокультурных, экономических, политических, моральных и других институтов над природой человека.

Указывая на надысторический характер социального контроля, Парк отмечал, что различны лишь формы, в которых социальный контроль проявляется – от ритуалов, табу, традиций, обычаев, общественного мнения, до конкретных функций поддержания социального порядка, выполняемых определенными социальными институтами³⁹. Эта объективная закономерность, отмеченная Парком, неоднократно критиковалась советскими исследователями в силу господствующей идеологии, не позволявшей признать наличие такого социального контроля в советском обществе.

Тема социального контроля затрагивалась также и П. Сорокиным. Так, в работе «Преступление и кара, подвиг и награда» в качестве действенных средств социального контроля он рассматривал не только кары (наказания), но и награды (поощрения), возможность получения которых оказывает влияние на действия индивида. Исследуя проблему,

³⁸ Цит. по: История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 3. – М.: Канон, 1997. – С. 120.

³⁹ Park R. E. Указ. соч. – Р. 212-215.

связанную с изменением интенсивности санкций (под которыми подразумевались как кары, так и награды), отправляемых субъектом социального контроля, П. Сорокин сформулировал «общую теорему», которая объясняет «колебание кривой санкций». Согласно этой теореме, существует обратная зависимость между уровнем развития общества и степенью интенсивности санкций. То есть, чем ниже ступень развития общества, тем выше степень интенсивности кар и наград, и наоборот, «чем более культурно данное общество и чем более однородна психика и поведение его членов – тем менее жестки кары и менее интенсивны награды»⁴⁰.

В контексте данного исследования представляет интерес и концепция А. Грамши, которая не входит собственно в теорию социального контроля. Это концепция о роли «органической» интеллигенции в осуществлении «подчиненных функций социальной гегемонии и политического управления»⁴¹. По А. Грамши, всякая «существенная» социальная группа, попадая на вершину исторического процесса, «создает вместе с собой и формирует в своем поступательном развитии «органическую» интеллигенцию», которая представлена «специалистами» в области отдельных сторон первоначальной деятельности нового социального типа, который новый класс вывел в свет»⁴².

А. Грамши рассматривал интеллигенцию в качестве ««приказчиков» господствующей группы»⁴³, которые осуществляют свои «подчиненные функции» в двух направлениях: во-первых, в отношении социальной группы, которой она обязана своим существованием, придавая «ей однородность и сознание ее собственной роли»⁴⁴ во всех сферах общества (т. е. выполняя идеологическую функцию); во-вторых, в отно-

⁴⁰ Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – СПб.: РХГИ, 1999. – С. 337.

⁴¹ Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. / Пер. с ит. – М.: Политиздат, 1991. – С. 332.

⁴² Там же. – С. 328.

⁴³ Там же. – С. 332.

⁴⁴ Там же. – С. 327.

шении общества, с целью «обеспечения «спонтанного» согласия широких масс населения с тем направлением социальной жизни, которое задано основной господствующей группой» и «приведения в действие государственного аппарата принуждения, «законно» обеспечивающего дисциплину тех групп, которые не «выражают согласия» ни активно, ни пассивно; этот аппарат, однако, учрежден для всего общества на случай таких критических моментов в командовании и управлении, когда спонтанное согласие исчезает»⁴⁵. Таким образом, концепция А. Грамши дает нам представление о роли «органической» интеллигенции как агента субъекта социального управления в осуществлении им социального контроля над обществом.

Становление индустриального общества, привело к формированию еще одной концепции социального контроля. Согласно этой концепции развитие науки, техники и технологий, формирует у человека новые потребности, предлагая возможность их удовлетворения. Г. Маркузе характеризуя этот процесс, утверждал, что «транспортные средства и средства массовой коммуникации, предметы домашнего обихода, пища и одежда, неисчерпаемый выбор развлечений и информационная индустрия несут с собой предписываемые отношения и привычки, устойчивые интеллектуальные и эмоциональные реакции, которые привязывают потребителей посредством доставляемого им большего или меньшего удовольствия к производителям и через этих последних – к целому»⁴⁶.

Таким образом, вместе со всем аппаратом производства, товарами и услугами, человеку навязывается и новая система социальных отношений, без поддержания и воспроизведения которой невозможно удовлетворение новых («ложных», таких, которые «навязаны индивиду частными общественными силами, заинтересованными в его подавле-

⁴⁵ ⁴⁵ Грамши А. Указ. соч. – С. 332-333.

⁴⁶ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. – М.: АСТ, 2003. – С. 275.

нии»⁴⁷) для человека потребностей. Следовательно, функцию социального контроля осуществляет «аппарат производства и производимые им товары и услуги»⁴⁸, и как результат происходит формирование «одномерного человека», «массового человека»⁴⁹. Для такого человека характерно наличие «псевдомышления», суть которого, согласно уже Э. Фромму, в том, что «людям кажется, что это они принимают решения, что это они хотят чего-то, в то время как в действительности они поддаются давлению внешних сил, внутренним или внешним условностям и «хотят» именно того, что им приходится делать»⁵⁰.

Исследованием проблемы роли власти и политической структуры в социальном контроле над обществом занимался М. Фуко. Он призывал рассматривать власть не в отрицательных терминах («исключает», «подавляет», «цензурует», «извлекает», «маскирует», «скрывает»), а как создающую реальность, – «власть производит»⁵¹. В процессе этого «производства» применяются различные механизмы власти и социального контроля с использованием «коварной мягкости, неявных колкостей, мелких хитростей, рассчитанных методов, техник»⁵². Эта специфическая технология власти была названа М. Фуко «дисциплиной». Основная цель применения этой технологии – произвести «дисциплинарного индивида»⁵³.

В советской литературе тема социального контроля изначально трагивалась преимущественно в рамках теории криминологии⁵⁴. В рамках этой темы рассматриваются проблемы борьбы с правонарушениями

⁴⁷ Маркузе Г. Одномерный человек / В сб.: Американская социологическая мысль. – М.: МУБиУ, 1996. – С. 127.

⁴⁸ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. – С. 275.

⁴⁹ Оргета-и-Гассет Х. Избранные труды. – М.: Весь мир, 2000. – С. 67.

⁵⁰ Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – М.: АСТ, 2004. – С. 237.

⁵¹ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – С. 284.

⁵² Там же. – С. 286.

⁵³ Там же. – С. 285.

⁵⁴ См., например: Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. – СПб., 1910; Чарыхов Х.М. Учение о фактах преступности: (Социологическая школа в науке уголовного права). – М., 1910; Чубинский М.П. Курс уголовной политики. – СПб, 1912; Гернет М.Н. Избранные произведения. – М., 1974 и др.

и преступлениями и их предупреждение⁵⁵, посткриминального контроля⁵⁶ и собственно осуществления социального контроля, одним из видов которого является контроль над преступностью⁵⁷. Социальный контроль в таких работах определяется как форма воздействия, которая «ставит барьер индивидуалистическим устремлениям личности, предупреждает возможные с ее стороны правонарушения и преступления»⁵⁸. В качестве основного средства социального контроля рассматривается наказание, общепредупредительное воздействие которого «имеет реальную важность для борьбы с преступностью»⁵⁹.

В начале 80-х годов XX века в качестве специальной социологической теории сформировалась социология девиантности и социального контроля (девиантология). В рамках девиантологии социальный контроль рассматривается преимущественно как механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка, устранения, нейтрализации или минимизации нормонарушающего (девиантного) поведения⁶⁰. В работах Я.И. Гилинского, В.Н. Кудрявцева, А.М. Яковлева и др. по проблемам отклоняющего поведения рассматриваются нежелательные для общества нормонарушающие проявления с позиции общей социологической теории⁶¹.

Развитие сферы производства в 1970-х гг. обусловило повышение интереса отечественных исследователей к проблемам управления производственной сферой. Постепенно сформировалась теория социально-

⁵⁵ Игошев К.Е., Шмаров И.В. Социальные аспекты предупреждения правонарушений: (Проблемы социального контроля). – М.: Юридическая литература, 1980. – С. 17.

⁵⁶ Филимонов О.В. Посткриминальный контроль: Теоретические основы правового регулирования. – Томск: ТГУ, 1991. – С. 7.

⁵⁷ Гилинский Я. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб.: Питер, 2002. – С. 303.

⁵⁸ Игошев К.Е., Шмаров И.В. Указ. соч. – С. 18.

⁵⁹ Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. – М.: Наука, 1985. – С. 151.

⁶⁰ Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. – СПб.: Алетей, 2000. – С. 363.

⁶¹ См.: Гилинский Я.И. Отклоняющееся поведение как социальное явление // Человек и общество. – Л., 1971. – Вып. 8. – С. 113-118; Социальные отклонения. – М.: Юрид. лит., 1984; Социальный контроль над девиантностью / Ред. Я. Гилинский. – СПб.: Питер, 1998 и др.

го управления, в которой широко используется понятие «социальный контроль». Социальный контроль здесь понимается как один из этапов управленческого процесса⁶², суть которого – наблюдение и проверка соответствия процесса функционирования объекта принятым управленческим решениям⁶³. Цель такого контроля – дать информацию об объекте управления, в связи с чем социальный контроль зачастую определяется как элемент обратной связи⁶⁴. В работах экономистов и менеджеров социальный контроль рассматривается как механизм эффективного управления⁶⁵.

Проблемы социального контроля исследуются также в рамках социальной психологии. Одним из первых тему социального контроля в эту дисциплину ввел Т. Шибутани. Он утверждал, что рассмотрение людей как объектов социального контроля является возможным постольку, поскольку люди «не свободны поступать так, как им хочется»⁶⁶. Однако, «отрицание социального контроля» приведет не к свободе, а к анархии⁶⁷, считает Т. Шибутани.

Рассмотрение любого явления с позиции отдельной специальной дисциплины позволяет более досконально исследовать тот или иной аспект явления. Но это же обстоятельство обуславливает, как правило, и узость подхода. Исследование социального контроля в рамках вышеуказанных дисциплин характеризует его разные стороны. Вместе с тем,

⁶² См., например: Климов В.А. Контроль в системе социалистического управления. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – С. 15; Социальное управление: Словарь / Под ред. В.И. Добренкова, И.М. Слепенкова. – М.: МГУ, 1994. – С. 74.

⁶³ См., например: Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. – М.: Политиздат, 1977. – С. 125; Франчук В.И. Современные основы социального управления. – М.: Ин-т организационных систем, 1997. – С. 65;

⁶⁴ См., например: Смольков В.Г. Социальный контроль // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 4. – С. 195; Социальный контроль в СССР / Под ред. В.С. Основина. – Воронеж: ВГУ, 1981. – С. 8.

⁶⁵ См., например: Друкер П. Эффективное управление. Экономические задачи и оптимальные решения. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1998; Исикава К. Японские методы управления качеством. – М.: Экономика, 1988; Монден Я. «Тоёта»: методы эффективного управления. – М.: Экономика, 1989; Питерс Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления: Опыт лучших компаний. – М.: Прогресс, 1986; Попов Г.Х. Эффективное управление. – М.: Экономика, 1985; Шнипер Р.И. Регион: Экономические методы управления. – Новосибирск: Наука, 1991 и др.

⁶⁶ Шибутани Т. Социальная психология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 57.

⁶⁷ Там же. – С. 236.

комплексное исследование социального контроля как процесса социальной реальности не проводится ни одной дисциплиной.

В целом в научной и справочной литературе сегодня существует несколько вариантов определения понятия «социальный контроль».

Одной из наиболее распространенных является позиция, согласно которой социальный контроль понимается как «система наблюдения и проверки процесса функционирования соответствующего объекта в целях предотвращения и устранения его отклонений от заданных параметров»⁶⁸. Такое понимание социального контроля характерно, преимущественного, для советского периода, когда производственная сфера общества рассматривалась как доминирующая, и отражает сущность контроля в системе производственных отношений (контроля в управлении), но не социального контроля как такового. Сфера социального управления гораздо шире, чем производственные (экономические) отношения, а понятие «социальный контроль» шире по содержанию, чем просто «наблюдение и проверка».

Не представляется возможным согласиться с позицией советского специалиста по социальному контролю Б.А. Буйвола, рассматривающего социальный контроль как систему социальных регуляторов (государственных и общественных институтов, права, морали, обычаев, традиций, установок)⁶⁹. Во-первых, в такой трактовке понятие «социальный контроль» и понятие «система социальных регуляторов» оказываются тождественными. Во-вторых, социальные регуляторы могут быть рассмотрены лишь как инструменты социального контроля, помимо которых существуют еще и механизмы, обеспечивающие действие и действенность этих инструментов. В-третьих, данное определение не отражает сущности социального контроля как специфического вида субъект-объектных отношений.

⁶⁸ См., напр.: Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. – С. 125; Социальный контроль в СССР. – С. 7; Смольков В.Г. Социальный контроль. – С. 195.

⁶⁹ См.: Буйвол Б.А. Социальный контроль и его воздействие на поведение людей. Автореферат канд. дис. – Киев, 1973. – С. 2-3.

Последняя ошибка характерна для исследователей, утверждающих, что «социальный контроль – это влияние общества на установки, представления, ценности, идеалы и поведение человека»⁷⁰. Изменение установок, представлений и т. д. – цель социального контроля, но объект его воздействия все же человек.

Согласно другому подходу, социальный контроль – это «процессы в социальной системе (обществе, социальной группе), обеспечивающие ее устойчивость и управление входящими в нее людьми, группами, институтами»⁷¹. Согласиться с таким определением можно лишь частично, поскольку на обеспечение устойчивости системы и управление людьми направлен весь процесс социального управления. Поэтому данное определение включает в объем понятия «социальный контроль» и такие процессы, которые к нему не относятся (например, процессы спонтанной самоорганизации в обществе).

В справочной литературе используется определение социального контроля как механизма или способа «саморегуляции <социальной> системы, обеспечивающего упорядоченное взаимодействие составляющих ее элементов посредством нормативного (в т. ч. правового) регулирования»⁷². Неточность данного определения заключается в том, что при осуществлении социального контроля применяется не только методы нормативного регулирования (активно, например, используются методы ресурсного, идеологического, политического контроля).

Наиболее точно сущность социального контроля отражают определения, рассматривающие социальный контроль:

⁷⁰ Андриенко Е.В. Социальная психология. – М.: Академия, 2001. – С. 25.

⁷¹ Социальный контроль / Философская энциклопедия, т. 5. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – С. 83-85; см. также: Антонович И.И. Капитализм и социальный контроль: (Критика теории и практики социального контроля в буржуазной социологии). – М.: Мысль, 1978. – С. 4.

⁷² См.: Яковлев А.М. Контроль социальный / Энциклопедический социологический словарь. – М.: ИСПИ РАН, 1995. – С. 301; Родионова С.А. Социальный контроль / Новейший философский словарь. – Мн.: Изд. В.М.Скакун, 1998. – С. 661; см. также, Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.). – С. 363.

а) как процесс мотивации или механизм, противостоящий тенденции к отклонениям от ожидаемых действий объекта⁷³;

б) как совокупность процессов в социальной системе, посредством которых обеспечивается следование определенным «образцам» деятельности, а также соблюдение ограничений в поведении, нарушение которых отрицательно сказывается на функционировании системы⁷⁴;

в) как целенаправленное воздействие на поведение членов общества для достижения поставленных целей⁷⁵.

Одной из последних отечественных работ в области исследования социального контроля (его типов и техники) стала книга Э. Макаревича и О. Карпухина «Игры интеллигентов, или Социальный контроль масс». Вынеся термин «социальный контроль» в название своей книги, авторы позабыли дать в тексте его определение. Они лишь утверждают, что «социальный контроль массы» – это процесс «ежедневный, постоянный» и «предусматривает привитие ей (массе – Е.К.) определенных жизненных ценностей, консолидации ее вокруг этих ценностей, а также вокруг лидера нации или вождя»⁷⁶. В качестве инструментов социального контроля определяются «общественные связи в форме образования, религии, пропаганды, массовой культуры, рекламы, а также политические партии, вся система производства и потребления»⁷⁷ (подход в общем в духе Г. Маркузе).

⁷³ См., напр.: Марков М. Технология и эффективность социального управления. – М.: Прогресс, 1982. – С. 109; Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Академический Проект, 2002. – С. 309; Кармадонов О.А. Глобализация и символическая власть // Вопросы философии. – 2005. – № 5. – С. 52.

⁷⁴ См., напр.: Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 612; Бакиров В.С. Социальный контроль как регулятор общественных отношений. Автореф. канд. дис. – Харьков, 1976. – С. 1; Основы социального управления: Учебное пособие. / Под ред. В.Н.Иванова, М.: Высшая школа, 2001. – С. 166.

⁷⁵ См., напр.: Социальное управление: Словарь. – С. 74; Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. – М.: Наука, 1978. – С. 64-65; Привезенцев В.А. Контроль – важнейшая функция управления образованием // Официальные документы в образовании. – 2005. – № 32. – С. 64.

⁷⁶ Макаревич Э., Карпухин О. Игры интеллигентов, или Социальный контроль масс. – М.: ЭКСМО: Алгоритм-Книга, 2003. – С. 28.

⁷⁷ Там же. – С. 28.

Таким образом, в развитии представлений о природе и сущности социального контроля достаточно четко прослеживается тенденция эволюционирования взглядов на это явление в социальной жизни общества. Первоначально представления о социальном контроле и управлении сводились к абстрактным рассуждениям о необходимости обеспечения стабильности в существовании общества и о поиске средств ее достижения. Однако позже произошел переход к осознанию существования в социальной реальности социального контроля как особого механизма, обеспечивающего управляемость общества.

Вместе с тем, следует отметить, что единства в определении термина «социальный контроль», целью которого является обеспечение управляемости общества, как самостоятельного объекта управления, до сих пор нет⁷⁸. Такое изменение является ответной реакцией социальной теории на изменения в социальной практике – развитие социальной организации в сторону ее усложнения, делающей необходимым поиск новых средств и методов обеспечения стабильности в новых условиях. Все это свидетельствует о возрастающей роли социального контроля в процессе осуществления социального управления, а, следовательно, необходимости исследования факторов, обуславливающих возможность его осуществления, причин, условий.

§ 2. Социальное управление в современном обществе

⁷⁸ См., напр.: Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. – С. 77; Бахрах Д.Н. Основные понятия теории социального управления. – Пермь: ПГУ, 1978. – С. 123-125; Диев В.С. Управленческие решения: неопределенность, модели, интуиция. – Новосибирск: Изд-во НИИ МИОО НГУ, 1998. – С. 18; Привезенцев В.А. Контроль – важнейшая функция управления образованием. – С. 64; Смольков В.Г. Социальный контроль. – С. 195; Социальный контроль в СССР. – С. 8; Социальное управление: Словарь. – С. 74.

Основная функция любой формы управления в обществе заключается в поддержании определенных общественных отношений, решении субъектом управления каких-либо задач, достижение поставленных в процессе управления целей. Социальное управление не является исключением из общего правила и представляет собой управление процессами и явлениями социальной сферы жизни общества⁷⁹, средство реализации социальной политики субъекта управления.

Современная теория управления трактует социальное управление как процесс планирования, организации, мотивации и контроля, необходимый для того, чтобы сформулировать и достичь целей организации⁸⁰. Следует обратить внимание на тот факт, что речь идет не об удовлетворении потребностей общества, а о достижении субъективных целей, продиктованных интересами обособленного от общества социального формирования, за которыми скрываются интересы его членов.

В целом к концу XX века сформировалось несколько подходов к определению понятия «социальное управление», условно можно сказать – определение в широком или узком смысле. Первый характерен для энциклопедической литературы (социально-философской и собственно по вопросам социального управления). В широком смысле социальное управление рассматривается как функция самоорганизующихся социальных систем по обеспечению продвижения системы к намеченной цели⁸¹. Цель рассматривается как идеальное представление, предвосхищение в сознании субъекта результата деятельности. В социальном управлении целью может являться упорядочение, сохранение целостности и качественной специфики, воспроизводство, совершен-

⁷⁹ Волков Ю.Е. Социальное управление как вид управленческой деятельности в общественных системах // Социально-политический журнал. – 1997. – № 3. – С. 71.

⁸⁰ Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. – М.: «Дело ЛТД», 1994. – С. 38.

⁸¹ Напр.: Новая философская энциклопедия. Т. 4. – М.: Мысль, 2001. – С. 144; Социальное управление: Словарь. – С. 169; Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 674.

ствование и развитие системы⁸². Кроме того, сознательное воздействие на внутренние и внешние (по отношению к системе) процессы, создание разнообразия, регулирование, учет⁸³. В целом такой подход дает представление о социальном управлении как о явлении социальной реальности.

В рамках второго подхода можно выделить два отдельных направления.

Первое составляют определения, для которых характерно рассмотрение социального управления как воздействия субъекта управления на объект для достижения определенных целей⁸⁴. Такое понимание сводит весь процесс социального управления к одному из видов управленческой деятельности, оставляя вне определения такие функции как планирование, выработка и принятие решений, организация его исполнения и т. п., без которых социальное управление не осуществимо.

В рамках второго направления социальное управление рассматривается как специфическая целенаправленная деятельность, осуществляемая субъектом по отношению к объекту управления, обеспечивающая движение к заданной цели⁸⁵. Такое определение социального управления характерно для исследователей занимающихся практической стороной вопроса.

⁸² См., напр.: Социальное управление: Словарь. – С. 169; Философский энциклопедический словарь. – С. 674.

⁸³ Василенко И.А. Управление / Новая философская энциклопедия. Т. 4. – С. 144.

⁸⁴ См., напр.: Бурганова Л.А. Теория управления: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2005. – С. 29; Житенев В.Б. Общественное мнение в социальном управлении. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 72; Марков М. Теория социального управления. – М.: Прогресс, 1978. – С. 12; Омаров А.М. Социальное управление: Некоторые вопросы теории и практики. – М.: Мысль, 1980. – С. 29; Основы социального управления: Учебное пособие. / Под ред. В.Н. Иванова. – М.: Высшая школа, 2001. – С. 14-16; Социальное управление: Словарь. – С. 169.

⁸⁵ См., напр.: Алиуллов Р.Р. Механизм социального управления (методологический аспект) // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 6. – С. 134; Андреев С.С. Теория социального управления. Объективная необходимость и сущность социального управления // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 6. – С. 109; Волков Ю.Е. Социальное управление как вид управленческой деятельности в общественных системах. – С. 66; Диев В.С. Философия управления // Личность. Культура. Общество. – 2004. – Т. VI. Вып. 3 (23). – С. 165; Мартанус Р.В. Социальное управление: кадры и кадровая политика. – М.: МГУ, 1986. – С. 17; Франчук В.И. Современные основы социального управления. – С. 89; Хан С.М. Управленческие отношения социализма. – М.: Мысль, 1982. – С. 35.

В структуре управления кроме прочих компонентов выделяются субъект (управляющие) и объект (управляемые)⁸⁶. Как не существует объект без субъекта, так и наличие субъекта всегда предполагает наличие неразрывно связанного с ним объекта. В основе этой закономерности лежит принцип взаимной обусловленности субъекта и объекта⁸⁷. Процесс управления изначально подразумевает наличие объекта управления, вне которого всякое управление теряет свой смысл. Аналогичным образом, управление невозможно без субъекта управления, стремящегося к достижению в процессе управления своих собственных субъективных целей⁸⁸.

Особенностью теории социального управления советского периода является то, что некоторые авторы писали об объективно идущем процессе слияния субъекта и объекта управления⁸⁹ (о тенденции «к совпадению управляющих и управляемых» в демократии говорил еще А. Грамши⁹⁰). Были и явные противники подобных убеждений, утверждавшие, что «невозможность различения» субъекта и объекта управления «означает не что иное, как исчезновение управленческой деятельности вообще, что невозможно»⁹¹.

Представляется неверной и позиция, рассматривающая социальное управление как отношения субъект-субъектные⁹². В качестве аргумента против позиции, утверждающей о слиянии субъекта и объекта

⁸⁶ См., напр.: Андреев С.С. Теория социального управления. Субъект и объект социального управления // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 1. – С. 80-96; Афанасьев В.Г., Урсул А.Д. Об эффективности социального управления // Вопросы философии. – 1982. – № 7. – С. 59; Диев В.С. Философия управления. – С. 165; Житенев В.Б. Общественное мнение в социальном управлении. – С. 72; Пригожин А.И. Цели организаций: стереотипы и проблемы // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 9; Суворов Л.Н., Аверин А.Н. Социальное управление: Опыт философского анализа. – М.: Мысль, 1984. – С. 17, 147.

⁸⁷ См.: Лекторский В.А. Проблемы субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. – М.: Высш. шк., 1965. – С. 25.

⁸⁸ Афанасьев В.Г. Указ. соч. – С. 56.

⁸⁹ См., напр.: Ашин Г.К., Беленький В.К. Управление, демократия и социализм // Философские науки. – 1974. – С. 7; Марков М. Теория социального управления. – С. 77.; Житенев В.Б. Общественное мнение в социальном управлении. – С. 71.

⁹⁰ Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. / Пер. с ит. – М.: Политиздат, 1991. – С. 449.

⁹¹ См.: Лебедев П.Н. Социальное управление. – Л.: ЛГУ, 1982. – С. 153.

⁹² Зборовский Г.Е., Костина Н.Б. Социология управления: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004. – С. 87.

управления, а также управленческих отношений как субъект-субъектных приведем следующее рассуждение: между равнозначными участниками социальных отношений могут складываться лишь отношения взаимодействия, поскольку у таких участников (равных по уровню организации, информационного или ресурсного обеспечения) нет механизмов воздействия друг на друга.

П.Н. Лебедев, затрагивая проблему соотношения субъекта и объекта управления, утверждает, что рассмотрение ее через понятия «управляющая система» и «управляемая система», «терминологически» подчеркивает «своеобразие взаимодействия субъекта и объекта управления, проявляющееся в том, что одна система оказывает упорядочивающее воздействие на другую»⁹³. Такое положение обусловлено тем, что субъект управления «ориентируется в окружающем мире и в механизме действия законов природы и общества. Благодаря этому субъект осознает и свою роль в этом закономерном движении»⁹⁴. Некоторые авторы придерживаются более узкого подхода и причину приобретения статуса субъекта усматривают лишь во владении собственностью⁹⁵. Вместе с тем, обе позиции верно отражают то обстоятельство, что субъектом управления может являться лишь тот, кто обладает неким превосходством над объектом (как ранее отмечалось это может быть более высокий уровень организации, информационного или ресурсного обеспечения).

Таким образом, сущность субъект-объектных отношений между общественными формированиями⁹⁶ (субъектом) и обществом (объектом) можно определить как социальное управление.

Рассмотрение социального управления как субъект-объектных отношений делает необходимым выделение основных субъектов соци-

⁹³ Лебедев П.Н. Указ. соч. – С. 152.

⁹⁴ Там же. – С. 151.

⁹⁵ Андреев С.С. Теория социального управления. Субъект и объект социального управления. – С. 95.

⁹⁶ Бернацкий В.О. Интерес: познавательная и практическая функции. – Томск: ТГУ, 1984. – С. 36.

ального управления. Организационно все субъекты социального управления можно разделить на два вида – хозяйствующие в обществе субъекты и органы управления обществом (государственные и муниципальные). Всех их объединяет всеобщее родовое свойство – монополизм по отношению к обществу⁹⁷.

Для доминирующих на рынке хозяйствующих субъектов характерен монополизм (естественный или искусственный) в сфере удовлетворения потребностей общества в наиболее востребованных потребителями продуктах производства. Органы государственного и муниципального управления выступают монополистами в отношении общества по обеспечению его социальной организации в рамках отдельной территории или сфере жизнедеятельности людей.

Оба вида имеют и общую черту, они одновременно являются монополистами по критерию создания рабочих мест для своих сотрудников. Соответственно, сфера жизни общества, по отношению к которой структура социального управления занимает монопольное положение, определяется ею, и является сферой социального управления. Там, где социальные формирования утрачивают свое монопольное положение по отношению к обществу, ни о каком социальном управлении не может быть речи, поскольку отсутствует механизм реализации управленческих функций.

Вместе с тем, управленческое воздействие социальных формирований направлено не только на членов общества, относящихся к окружающей среде социального формирования, но и на собственную внутреннюю среду (сотрудников). Организационная структура социальных формирований характеризуется следующими признаками:

- 1) иерархичностью уровней управления, когда каждый нижестоящий уровень контролируется вышестоящим и подчиняется ему;

⁹⁷ Либо власть, обретаемая при помощи ресурсных возможностей хозяйствующей элиты, либо ресурсные возможности, обретаемые посредством властных полномочий властной элиты.

2) четкое разделение труда, приводящее к появлению квалифицированных специалистов в каждой должности;

3) регламентация деятельности посредством формальных правил, стандартизирующих выполнение сотрудниками своих обязанностей и координацию их деятельности при решении различных задач;

4) осуществление найма на работу по номенклатурному принципу, исключающее возможность «случайного» найма;

5) формальная обезличенность выполнения должностных обязанностей сотрудников и т.д.

Количество уровней социального управления внутри социальных формирований в каждом случае различно. Однако все они могут быть разделены на три основных группы, каждой из которых свойственны специфические функции социального управления:

1. Низовой (операционный) уровень. Этот уровень социального управления предполагает руководство рядовыми сотрудниками организации или выполнение распорядительных функций во взаимоотношениях с обществом. Управленцы этого уровня отвечают за непосредственное использование выделенных им ресурсов и служат посредниками во взаимоотношениях социальных элит и общества (коллектива).

2. Средний уровень. Этот уровень предполагает контроль над деятельностью управленцев низового уровня. Характер работы управленцев среднего уровня определяется спецификой деятельности подконтрольного ему подразделения в большей степени, нежели спецификой работы общественного формирования в целом. Руководители среднего уровня выступают посредниками между руководителями высшего и низшего уровня. Они готовят информацию для принятия решений на высшем уровне социального управления и транслируют принятые решения в виде конкретных заданий на низовой уровень.

3. Высший уровень. Этот уровень предполагает деятельность по принятию важнейших решений по ключевым вопросам функционирования

ния социальной системы, общества в целом. Управление на высшем уровне подразумевает не просто выполнение функциональных обязанностей, но и определение приоритетов развития общественного формирования, кадровую политику, отношения с обществом и другие виды деятельности.

Уровни, расположенные в середине иерархической пирамиды, характеризуются, по утверждению А.И. Пригожина, наличием двузначных статусов⁹⁸, поскольку могут выступать как в качестве субъекта, так и в качестве объекта социального управления.

Специфика субъектов социального управления и характер их отношений с обществом позволяет различать несколько видов уровней социального управления. Представляется целесообразным выделить пять таких видов: экономический, муниципальный, региональный, государственный, глобальный уровень. Более подробное их рассмотрение позволит лучше понять их особенности, даст представление о специфике социального управления на каждом уровне. Знание этих особенностей необходимо при рассмотрении вопросов, раскрывающих особенности социального контроля (его субъектов, объектов, видов и методов).

Первый вид, экономический, представлен широким спектром экономических субъектов – от небольших частных предприятий до крупных транснациональных корпораций, обладающих признаками монопольного положения на отдельных товарных рынках.

Внутренняя структура экономических субъектов строится по принципу экономической целесообразности в случае, если главной целью является воспроизводственная деятельность, и по принципу управленческой целесообразности, если главной целью является выполнение социального заказа (пример – системы жизнеобеспечения, оборонные предприятия и т. д.).

⁹⁸ Пригожин А.И. Современная социология организаций. – М.: Интерпракс, 1995. – С. 62.

Первый тип организации присущ субъектам предпринимательского плана, находящимся на острие научно-технического прогресса. Такое положение характерно для экономических субъектов, достигших монопольного положения либо за счет производства высококонкурентоспособной продукции, либо за счет недобросовестной конкуренции.

Второй тип организации характерен для экономических субъектов, являющихся монополистами в традиционном понимании этого слова. Следует напомнить, что монополисты в экономике появляются там, где экономическим субъектам органами государственной власти передаются исключительные функции по обеспечению отдельных сфер социальной деятельности⁹⁹. Такой монополизм является искусственно созданным и никакого отношения к предпринимательской деятельности не имеет.

Внутренняя структура таких субъектов социального управления может существенно различаться в зависимости от их хозяйственной деятельности, и строиться по дивизиональным, функциональным, продуктовым или региональным принципам. При этом она носит адаптивный характер по отношению к окружающей среде.

Разделение управленческих функций на этом уровне ведет к появлению двух категорий управленцев – «собственников» и «менеджеров»¹⁰⁰. «Собственники» принимают принципиальные решения и определяют политику социального формирования, а «менеджеры» отвечают за организацию производственного процесса. «Собственники» постоянны и несменяемы, тогда как карьера «менеджеров» зависит от экономической эффективности их работы.

Регламентация деятельности «менеджеров» на экономическом уровне осуществляется посредством установления формальных правил поведения. Однако оценка деятельности производится на основе анали-

⁹⁹ См., напр.: Гританс Я.М. Корпоративные отношения: Правовое регулирование организационных форм. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 27-33.

¹⁰⁰ По Паркинсону – «вельможи» и «придворные», по Оруэллу – внутренняя и внешняя партии и т. д.

за показателей экономической эффективности. Кроме того, внутренняя структура и связанные с ней функциональные обязанности легко трансформируются в случае экономической необходимости.

Подбор кадров здесь, хотя и носит субъективный характер, но осуществляется по профессиональному принципу, главный критерий которого – способности и навыки кандидата. Такой подход делает возможным ошибки при найме, но позволяет в конечном итоге обеспечить максимальную отдачу на рабочем месте.

Формальная обезличенность при выполнении должностных обязанностей сохраняется только в тех случаях, когда ответственность за принятие решений ложится на руководителя соответствующего подразделения. В противном случае управленец, допустивший ошибку, рискует лишиться рабочего места. Столь жесткий подход обусловлен экономическими мотивами и не распространяется на «собственников» в данных социальных формированиях.

Вторым уровнем социального управления является муниципальный уровень. Он представлен органами местного самоуправления территорий, формально отделенными от государства и обладающими на территории своих муниципальных образований монопольными правами в решении местных вопросов.

Внутренняя структура субъектов социального управления муниципального уровня в целом определяется спецификой тех полномочий местного значения, которые переданы в их ведение. Поэтому, несмотря на формальную независимость от органов государственного управления, муниципальные органы управления вынуждены осуществлять свою деятельность в установленных для них граничных рамках¹⁰¹. Вместе с тем, они обладают высокой долей самостоятельности при решении внутрен-

¹⁰¹ Ковешников Е.М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. – М.: Норма, 2001. – С. 28.

них вопросов (кадры, ресурсы, организация), а также независимостью по отношению к обществу в промежутке между выборами.

Муниципальные формирования обладают монопольным правом на исключительное использование закрепленных за ними доходных источников, которые стабилизируют их ресурсные возможности. В роли «собственника» здесь выступает глава муниципального образования, который единолично определяет приоритеты муниципального управления.

Такое положение ориентирует «менеджеров» (управленцев среднего и нижнего уровня) на лояльное отношение к своему высшему руководителю, а не на решение общественных задач. Соответственно, это создает почву для формирования структуры социального института по номенклатурному принципу, а не на основе личных способностей претендентов и потребностей общества.

Внутренние функции социального управления разбиваются на множество мелких составляющих по отдельным направлениям. В результате каждый управленец выполняет свои функции обособленно от реальных задач, стоящих перед муниципальным образованием в целом. Такое стремление, по мнению С. Ковалевски, приводят к тому, что «частичные задачи,... вырастают в их представлении до размеров самостоятельных задач, которые они стремятся максимизировать, даже если это нанесет ущерб организационному целому»¹⁰². Вместе с тем, основными критериями эффективности работы управленца являются лояльность к вышестоящему руководящему лицу и скрупулезное выполнение предписанных свыше обязанностей.

Принципиальные решения принимаются на высшем уровне социального управления, в зависимости от того, насколько стоящие задачи соответствуют задачам всего социального формирования в лице его руководителя. Типичным недостатком муниципальных образований явля-

¹⁰² Ковалевски С. Научные основы административного управления. – М.: Экономика, 1979. – С. 51.

ется высокая степень субъективизма при принятии решений, ведущая к неэффективному расходованию общественных ресурсов и бесконтрольности при принятии решений. Иерархичность внутренних уровней управления при отсутствии экономических приоритетов в оценке эффективности вызывает неадекватность информационных потоков, надуманность решаемых проблем и неоправданное разрастание управленческого аппарата.

Регламентация деятельности посредством должностных инструкций и формальных правил поведения на этом уровне присутствует. Однако в рамках своих полномочий муниципальные образования обладают полной самостоятельностью и их инструкции носят внутренний нестандартизированный характер.

Социальные формирования муниципального уровня, как правило, не обладают необходимым потенциалом для разработки собственной организационной структуры, ориентированной на специфические особенности муниципальных образований. Поэтому, в своей деятельности они копируют инфраструктуру и принципы организации государственных учреждений.

Формальная обезличенность при выполнении должностных обязанностей здесь присутствует не в меньшей мере, чем в государственных органах управления. А при решении вопросов местного значения представители органов муниципального управления представляют собой истину в последней инстанции и несут ответственность за принятые решения исключительно только перед главой муниципального образования.

Региональный уровень, третий уровень социального управления, представлен субъектами регионального управления в федеративных государствах или их аналогами (с ограниченными полномочиями) в унитарных государствах, обладающими монопольными правами в рамках своей компетенции.

Внутренняя структура субъектов социального управления регионального уровня в целом определяется спецификой тех полномочий регионального значения, которые переданы в их ведение. Несмотря на формальное подчинение федеральному центру и нахождение в структуре органов государственного управления, такие субъекты обладают значительной самостоятельностью. Региональные субъекты социального управления олицетворяются социальными элитами регионального уровня, которые чаще всего фактически безраздельно осуществляют функции социального управления в рамках отдельных региональных образований.

Во-первых, региональные элиты оказывают определяющее влияние на формирование кадрового состава разных уровней государственной и муниципальной власти на местах. Во-вторых, региональные элиты являются кадровым резервом для центральных органов государственной власти. В-третьих, в руках этих элит сосредоточен контроль над региональными ресурсами и социальными возможностями региональных образований.

Взаимодействие в системе регионального управления происходит в основном по вертикали, т. е. между начальником и подчиненными. Управленческие отношения регламентируются инструкциями и решениями руководства, имеющими силу законов и нормативных актов.

Иерархичность уровней регионального управления определяется высшим руководителем, который по отношению к региональному образованию выполняет функции «собственника». Соответственно, именно на него ориентируется в своей деятельности аппарат социального управления не только регионального, но и всех других уровней.

Такое положение способствует субъективности при принятии решений, игнорированию реальных потребностей общества и раздуванию административного аппарата. В результате деятельность региональных органов управления формализуется, и они развиваются обособленно от формирующих их региональных образований.

Формальная обезличенность выполнения должностных обязанностей на этом уровне значительно усиливается за счет того, что функции взаимодействия с обществом (и связанная с этим ответственность) передаются на муниципальный уровень социального управления. Большинство чиновников, даже находящихся на низших уровнях внутренней иерархии, выступают по отношению к окружающей среде в качестве управленцев среднего уровня, поскольку являются посредниками между субъектом регионального управления в целом и субъектами управления нижестоящих уровней. Они готовят информацию для принятия управленческих решений и ретранслируют их в виде обязательных к исполнению распоряжений.

На этом уровне социального управления происходит формирование полноценной номенклатурной системы «пожизненного найма». Участники такой системы отождествляют свои личные интересы интересам соответствующего социального формирования, и это служит безусловной гарантией их привилегированного положения и служебного роста.

Наличие сформированной номенклатуры управленческих кадров существенно упрощает процесс руководства социальным институтом. Однако оно же делает жизненный цикл социальной элиты регионального уровня практически бесконечным, не зависящим от личности высшего руководителя регионального образования.

Четвертый – государственный уровень представлен самостоятельными органами государственного управления, обладающими монопольными правами решения вопросов государственного ведения на своей территории.

Органы социального управления государственного уровня обладают всей полнотой власти в отношениях с обществом, выступая в качестве суверена. Именно они являются гарантом прав не только рядовых членов общества, но и прав (полномочий и возможностей) социаль-

ных формирований низших уровней. Соответственно, государственные интересы превалируют над всеми остальными интересами. В противном случае государство утрачивает контроль над обществом и стремительно деградирует.

Государственные структуры управления ориентированы в своей деятельности на высшего руководителя, выступающего в роли «собственника» в течение срока его полномочий. Здесь также происходит деление на «собственников» и «менеджеров» (номенклатурную бюрократию), интересы которых расходятся. Это ведет к возникновению объективных противоречий между ними, обусловленных различием потребностей.

«Собственник» и возглавляемая им элита (команда) заинтересованы в конкретных результатах деятельности государственных структур. «Менеджеры» заинтересованы в расширении своих полномочий и в сохранении достигнутого статуса.

Поэтому информация о состоянии дел, поступающая от общества, из других уровней социального управления, а также с низших уровней государственного управления, корректируется и искажается «менеджерами» в своих интересах. Положение усугубляется относительной самодостаточностью социальных институтов среднего уровня управления (министерства, ведомства и др.), самостоятельно определяющих кадровую политику, инфраструктуру управления и т. д.

Органы социального управления регионального и государственного уровней (в отличие от иных социальных формирований) самостоятельно формируют номенклатуру кадров. Чиновники, войдя в состав такой номенклатуры, включаются в деятельность соответствующей среды (элитарной общности), которая формирует собственные правила поведения и мало зависит от высшего уровня социального управления.

Едва ли не единственным методом внутреннего управления в этой ситуации служит жесткая регламентация максимально возможного числа

управленческих функций среднего и низшего звеньев управления¹⁰³. Однако и этот метод приносит лишь относительный эффект ввиду формальной обезличенности государственных служащих при выполнении должностных обязанностей.

Обезличенность не позволяет управленцу выйти за рамки регламентированных норм поведения, и это существенно снижает его возможность гибко реагировать на изменение ситуации. Американский специалист в области государственного управления Дж.Ю. Стиглиц выделяет четыре основные причины внутренней несостоятельности государственного управления¹⁰⁴:

- 1) недостаточная информированность высших органов власти государства;
- 2) ограниченный контроль над ответной реакцией частного сектора;
- 3) ограниченный контроль над бюрократией;
- 4) ограничения, налагаемые политическими процессами.

Вместе с тем, внутренняя структура органов государственного управления носит четко выраженный функциональный характер и определяется задачами, которые им приходится решать в процессе своей деятельности. Поэтому принципы и закономерности развития внутренней организации государственных институтов практически едины независимо от времени и места их действия.

Все уровни органов государственного управления объединяет одно основополагающее свойство – объектом приложения их усилий в конечном итоге является общество. По отношению к нему органы государственного управления являются безусловным и абсолютным монополистом. Все это предоставляет членам государственной элиты возможности индивидуальной самореализации, не сопоставимые с возможностями, имеющимися на других уровнях социального управления.

¹⁰³ Ковалевски С. Указ. соч. – С. 89-90.

¹⁰⁴ Стиглиц Дж.Ю. Экономика государственного сектора. – М.: МГУ: ИНФРА-М, 1997. – С. 14-15.

Глобальный уровень, последний из уровней социального управления, представлен в основном надгосударственными социальными институтами, выполняющими уникальные функции социального управления, не свойственные социальным институтам других уровней (ООН, МОК, Международный трибунал, МВФ и т. д.). На этом уровне в равной мере могут существовать как хозяйствующие субъекты в лице транснациональных корпораций, так и органы социального управления, действующие в наднациональном масштабе. Однако нас в первую очередь интересуют последние.

Потребность в деятельности социальных институтов глобального уровня формируется тогда, когда возникают проблемы, решение которых невозможно силами государственных институтов. Государственные элиты при этом делегируют часть своих полномочий на надгосударственный уровень управления и принимают на себя обязательства выполнять решения, принятые на этом уровне.

Глобальные институты при этом выполняют в основном координирующие функции. Иерархичность их уровней внутреннего управления по-своему уникальна. Высший уровень формируется на коллегиальной основе из представителей социальных элит государств-участников. Средний уровень представляет собой сообщество «менеджеров» (внутреннюю бюрократию) со своей номенклатурой, полномочиями и ресурсами. Низовой уровень представлен обычно подразделениями глобальных институтов на местах (в государствах-участниках) и формируется на местной основе.

Вместе с тем, во главе глобальных институтов стоят лидеры, которые с определенной долей условности могут быть признаны лицами, выполняющими функции «собственников». Однако их возможности глобального социального управления сильно урезаны, и сами они находятся в зависимости от социальных элит ведущих государств-участников.

Глобальные институты обладают значительной мерой самостоятельности в решении кадровых вопросов, поскольку только они способны определять степень квалификации специалистов в соответствующих областях. Каждое государство-участник глобального института представлено делегированными в его состав членами управленческой элиты, формирующей при этом свою обособленную межнациональную общность. В случае внутреннего единства такой общности она способна самостоятельно решать вопросы внутреннего значения, а также навязывать свою волю при решении вопросов, отнесенных к компетенции надгосударственного института.

Регламентация управленческой деятельности здесь также присутствует. Однако она в большинстве случаев носит формальный характер, поскольку социальный контроль за соблюдением норм и правил поведения осуществляется в рамках самого глобального института. Аналогичным образом осуществляется формальная обезличенность при принятии решений, ведущая к возникновению круговой поруки.

Номенклатурный принцип найма сотрудников среднего уровня управления здесь также работает. Основным критерием при таком найме выступает лояльность к высшему руководству глобального института и личный вклад в его развитие.

Все это ведет к возникновению объективных противоречий в реализации интересов глобальных институтов и формирующих их государств-участников. Однако эти противоречия не носят антагонистический характер, поскольку отсутствует иная альтернатива решения проблем надгосударственного значения.

Таким образом, несмотря на существенные видовые различия, проявляющиеся на разных уровнях социального управления, все они обладают единым родовым свойством: независимо от вида и уровня социального управления в качестве основного объекта управленческого воздействия выступает общество. Следовательно, в роли обобщенного

субъекта социального управления могут выступать только те, кто олицетворяет собой соответствующие социальные формирования, т. е. социальные элиты¹⁰⁵. Функционально при помощи социального управления его субъекты решают задачи по:

1) мобилизации общественных усилий на формирование социальных (государственных, муниципальных, корпоративных) ресурсов;

2) обеспечению решения текущих и перспективных задач социального управления, а также поддержанию эффективности работы управленческого аппарата и управленческой инфраструктуры;

3) предотвращению формирования альтернативных элит в этнической среде общества и рекрутированию в свои ряды наиболее способных членов этнических элит;

4) формированию стереотипов социального поведения в обществе, а также социальных ценностей, традиций и культурных установок (идеология и пропаганда);

5) решению насущных проблем общества в той мере, в которой эти проблемы представляют угрозу для социальной стабильности (образование, медицина и др.);

6) формированию инфраструктуры, обеспечивающей предотвращение и подавление акций социального протеста со стороны общества и регламентацию общественной деятельности (правовые механизмы);

7) легитимизации сложившихся социальных отношений, а также установлению правил политической деятельности для минимизации риска утраты социального влияния на общество и т. д.

Таким образом, исходя из специфики решаемых задач, основную цель социального управления можно определить как сохранение и поддержание стабильности социальной организации по отношению к клю-

¹⁰⁵ Термин «элита» в данной работе понимается как часть общества, обладающая монополией на использование организации, информации или ресурсов общества и занимающая доминирующее положение в системе социальной иерархии. (См., напр.: Восленский, Ландберг, Моска, Миллс и др.).

чевым сферам жизни общества. Это не единственная цель, но она обусловлена потребностями стабильности социальных формирований, и потому ее достижение является основной функцией жизнедеятельности любого социального формирования.

В противном случае социальное формирование утрачивает гомеостатичность по отношению к окружающей среде (т. е. к обществу и другим социальным формированиям) и стремительно деградирует, оказываясь неспособным обеспечить доминирование социальной элиты над обществом. Чтобы избежать этого, социальные формирования реализуют функцию социального управления обществом, используя в качестве наиболее эффективного средства обеспечения стабильности механизм социального контроля, который, будучи составной частью процесса социального управления, объективно необходим при его осуществлении, поскольку обусловлен потребностями функционирования субъекта управления, продвижения объекта к поставленной цели. Роль и значение социального контроля в структуре социального управления будут рассмотрены далее.

§ 3. Природа и сущность социального контроля

Рассмотрение социального управления как специфической целенаправленной деятельности, осуществляемой субъектом по отношению к объекту управления и обеспечивающей движение к заданной цели, позволяет определить социальный контроль как вид управленческой деятельности. Термин «вид» в систематике выступает как подразделение, входящее в состав высшего раздела – родового понятия. Вид обладает всеми признаками родового понятия (в данном случае –

управленческой деятельности), но имеет также и свои особые видовые признаки, отличающие его от других видов данного родового понятия.

Социальный контроль, воплощает ряд родовых признаков социального управления. Одним из самых важных является целенаправленность. Социальный контроль в структуре социального управления носит подчиненный характер – он подчинен цели социального управления.

Подход к рассмотрению социального контроля в таком ключе позволяет увидеть его видовые отличительные признаки (в частности, различие в направленности социального управления и социального контроля на один и тот же объект социального управления). Социальное управление как определенная деятельность направлено на достижение объектом поставленной цели управления.

Социальный контроль как вид управленческой деятельности направлен на обеспечение такого состояния и поведения этого же объекта социального управления, которое позволяет достичь поставленной цели. Таким образом, социальное управление и социальный контроль соотносятся как целое и часть, общее и особенное.

Обозначив ранее группы определений, которые в большей степени отражают сущность социального контроля, следует обратиться к более подробному их рассмотрению. В современной теории социального управления можно обнаружить достаточно большое разнообразие подходов и мнений, относящихся к природе социального контроля.

К примеру, Т. Парсонс определяет социальный контроль как «такой процесс мотивации ..., который стремится противодействовать тенденции к отклонению от выполнения ролевых ожиданий» актора¹⁰⁶. М. Марков основное предназначение социального контроля видит в том, чтобы «противостоять отклонениям от спланированных и запрограммированных социальных действий в социальном управлении»¹⁰⁷. Представлен-

¹⁰⁶ Парсонс Т. О социальных системах. – С. 309.

¹⁰⁷ См.: Марков М. Технология и эффективность социального управления. – М.: Прогресс, 1982. – С. 109.

ные подходы рассматривают социальный контроль как механизм социального управления, действие которого направлено на предупреждение и противодействие отклонениям от требуемого (ожидаемого) поведения объекта. Однако это лишь одно из направлений его функционирования.

В свою очередь, В.С. Бакиров, понимая под социальным контролем «механизмы, регулирующие общественные отношения путем создания, поддержания и воспроизведения соответствующих стандартов, образцов, типовых масштабов поведения людей, определения конкретных прав и обязанностей каждого человека»¹⁰⁸, упускает из виду вышеуказанную особенность. Однако, его определение в отличие от приведенных выше, указывает на то, что социальный контроль обеспечивает создание и поддержание условий, в рамках которых поведение объекта рассматривается как правильное.

В философском энциклопедическом словаре социальный контроль рассматривается как «совокупность процессов в социальной системе, посредством которых обеспечивается следование определенным «образцам» деятельности, а также соблюдение ограничений в поведении, нарушение которых отрицательно сказывается на функционировании системы»¹⁰⁹. Другими словами, социальный контроль обеспечивает поведение объекта в заданном направлении, т. е. характеризует некий промежуточный этап между созданием условий для такого поведения и борьбой с отклонениями от заданного направления. Таким образом, приведенные выше определения отражают сущность социального контроля лишь частично, рассматривая в каждом случае отдельные его особенности.

Между тем, социальный контроль как особый вид управленческой деятельности, направленный на обеспечение достижения целей соци-

¹⁰⁸ Бакиров В.С. Социальный контроль как регулятор общественных отношений. Автореф. канд. дис. – Харьков, 1976. – С. 1.

¹⁰⁹ Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 612.

ального управления, осуществляется в следующих основных направлениях:

во-первых, создание граничных рамок (условий), которые направляют поведение объекта и в которых поведение объекта рассматривается как желаемое;

во-вторых, обеспечение посредством специфических методов и инструментов движение объекта в заданном направлении;

в-третьих, выявление и пресечение отклонений от социально признанного поведения.

Наиболее продуктивным представляется позиция исследователей, рассматривающих социальный контроль как целенаправленное рациональное воздействие¹¹⁰, поскольку данный подход отражает всю специфику указанных направлений и отражает видовой признак присущий этому роду управленческой деятельности – осуществление целенаправленного воздействия на объект социального управления.

Вместе с тем, ряд исследователей предлагают рассматривать субъект-объектные отношения, складывающиеся в рамках осуществления социального контроля, как «отношения властного характера, ибо они предполагают наличие властных полномочий у того, кто осуществляет контроль»¹¹¹. Данная позиция восходит к высказыванию Ленина о том, что «для того, чтобы контролировать, нужно иметь власть»¹¹². Подобный подход может быть оправдан лишь в том случае, если «отношения властного характера» не рассматриваются как тождественные политической власти, поскольку социальный контроль способны осуществлять не только органы государственной власти.

¹¹⁰ См., напр.: Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. – М.: Наука, 1978. – С. 64, 65; Социальное управление: Словарь. – С. 74; Привезенцев В.А. Контроль – важнейшая функция управления образованием // Официальные документы в образовании. – 2005. – № 32. – С. 64.

¹¹¹ Социальный контроль в СССР. – С. 9.

¹¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 31. – М.: Политиздат, 1980. – С. 346.

В данном случае уместно вспомнить определение власти М. Вебера как способности субъекта добиваться определенного действия или бездействия от объекта помимо его воли. В таком понимании власти социальный контроль действительно может рассматриваться как «отношения властного характера».

Таким образом, можно сформулировать следующее определение рассматриваемого понятия: ***социальный контроль – это целенаправленное управленческое воздействие субъекта социального контроля на объект с целью формирования у последнего желаемых моделей поведения, мировосприятия и нравственных ориентиров.***

Как элемент социального управления социальный контроль направлен на формирование готовности общества к социальному подчинению и обеспечение этого подчинения. Функции социального контроля могут осуществлять любые социальные институты или группы, государственные или общественные организации¹¹³. В зависимости от целей и условий, возникающих в процессе социального развития, степень гибкости социального контроля и его механизмы изменяются, что рассматривается как предпосылки социального прогресса. Вместе с тем, чрезмерно жесткий социальный контроль может привести к негативным последствиям. Следствием этого становится социальный застой и деградация. Равно как и слабый социальный контроль ведет к недостаточной эффективности социального управления и способствует росту анти-социальных настроений в обществе¹¹⁴.

Для осуществления социального контроля применяются как позитивные (поощрение, премирование и т. п.), так и негативные (наказание, ущемление каких-либо прав и т. п.) санкции. Санкции социального контроля принято разделять также на формальные и неформальные в зависимости от их характера.

¹¹³ См.: Кочерин Е.А. Контроль как функция управления. – М.: Знание, 1982. – С. 21.

¹¹⁴ Подробнее см.: Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.). – С. 365.

Санкции формального социального контроля регламентированы и осуществляются главным образом государственными учреждениями, общественными организациями и т. п. Неформальный социальный контроль представляет собой совокупность спонтанных реакций (одобрение или ирония, восторг или отказ от контактов, физическое воздействие и т. п.) участников какого-либо процесса, выражающих взаимную оценку поведения друг друга, к различным формам общественного мнения по поводу поведения членов общества и т. п.¹¹⁵.

Применение санкций обосновывается через категоризацию индивидуального или группового поведения посредством отнесения его к определенному типу действий (одобряемому или порицаемому). В результате обеспечивается совпадение или минимизация расхождения между фактическим и ожидаемым поведением общества. Реализация функций социального управления подразумевает выделение двух видов социального контроля: прямой контроль основан на реализации интересов и потребностей осуществляющих его социальных институтов; обратный контроль основан на реализации интересов и потребностей общества в отношениях с социальными институтами.

Прямой социальный контроль, осуществляемый социальными формированиями, направлен на внедрение в общественное сознание желаемых поведенческих образцов и стереотипов. Необходимость в обратном социальном контроле со стороны общества возникает тогда, когда прямой контроль оказывается недостаточно эффективным. Данный процесс изначально всегда носит стихийный характер и основан на общности интересов членов общества.

Санкции, применяемые к объектам прямого контроля, включают в себя два вида мер социального воздействия: меры нормативного стиму-

¹¹⁵ Иногда к неформальному социальному контролю относят и самоконтроль. (См., напр.: Козырев Г.И. Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль // Социологические исследования. – 2005. – № 8. – С. 128; Михайлов С. Оптимальное функционирование социального управления. – М.: Прогресс, 1989. – С. 203).

лирования (признание, отличие, награда); меры репрессирования отклоняющегося поведения (от убеждения и запрета до прямого принуждения и давления).

По мнению П.Н. Лебедева, эффективность мер социального контроля зависит не только от формально созданных граничных рамок, внутри которых действует объект контроля, но и от интериоризации этих норм в процессе социализации¹¹⁶. Стремление к социальному признанию, безопасности и социально допустимому поведению определяют, как утверждает Б. Карлофф, индивидуальные особенности членов общества¹¹⁷.

Вместе с тем, при осуществлении социального контроля учитываются особенности не только социальных, но и этнических отношений. Это способствует формированию в обществе необходимых субъекту контроля социальных ценностей, традиций и стереотипов мышления, замещающих этнические и индивидуальные ценности, традиции и стереотипы мышления.

На уровне межсубъектных отношений предпосылки социального контроля можно обнаружить уже в семейных отношениях между родителями и детьми. Эту особенность отметил еще Аристотель, который писал: «Власть мужа над женой можно сравнить с властью политического деятеля, власть отца над детьми – с властью царя»¹¹⁸. Аналогичная мысль прослеживается и в трудах мыслителей более позднего времени. Так Ж.Ж. Руссо тоже отмечал, что самый древний из всех общественных институтов и одновременно самый естественный – это семья¹¹⁹.

И в наши дни многие исследователи феномена социального управления находят предпосылки социального контроля в семейных отношениях. Так, например, С.Н. Паркинсон считает, что психологические

¹¹⁶ Лебедев П.Н. Указ. соч. – С. 29.

¹¹⁷ Карлофф Б. Деловая стратегия: концепция, содержание, символы. – М.: Экономика, 1991. – С. 102-105.

¹¹⁸ Аристотель. Указ. соч. – С. 44.

¹¹⁹ Руссо Ж.Ж. Об Общественном договоре. Трактаты. – С. 198.

корни социального контроля как общественного явления скрыты в отношениях главы семьи (отца) и детей. Он пишет: «...чувство подчиненности у детей прочно основано на здравом смысле и традициях. Их отношение ... включает в себя три ярко выраженных элемента: восхищение отцовской мудростью и мастерством; любовь к тому, кто как минимум помогает ребенку выжить, и боязнь наказания за непослушание»¹²⁰.

Он считает, что поскольку семейные связи выступают в качестве прообраза социальных отношений в обществе, то по мере взросления ребенка чувство подчиненности в семье органично трансформируется в чувство подчиненности в обществе¹²¹. Поэтому совершенно логично считать, что корни социального контроля следует искать в семейных отношениях.

Однако межличностные отношения не сводятся только лишь к отношениям в семье. К ним относятся также и взаимоотношения людей, не состоящих между собой в родстве. Эти отношения могут носить как эпизодический, так и долговременный характер.

Эпизодические отношения, как правило, не оказывают существенного влияния на формирование и поведение личности. В то время как на основе общности интересов и целей деятельности формируются социальные группы, которые принято рассматривать как «совокупность людей, имеющих общий социальный признак и выполняющих общественно необходимую функцию»¹²².

Э. Дюркгейм придавал группе самостоятельное значение как особому элементу социальной реальности, выполняющему в обществе свою специфическую функцию. В качестве социальной группы могут

¹²⁰ Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. – М.: Прогресс, 1989. – С. 205.

¹²¹ Там же. – С. 206.

¹²² Антипина Г.С. Группа социальная / Энциклопедический социологический словарь. – С. 151.

рассматриваться семья, коллектив и т. п., в общем, любая относительно устойчивая совокупность людей¹²³.

В свою очередь на базе межличностных отношений долговременного характера могут формироваться этнические общности с присущими им этническими отношениями. Теорию этнической общности развивал Л.Н. Гумилев. Она представляется наиболее целостной и ее рассмотрение необходимо для выявления природы и сущности социального контроля.

Наиболее реалистичное определение этноса было дано в различных вариантах Л.Н. Гумилевым в работе «Этногенез и биосфера Земли». Обобщенно его сущность можно определить следующим образом: «этнос – это устойчивое сообщество людей, противопоставляющее себя прочим аналогичным сообществам, имеющее своеобразную внутреннюю структуру и динамически изменяющиеся стереотипы поведения»¹²⁴. Такая форма отношений привносит абсолютно новое качество в обычные межличностные отношения и потому приобретает принципиально новые видовые признаки.

Этнические отношения не отменяют, а дополняют межличностные отношения качественно новым содержанием на более высоком уровне организации. Они изначально подразумевают управленческое воздействие на членов этноса, которое можно обозначить термином «этнический контроль».

По аналогии с понятием «социальный контроль» этнический контроль можно определить как формирование у членов этнической общности моделей обособленного поведения, мировосприятия и нравственных ориентиров, осуществляемое в рамках этнических отношений; один из важнейших факторов этнической самоидентификации.

¹²³ См., напр.: Лапин Н.И. Социальные группы / Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 611; Коростелева Е.А. Социальная группа / Новейший философский словарь. – Мн.: Изд. В.М.Скакун, 1998. – С. 649.

¹²⁴ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: «Институт ДИ-ДИК», 1997. – С. 217.

Этническое мировоззрение основано на сознательном разделении общества на «своих» и «чужих». Оно не является имманентной характеристикой этнических отношений, а составляет сущность межличностных отношений в семье. В ходе этнического контроля такое разделение замещает естественные отношения между людьми, основанные на стремлении к самореализации и удовлетворению индивидуальных потребностей. С одной стороны у членов этнической общины формируется восприятие общины как аналога единой семьи, а с другой стороны создается иллюзия естественности этнических ролей, иерархий и авторитетов внутри общины¹²⁵.

Процесс этнического контроля обладает специфической уникальной сущностью, находящей свое качественное развитие и продолжение в процессе социального контроля. Речь идет об отчуждении права на самостоятельное формирование индивидуального мировоззрения, норм и правил поведения в обществе. Об этом писал Р.А. Уилсон: «Единственное универсальное табу – это табу на жизнь без табу. Каждое племя имеет свой собственный набор табу и запретов, но ни одно племя не позволяет индивиду в его составе самостоятельно формировать этот набор для себя»¹²⁶.

Отчуждение части индивидуальных прав членов этнической общности является жизненной необходимостью для любого этнического образования. Поскольку главное условие существования любого этноса заключается в наличии достаточного количества убежденных членов этнической общности, то основная задача этнического управления заключается в сохранении контроля над их сознанием.

Этнический контроль предполагает существование общепринятых «истин», традиций и норм поведения, а также этнической элиты, обеспечивающей их незыблемость. И чем больше прав личности затрагивает

¹²⁵ См., напр.: Этнические стереотипы поведения. – Л.: Наука, 1985. – С. 132-135.

¹²⁶ Уилсон Р.А. Психология эволюции. – К.: Янус, 1998. – С. 128-129.

их отчуждение, тем в большей степени зависимости от общины находятся ее члены и тем выше степень их этнической идентичности.

В результате этнического контроля происходит такая стандартизация мировосприятия и поведения членов общины, которая позволяет говорить об этносе как о едином общественном образовании. «Этнические характеристики, – отмечает М.И. Бобнева, – связаны с мироощущением, моделями восприятия человеком окружающего мира и отношением к нему; «этническое» проявляется в образе жизни членов этнических общностей и выполняет социальную и социально-психологическую функции, в т.ч. функцию нормативной ориентации, нормативной регуляции отношений и взаимодействий между членами этнических общностей в соответствии с представлениями об этнической особенности, исключительности, преимуществах данной общности»¹²⁷. И именно этнический контроль делает возможным разделение в рамках этноса этнических ролей, согласованное поведение общины и в конечном итоге – этническое управление, в котором роль субъекта управления выполняет этническая элита, а роль объекта – члены общины.

Становление и развитие этнических образований неизбежно ведет к формированию на их базе социальных институтов общества. В этом процессе можно выделить два основных этапа. Первый этап характеризуется процессом распространения этнических стереотипов поведения за пределы этнических формирований. В результате происходит расширение сферы влияния этнических элит. На втором этапе происходит правовое закрепление статуса этнических элит и трансформация этнических отношений в социальные отношения.

Первым признаком перехода от этнического сообщества к социальному образованию является переход к ретрансляции этнических ценностей в общество, т. е. переход на качественно иной уровень социального управления, смена субъекта и объекта воздействия. В резуль-

¹²⁷ Бобнева М.И. Указ. соч. – С. 22.

тате этническая общность трансформируется в аппарат социального управления (группу избранных), а этническая элита превращается в социальную (правлящую) элиту.

Инструментально социальный контроль решает задачи, совпадающие с задачами общественной организации на предыдущих ее уровнях. Однако существуют одно качественное различие, заключающееся в ином субъекте управленческого воздействия. Формальным субъектом здесь выступает не семья, коллектив или этнос, а абстрактная система социальных отношений, представленная социальными институтами, олицетворяемыми социальными элитами.

Здесь также происходит деление общества на «своих» и «чужих», но свои и чужие определяются не принадлежностью к этносу, а принадлежностью к социальной системе. «Власть поддерживает, способствует формированию, а нередко и создает такие экономические, политические, духовные отношения в обществе, – отмечает В.Е. Чиркин, – которые способствуют усилению роли «своих» социальных слоев и объединений»¹²⁸.

Сначала происходит присвоение социальной системой (то есть олицетворяющей ее элитой) монополии на обеспечение отдельных сторон жизнедеятельности общества, а затем формирование комплекса условий, на которых члены общества могут получить доступ к социальным благам. Таким образом, элитарная общность, олицетворяющая социальную систему, обособляется от общества и противопоставляет себя ему в рамках субъект-объектных отношений по поводу социального управления.

Различие сущности этнических и социальных отношений Ф. Энгельс отразил в следующих строках: «Обладая публичной властью и правом взыскания налогов, чиновники становятся, как органы общества, над обществом. Свободного, добровольного уважения, с которым отно-

¹²⁸ Чиркин В.Е. Основы сравнительного государственоведения. – М.: Артикул, 1997. – С. 98.

сились к органам родового общества, им уже недостаточно, даже если бы они могли завоевать его; носители отчуждающей от общества власти, они должны добывать уважение к себе путем исключительных законов, в силу которых они приобретают особую святость и неприкосновенность. Самый жалкий полицейский служащий цивилизованного государства имеет больше «авторитета», чем все органы родового общества, вместе взятые; но самый могущественный монарх и крупнейший государственный деятель или полководец эпохи цивилизации мог бы позавидовать тому не из-под палки приобретенному и бесспорному уважению, которое оказывают самому незначительному родовому старейшине. Последний стоит внутри общества, тогда как первые вынуждены пытаться представлять собой нечто вне его и над ним»¹²⁹.

Социальное управление с первых мгновений прихода к власти социальных элит подразумевает разделение социальной элиты на две взаимозависимые группы – «властителей» и «функционеров»¹³⁰. «Властители» находятся вне сферы социального управления и контроля, обладая реальной информацией о его источниках, механизмах и функциях. Они обладают всей полнотой прав и возможностей для формирования и реализации как своих индивидуальных потребностей, так и потребностей других членов общества, и потому являются правящей элитой любого общества.

«Функционеры» обеспечивают работоспособность сферы социального управления и контроля. Они не обладают полной информацией об источниках и механизмах социального управления. Социальная зависимость делает их самих объектом социального контроля. Однако, в отличие от остального общества, этот контроль осуществляется

¹²⁹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. – М.: Политиздат, 1985. – С. 198.

¹³⁰ Например, президент и федеральные чиновники, губернатор и чиновники его администрации, владелец предприятия и наемные сотрудники аппарата управления.

не в сфере внешнего формирования субъективного мировоззрения, а благодаря естественной зависимости их от социальных институтов.

В результате у членов общества отчуждается право личности на самостоятельное формирование индивидуального мировоззрения. Одним из первых эту сторону социального контроля сформулировал еще Платон, когда писал: «... пусть человеческая душа приобретет навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно. Пусть жизнь всех людей всегда будет возможно более сплоченной и общей. [...] Надо начальствовать над другими и самому быть у них под началом. А безначалие должно быть изъято из жизни всех людей и даже животных, подвластных людям»¹³¹.

Эта закономерность проявляется на всех уровнях социальной иерархии в обществе. Причем она наблюдается даже на глобальном уровне, где социальные системы представляют граждане ведущих мировых держав (т. н. «золотой миллиард»), а общество – население остальных стран Земного шара. Например, граждане стран Западной Европы или США пользуются за их пределами особыми правами и привилегиями, обусловленными их гражданством (социальным статусом). Эти права и привилегии обеспечивают им гораздо лучшие условия жизнедеятельности, чем, скажем, гражданам Танзании.

Страх утраты имеющихся возможностей для удовлетворения индивидуальных потребностей заставляет граждан развитых государств поддерживать свои правительства (и олицетворяемые ими социальные институты), несмотря на моральную и этическую ущербность некоторых их действий. Н. Макиавелли по этому поводу в XVI веке писал, что «мудрому государю надлежит принять меры к тому, чтобы граждане всегда и при любых обстоятельствах имели потребность в государе и в государстве, только тогда он может положиться на их верность»¹³².

¹³¹ Платон Государство. Законы. Политик. – М.: Мысль, 1998. – С. 345.

¹³² Макиавелли Н. Указ. соч. – С. 76.

Граждане такого государства испытывают потребность в социальной организации, воспринимают свои потребности через призму потребностей социальной системы. Любой инакомыслящий представляет для таких «социализованных» граждан личную угрозу, поскольку, отрицая справедливость социальных отношений, инакомыслящий отрицает его право на доступ к социальным благам.

Вместе с тем, никакой социальный институт¹³³ не в состоянии удовлетворить индивидуальные потребности всех членов общества в равной мере. Однако он может удовлетворить значительную часть потребностей не только членов правящей элиты, но и обеспечивающих его деятельность функционеров-управленцев. При этом на функционеров ложится основная работа по осуществлению социального контроля над обществом, т. е. убеждения членов общества в том, что существующие социальные отношения самые справедливые, а члены социальных элит – самые достойные представители общества.

От функционеров требуется соблюдать формальные признаки социальной справедливости в отношении себя и правящей элиты. Общество должно верить в незыблемость принципа всеобщего равенства перед нормами социального права. Поэтому для того, чтобы скрыть объективные реалии социального управления от общества, используются такие явления социальной практики как протокол, пресс-службы, обезличенность чиновников¹³⁴.

Все это накладывает определенные ограничения на деятельность социальных элит. Они не могут открыто высказывать свои взгляды и организовывать свою частную жизнь по собственному усмотрению. Они вынуждены подстраиваться под насаждаемые ими в обществе социальные нормы.

¹³³ Термин «социальный институт» в данной работе понимается как социальное образование или учреждение, социальная единица надиндивидуального уровня, организация, выступающая субъектом социальных отношений и действий.

¹³⁴ Существует, например, целое направление функциональной деятельности в рамках социальных институтов, именуемое «связями с общественностью».

В результате осуществление социального контроля над обществом вынуждает социальные элиты формально подстраивать публичную сторону своей деятельности под действующие социальные стандарты поведения. Такое поведение иногда принято относить к неформальному социальному контролю, но это отношение – косвенное. В данном случае следует говорить о самоконтроле социальных элит. Понятие «самоконтроль», таким образом, становится в один ряд с понятиями «этнический контроль» и «социальный контроль».

Однако в отличие от процесса социального контроля здесь отсутствует объект управленческого воздействия. Формальное следование социальным нормам поведения является своего рода «личный пример» представителей субъекта социального контроля, направленному на объект (общество)¹³⁵. Здесь имеет место ре-активный социальный контроль – вынужденное поведение (обратное воздействие) в отношении субъекта, детерминированное спецификой социального контроля объекта управленческого воздействия, т. е. о признаках обратной связи в процессе социального контроля, но не о самом социальном контроле.

Для лучшего понимания сути описываемого явления следует обратиться к понятию «индивидуализация», которое определяется как «абсолютизация позиции отдельного индивидуума в его противопоставленности обществу»¹³⁶. Согласно иерархии потребностей А. Маслоу, индивидуализация личности является высшей степенью ее самореализации¹³⁷. Такая самореализация возможна в трех случаях: на индивидуальном уровне – когда личность сознательно отказывается подчинять свои индивидуальные интересы интересам других людей; на этническом уровне – когда личность сознательно отказывается подчинять свои индивидуальные интересы этническим традициям, культурным установкам

¹³⁵ См., напр.: Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: Советская Россия, 1991. – С. 267-351; Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. – М.: Прогресс, 1971. – С. 354-389.

¹³⁶ Батищев Г. Индивидуализм / Философский энциклопедический словарь. – С. 212.

¹³⁷ Карлоф Б. Указ. соч. – С. 105.

и обычаям; на социальном уровне – когда личность сознательно отказывается подчинять свои индивидуальные интересы социальным нормам и правилам поведения.

Причем социальный контроль органично включает в себя в качестве составных частей не только этническую, но и индивидуалистическую составляющие. Он не отрицает, а усиливает и дополняет новым качеством их содержание. Однако общепринятая трактовка понятия упускает обычно то обстоятельство, что индивидуализация далеко не всегда носит пассивный характер¹³⁸.

Самореализация личности невозможна вне общества и это придает явлению индивидуализации активный по отношению к нему характер¹³⁹. Личность не просто самореализуется внутри себя. Она самореализуется в обществе путем легитимно-монопольного присвоения права на отчужденное от общества существование.

В социальных отношениях в полной мере проявляется диалектический закон «отрицания отрицания». Сначала происходит отрицание прав членов общества на самостоятельное формирование межличностных связей вне сферы влияния социальных институтов¹⁴⁰, а затем лидеры этих институтов отрицают в отношении себя установленные ими же самими нормы и правила социального поведения.

Социальная иерархия изначально предполагает возможность индивидуальной самореализации на различных своих уровнях. Максимальная самореализация возможна для членов социальных элит, неподконтрольных практически никому, кроме самих себя. В меньшей степени возможностью для самореализации обладают социальные функционеры среднего и нижнего звена, которые могут самореализоваться только в рамках этнических сообществ (номенклатуры или теневых группировок) по отно-

¹³⁸ См., напр.: Леднева О. Процессуальное измерение социализации личности // *Alma-mater* (Вестник высшей школы). – 2002. – № 3. – С. 17-19.

¹³⁹ Рубчевский К.В. О соотношении понятий «социализация» и «развитие личности» // *«Alma mater»* («Вестник высшей школы»). – 2003. – № 7. – С. 32-35.

¹⁴⁰ Searle J. *The Construction of Social Reality*. – New York: Free Press, 1995. – P. 9-10.

шению к обществу. Минимальной возможностью самореализации обладают рядовые члены общества, которые могут самореализоваться лишь в межличностных отношениях, на уровне личного уважения.

Напрашивается парадоксальный вывод о том, что самореализация социальной элиты в процессе социального управления является источником социального контроля общества.

Вместе с тем, в истории нередки случаи социальных революций, когда общество отказывалось подчиняться социальному контролю и сбрасывало с себя бремя социальных отношений с правящей элитой. Следует особо выделить три наиболее типичных варианта этого явления. Во-первых, опережающее развитие общества – когда индивидуальное сознание членов общества, неудовлетворенных своими условиями жизни, отказывается подчиняться социальным «правилам» (в соответствии с ленинской формулой «верхи не могут управлять по-новому, а низы не хотят жить по-старому»)¹⁴¹. В таком случае происходит принудительная смена механизмов социального управления с приходом к власти более мобильной социальной элиты.

Во-вторых, этно-социальные процессы, обусловленные тем, что этнические элиты, апеллируя к этническому сознанию, провоцируют отторжение социальных отношений в обществе и приходят на волне всеобщего нигилизма к власти. И, в-третьих, социальные конфликты, причиной которых является сознательное провоцирование противоборствующими группировками социальных элит при помощи политических технологий возникновения революционных ситуаций и использование в своих целях их плоды.

В историческом развитии наблюдается четко выраженная тенденция к постепенному переходу от первого и второго вариантов – к третьему. В настоящее время большинство социальных революций готовится

¹⁴¹ Обращает внимание, что В.И. Ленин, глубоко разбиравшийся в специфике социального управления, использовал слово «управлять», а не «жить» или «существовать».

и развивается по третьему сценарию, превращая общественное сознание в поле битвы за власть между социальными элитами (например, ситуация в Украине, Грузии, Киргизии и др.).

Однако социальная система часто утрачивает контроль над обществом тогда, когда социальный контроль входит в противоречие с установками общества. Эти приоритеты, являясь естественными для общества и базовыми для социальных отношений, имеют гораздо большее значение для него, нежели приоритеты социального управления.

Это приводит к тому, что социальный контроль, войдя в противоречие с этническими ценностями, утрачивает свою эффективность в качестве механизма социального управления. В результате из общества выделяются и активизируются этнические элиты, претендующие на власть и социальное строительство.

Академик Г.В. Осипов, анализируя последствия десоциализации и практику социального контроля в рамках государственного управления в Советском Союзе 1989-1990 гг., выделил пять основных признаков анти-социальной деятельности этнических группировок, претендующих на власть¹⁴²:

- большинство общественных организаций противопоставили себя КПСС, которая занимала пассивную оборонительную позицию;
- лидеры народных фронтов (Армении, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии и других союзных республик) провозгласили курс на отделение от СССР;
- активизировались движения антисоциалистического характера, целью деятельности которых являлось ненасильственное изменение существующего общественного строя;
- сформировались альтернативные КПСС движения, выступавшие за создание социал-демократических партий;

¹⁴² Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика. – М.: Инфра-М, 2000. – С. 97.

– усилилось рабочее движение, организовывавшее стачки и забастовки.

Плодами социальных революций пользуются общественные лидеры, чьи этнические общности после прихода к власти стремительно эволюционируют в сторону формирования новых социальных институтов и связанных с ними социальных отношений. Недовольство социальной реальностью назревает подспудно и выливается в форме стихийных акций гражданского неповиновения, на волне которых «всплывают» этнические лидеры¹⁴³.

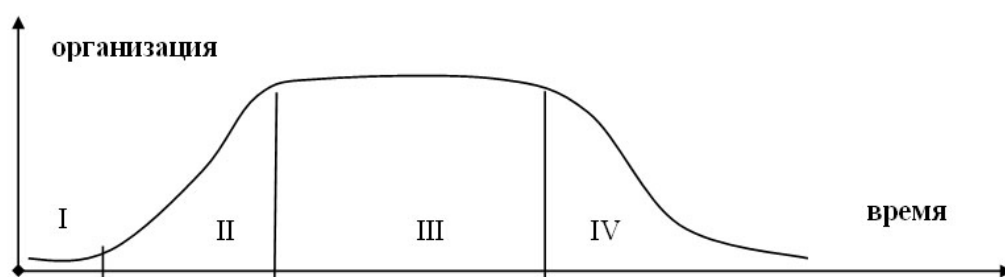

Рис. 1. Жизненный цикл социальных систем

Применительно к жизненному циклу социальных систем можно выделить ряд специфических особенностей социального контроля, присущих различным его этапам (см. рис. 1). Первый этап представляет собой процесс зарождения социальных систем и характеризуется замещением социального контроля этническим контролем, который направлен на отторжение прежних социальных институтов и ценностей.

Второй этап – этап становления социальных систем, сопровождающийся процессом замещения этнического контроля образующимся социальным контролем, направленным на закрепление влияния новых социальных институтов и пропаганду новых ценностей. Зрелость социальных систем характерна для третьего этапа жизненного цикла, где социальный контроль направлен на поддержание стабильности сложившихся социальных отношений. И, наконец, заключительная стадия – упадок

¹⁴³ См., напр.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли; Лебон Г. Психология толп; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс.

социальных систем. Здесь средства социального контроля направлены на оправдание деятельности социальной элиты и дискредитацию потенциальных претендентов на власть.

Социальный контроль, выступая в качестве неотъемлемого элемента социального управления, не отменяет другие факторы, определяющие человеческое поведение. Он дополняет их и пытается мимикрировать под них, убедить общество в идентичности социальных целей с этническими и индивидуальными целями. Однако и сознание членов общества также совершенствуется, постепенно вырабатывая соответствующий иммунитет к социализирующему воздействию.

Жизненный цикл социальных систем является зеркальным отражением жизненного цикла социальных иллюзий, господствующих в обществе. Этнические идеалы, олицетворяемые пришедшей к власти этнической элитой, сначала утверждаются в обществе, затем доминируют в нем, а в последствии – теряют для общества свою привлекательность. Так, зарождение социальных систем осуществляется в период отторжения обществом социальных иллюзий, характерных для отмирающих социальных отношений.

Этап становления социальных систем характеризуется широкой общественной поддержкой нарождающихся социальных институтов и нарастающей популярностью пропагандируемых идей. Для третьего этапа (зрелость) характерны пассивность общества, формализация управленческого воздействия на него и отсутствие этнических альтернатив общественного развития. На этапе упадка социальных систем происходит утрата общественного доверия социальными институтами и спонтанное формирование в обществе этнических элит, претендующих на власть.

Таким образом, при смене социальных циклов происходит взаимосвязанное противоположно направленное развитие общества и социальных институтов. Опережающее развитие одного из участников соци-

альных отношений дает для него определенный положительный эффект. Однако этот эффект носит временный характер и неминуемо провоцирует качественное развитие другого участника, сводя на нет достигнутые преимущества.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что социальный контроль, представляя собой направленное управленческое воздействие субъекта (социального института) на объект (общество), осуществляемое в рамках социальных отношений с целью реализации субъектом собственных интересов посредством формирования у членов общества желаемых моделей поведения, мировосприятия и нравственных ориентиров, занимает важное место в структуре социального управления, являясь одним из аспектов социального управления. Значимость этого явления определяется жизненной необходимостью социальных элит поддерживать социальную управляемость общества на уровне поведенческих реакций и индивидуального сознания его членов.

Таким образом, социальный контроль представляет собой деятельность, направленную на формирование и закрепление социально обусловленного неравенства участников социальных отношений (субъектов и объектов социального управления). Он осуществляется только в рамках социальных отношений между социальным формированием и обществом.

§ 4. Социальный контроль как элемент социального управления

Как уже говорилось выше, целью социального контроля как элемента социального управления является формирование у членов общества желаемых моделей поведения, мировосприятия и нравственных ориентиров, осуществляемое в рамках социальных отношений. Соци-

альные отношения ослабляются и разрушаются там, где общество утрачивает социальные иллюзии, сопутствующие этим моделям. По мнению Г. Лебона, иллюзии – это «едва ли не самый могущественный» фактор из всех факторов развития цивилизаций¹⁴⁴.

Любой орган социального контроля – своего рода фабрика по созданию социальных иллюзий. По мнению Г.В. Осипова, идеи, лежащие в основе иллюзий, спланируют людей и создают особые межличностные связи¹⁴⁵, которые позволяют говорить о социализованном обществе как об особой социальной среде. В этой среде и функционируют социальные формирования. Степень соответствия между представлениями людей о социальных формированиях и их реальной деятельностью может быть различной в зависимости от времени и места действия, но суть явления от этого не меняется.

Там, где социальные иллюзии не помогают, применяются методы социального принуждения. В современном обществе они не могут носить столь долговременный и широкомасштабный характер, как это было в древности. Однако, оформленные в виде правовых норм, методы социального принуждения, также как и социальные иллюзии, выступают в качестве важнейшей составляющей процесса социального контроля над обществом в рамках социального управления.

В результате основной задачей социального контроля является формирование контролируемой и управляемой социальной среды. Определить понятие «контролируемая социальная среда» можно как часть общества, взаимодействующую с социальными формированиями и подпадающую под их контроль.

Такая среда носит объективно материальный характер и не может сводиться к эклектическому синтезу «окружающих <абстрактного> человека общественных, материальных и духовных условий существования,

¹⁴⁴ Лебон Г. Психология толп / В сб.: Психология толп. – М.: Институт психологии РАН; "КСП+", 1998. – С. 111.

¹⁴⁵ См.: Осипов Г.В. Указ. соч. – С. 224.

формирования и деятельности»¹⁴⁶. Она не может существовать вне социальных отношений и управленческого воздействия социальных институтов. Социальная среда находится в каузальной взаимосвязи с социальными отношениями так же, как связано яйцо и курица в известной поговорке.

Понятие «социальная среда» в равной мере применимо как к внешней среде (обществу), так и к внутренней среде социального института (коллективу). В каждом случае социальный контроль имеет свои особенности.

Осуществление социального контроля над внешней средой необходимо. По А. Грамши, элита непосредственно или через своих ««приказчиков» (специальных служащих)» осуществляет организацию внешней среды (от общества вообще до государственного аппарата в частности) «в силу необходимости создавать более благоприятные условия для расширения собственного класса»¹⁴⁷.

В свою очередь, Т. Парсонс считает, что социальный контроль служит для сглаживания противоречия между социальными и этническими ценностями¹⁴⁸. Основными носителями таких этно-социальных противоречий являются общество и обособившиеся от него институционализировавшиеся общности (в виде корпораций, органов власти, местного самоуправления и т. д.).

Социальные институты и объект приложения их усилий в лице конкретных рядовых членов общества находятся не в равном положении, поскольку в распоряжении большинства членов общества (в отличие от противостоящих ему социальных институтов) есть лишь свои собственные потребности и интересы. Степень удовлетворения этих потребностей определяет степень управляемости общества.

¹⁴⁶ Среда социальная / Философский энциклопедический словарь. – С. 624.

¹⁴⁷ Грамши А. Указ. соч – С. 327.

¹⁴⁸ См.: Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 120.

Таким образом, двуединая функция любого социального управления состоит в обеспечении управляемости общества и распоряжении социальными ресурсами. В основе осуществления этой функции лежит необходимость удовлетворения насущных потребностей, что является неременным условием существования любых социальных институтов.

Потеря социальным институтом контроля над одной из двух описанных выше составляющих, неизбежно приводит к распаду социальной системы. Она утрачивает гомеостатичность и происходит социальная бифуркация (т. е. революция). В результате этого старые институционализировавшиеся общности теряют свою социальную базу, деградируют и на их место приходят новые этно-социальные элиты.

Однако новые элиты функционируют по тем же диалектическим законам, суть которых сводится к принципу: обособиться от общества и контролировать его в своих интересах. В противном случае новую элиту постигнет участь предыдущей – на ее место придет другая общность. Таким образом, всякий социальный прогресс в обществе имеет в своей основе модернизацию методов социального контроля или смену правящей общности, а всякий социальный контроль – ее самоутверждение в обществе как правящей социальной элиты¹⁴⁹.

Социальный контроль над внутренней средой социальных институтов, в свою очередь, заключается в распределении функциональных обязанностей между участниками низших уровней социального управления. Качественное наполнение этого процесса достигается за счет, как отмечал Л.Н. Гумилев, «внутреннего неантагонистического соперничества»¹⁵⁰.

В этом кроется основная причина социальной устойчивости любой микросреды внутри социального института (например – бюрократии). С одной стороны она востребована социальными институтами, а с другой

¹⁴⁹ О чем и писал в свое время итальянский социальный философ В.Парето.

¹⁵⁰ Гумилев Л.Н. Указ. соч. – С. 139.

– безальтернативна. При этом рамки социальных формирований настолько контролируют поведенческие реакции членов микросреды, что в мировосприятии сотрудников неминуемо происходит замещение индивидуальных ценностей ценностями институциональными.

В противном случае неприятие государственных, корпоративных или иных социальных ценностей как своих собственных приведет к отторжению их социальными институтами, поскольку «любое инакомыслие, подобно инородному телу в живом организме, – как отмечает Осипов Г.В., – отторгается организацией. И наоборот, приверженцы принятой в организации политики обычно награждаются»¹⁵¹. Полное принятие трудно достижимо, но это цель социального контроля, к которой стремится любая социальная система. Сейчас не сжигают на кострах как в Средневековье и не отправляют в изгнание, как это было в Древней Греции, но механизм социального контроля по-прежнему достаточно суров.

Социальный контроль ведет к подмене потребностей, обусловленных внесоциальными формами организации общества, социальными потребностями. Однако осуществление социального контроля не отменяет, а лишь усиливает индивидуальные потребности, предлагая качественно новые формы их удовлетворения. Интересы личности, трансформируясь в интересы социальные, сохраняют примат личностных приоритетов в поведении. И это служит двигателем развития социальных отношений. Другими словами, формирование институционализировавшихся общностей в рамках социальных институтов имеет следствием социальный контроль над членами этих общностей.

Для того, чтобы понять особенности генезиса социальной среды, следует пойти от обратного и обратиться к деятельности неформальных общественных образований. Это понятие не означает, что данные образования не существуют в виде каких-либо формальных структур. Наоборот, в отличие от формальных образований, они не только не

¹⁵¹ Осипов Г.В. Указ. соч. – С. 47.

ограничиваются формальными рамками, но и действуют как минимум за их пределами.

На первый взгляд сущность неформальных образований очевидна – они образуются в общественной среде для решения задач, связанных с выполнением каких-либо функций этнического свойства (см. Гл. I, § 3.). Однако и здесь тоже есть существенные различия. Неформальные общественные образования могут носить различный характер деятельности, в связи с чем могут быть выделены следующие их разновидности:

- внесоциальные формирования – сообщества, образующиеся в результате межличностного общения с целью реализации индивидуальных интересов вне сферы социального управления. К ним относятся разного рода самодостаточные общественные объединения (собрания по интересам, клубы, кружки, садоводческие товарищества и т. п.). Вне-социальные общественные образования никакой активной роли в социальной жизни не играют, существуя как проявление спонтанной самоорганизации общества.

- антисоциальные формирования – сообщества, противопоставляющие свои ценности контролирующему воздействию социальных институтов (преступные сообщества, тоталитарные секты, революционные организации и др.). Их деятельность представляет собой этническую альтернативу социальному управлению, поэтому они достаточно замкнуты и действуют вне сферы влияния социальных институтов.

- сверхсоциальные формирования – сообщества людей, олицетворяющие социальную организацию общества и использующие ее в своих целях (группировки социальной элиты). Они являются руководящим ядром любой социальной организации, объединяясь и взаимодействуя между собой исключительно на этой основе.

Прогрессивная сущность этих образований заключается в том, что они представляют собой форму общественной организации предшествующую той, которая ведет к возникновению и развитию субъектов

социального контроля. Но, если социальное содержание формальных структур зависит от их правовой формы (функций, полномочий, возможностей), то здесь, наоборот, этническая форма определяется содержанием решаемых задач. В этом заключается уникальность всех неформальных объединений – то, что для формальных структур является организующими (граничными) рамками, для неформальных объединений выступает в качестве произвольно изменяемых параметров структурно-функционального устройства.

Социальная среда, наоборот, нивелирует индивидуальные признаки людей и, ассимилируя, превращает их в обезличенных исполнителей социальных функций. Она допускает только такую общественную деятельность, которая не противоречит социальным установкам и позитивно влияет на сложившуюся систему социальных отношений.

Поэтому мы говорим о том, что социальный контроль направлен на противодействие любым проявлениям самоорганизации в обществе, противоречащим его целям. Тут нет чьей-то злой воли или продуманного плана подавления самостоятельного развития общества. Речь идет о естественной реакции гомеостатической системы в виде социального института на неблагоприятное изменение окружающей среды в виде общества.

Независимо от рассматриваемой формации или идеологии, обосновывающей осуществление социального контроля, его цели, задачи, объекты и источники остаются неизменными на протяжении всей истории человечества. Изменению подвержены формы и методы социального контроля, как элемента социального управления. Они изменяются вместе с изменением социальных отношений.

Так, в рабовладельческих обществах осуществление социального контроля строилось на отчуждении всех прав личности. Его объектами выступали в первую очередь рабы, принадлежавшие к иной этнической (расовой, национальной, религиозной и т. д.) общности, а социальный

контроль существовал в простейшей форме и осуществлялся на основе прямого принуждения.

Изменения социальных отношений, приведшие к формированию феодальных обществ, повлекли за собой изменение условий осуществления социального контроля. Их усложнение обусловлено обретением эксплуатируемой частью населения минимального набора прав личности. Поскольку объектами социального контроля выступали крепостные крестьяне, принадлежавшие к той же этнической общности, что и представители социальной элиты, то осуществление прямого принуждения здесь было невозможно. Поэтому усложненная форма социального контроля предусматривала использование в отношении общества норм права и религиозных норм.

В индустриальных обществах произошло очередное усложнение условий по осуществлению социального контроля, основанное на экономическом принуждении. Объектами социального контроля выступают члены общества в соответствии с их профессиональным статусом. Социальный контроль приобретает внеличный характер, и осуществляется применительно к условиям труда на рабочем месте. Личность обладает всей полнотой формальных прав, но ограничивается в праве их реализации.

В постиндустриальных обществах условия осуществления социального контроля приобретают качественно новые характеристики ввиду ослабления влияния экономических факторов и роста социальной мобильности членов общества. Возрастает роль средств массовых коммуникаций и информационных технологий. Появляется возможность управления развитием стихийных процессов в обществе.

Таким образом, в процессе совершенствования различных форм социального контроля на разных этапах развития социальных отношений, наблюдается та же закономерность, что и в развитии общественных отношений в целом. Социальные институты развивают и совершенству-

ют формы социального контроля над обществом. Однако и социальный контроль стимулирует обратную реакцию в форме социальной адаптации общества, тогда как социальная адаптация формирует у социальных институтов потребность в выработке новых механизмов социального контроля.

В современном обществе социальный контроль осуществляется по двум основным направлениям формирования социальной среды: социальный контроль над объектами окружающей социальной среды и социальный контроль над внутренней средой социального института. В окружающей среде социального института можно выделить четыре основных элемента исходя из их функциональных особенностей: общественная среда, этническая среда, институциональная среда и управленческие объекты.

Общественная среда представляет собой членов общества, так или иначе участвующих в социальных отношениях с соответствующим социальным институтом; этническая среда – совокупность этнических сообществ, чьи интересы, так или иначе, проявляются в рамках социальных отношений. Институциональная среда является совокупностью социальных институтов, так или иначе взаимодействующих в процессе своего функционирования с рассматриваемым социальным институтом. Управленческие объекты есть совокупность представительских социальных образований, призванных выполнять координирующие функции в процессе социального управления обществом¹⁵².

Описанные элементы окружающей социальные формирования среды не представляют собой равнозначные разновидности этой среды. По отношению к социальному формированию они проявляются через различные аспекты его взаимодействия с окружающей средой в процессе социального контроля.

¹⁵² Ассоциации, международные организации, партнерства и т. д.

В свою очередь, во внутренней среде социального формирования можно выделить два основных элемента также исходя из их функциональных особенностей: административный аппарат социального института, представляющий совокупность сотрудников, обеспечивающих его функционирование, и институциональные подразделения как обособленные функциональные подразделения, обладающие собственными полномочиями и определенной долей самостоятельности при принятии решений.

Задачи, которые решаются в процессе социального контроля, определяются специфическими особенностями потребностей социальных институтов и объектов социального контроля. В целом их можно разделить на две группы. Первую составляют задачи социального контроля над объектами окружающей среды. Они подразумевают формирование благоприятной окружающей среды вокруг социальных институтов и специфичны в отношении каждого элемента, составляющего окружающую среду.

Так, задачи социального контроля над обществом связаны с решением проблем легитимности социальной элиты, управляемости общества и мобилизации его ресурсов. Поскольку общество является первоосновой любых форм общественной организации, то и социальный контроль над ним выступает в качестве важнейшей задачи любого социального института. Вне решения этой задачи никакая социальная институционализация не возможна.

Решение проблем социальной стабильности общества и своевременной нейтрализации потенциально опасных этнических общностей, их социальных претензий на власть и идеологий, составляют задачи социального контроля над этническими группами. Этнические сообщества являются предшествующей формой организации общества на пути к формированию социальной организации, поэтому их переориентация на поддержку сложившихся социальных отношений или нейтрализация является важнейшей задачей поддержания социальной стабильности.

В свою очередь, решение проблем взаимодействия социальных институтов с целью сохранения доминирующего положения одного из них, составляют задачи социального контроля над институциональной средой. Одновременная деятельность нескольких социальных институтов на одной территории неизбежно вызывает локальные конфликты интересов. Конкурентная среда может быть выгодна обществу, но сами участники конкурентных отношений утрачивают при этом социальные преимущества. Поэтому важной задачей социального контроля является деятельность по сохранению и расширению сферы влияния социального института.

Задачи социального контроля над управленческими объектами представляют собой решение проблем по социальному контролю над институтами высшего уровня социальной иерархии, которым делегировано на коллективно-паритетной основе выполнение отдельных управленческих функций. Делегирование управленческих функций подразумевает делегирование представителей социальных элит (с предоставлением им соответствующего социального статуса), предоставление ресурсов и безусловное обязательство выполнения решений управленческих объектов. Такое делегирование носит односторонний характер и потому, социальные институты всегда имеют возможность влияния на принимаемые решения.

Вторую группу составляют задачи социального контроля над объектами внутренней среды, что подразумевает формирование управляемой функциональной среды внутри социальных систем.

Решение проблем легитимности руководства социальных институтов внутри их социальной микросреды, разрешения внутренних конфликтов и повышения эффективности функциональной деятельности составляют задачи социального контроля над административным аппаратом. Подмена этнической стороны человеческого поведения в рамках социальных институтов социальной деятельностью вызывает замещение

стремления к авторитету в обществе стремлением к завоеванию социального статуса. Это естественное стремление проявляется в карьеристских настроениях сотрудников, в формировании этно-социальных группировок и т. д. Задачи социального контроля заключаются в согласовании индивидуальных интересов и в недопущении доминирования таких обособленных групп в ущерб эффективности работы социального института.

Задачи социального контроля над институциональными подразделениями сводятся к решению проблем согласования интересов обособленных (территориально или функционально) подразделений социальных институтов. Самостоятельность подразделений предполагает формирование у них собственных потребностей, которые могут противоречить потребностям социального института. Такие задачи возникают в основном в сфере структурной реорганизации социальных институтов с целью корректировки объективных потребностей, возникающих в процессе деятельности обособленных подразделений. Предотвращение возможного конфликта интересов вызывает необходимость своевременного социального контроля обособленных подразделений.

Решение задач социального контроля над обществом и институциональными подразделениями подразумевает наличие или создание соответствующих условий для его осуществления. Можно выделить две основные группы условий социального контроля: внешние и внутренние.

Внешние условия социального контроля подразумевают наличие благоприятной окружающей среды для социальных институтов, а также монополизацию ими отдельных сторон жизнедеятельности общества. Существует множество параметров, определяющих внешние условия социального контроля. Важнейшие из них:

1. Условия социального контроля над общественной средой включают наличие объективных потребностей общества в социальном

управлении, сознательную поддержку обществом социальных элит и отсутствие иной альтернативы развития.

2. Условия социального контроля над этнической средой включают возможность самореализации этнической элиты в рамках существующих социальных отношений, сознательную поддержку этническим сообществом соответствующей элиты и бесперспективность антисоциальных стратегий поведения.

3. Условия социального контроля над институциональной средой подразумевают устойчивое доминирование субъекта социального управления в институциональной среде либо за счет его естественной уникальности при выполнении социальных функций, либо за счет его безальтернативного привилегированного положения.

4. Условия социального контроля над управленческими объектами включают добровольное делегирование управленческим объектам соответствующих социальных полномочий, их ресурсную зависимость и отсутствие у них механизмов принуждения по отношению к субъектам социального управления.

Внутренние условия социального контроля подразумевают наличие благоприятной внутренней среды социальных институтов, которая позволяет эффективно решать задачи их функциональной деятельности.

1. Условия социального контроля над административным аппаратом включают наличие социализированной общности, идентифицирующей себя с социальным институтом и удовлетворяющей свои жизненные потребности посредством участия в социальном управлении от его имени.

2. Условия социального контроля над институциональными подразделениями включают наличие ресурсной зависимости институциональных подразделений, проведение внешней по отношению к ним кадровой политики и делегирование реальных функциональных полномочий, позволяющих их элитам реализовывать свои интересы в рамках существующих социальных отношений.

Рассмотрев основные задачи социального контроля и условия, в которых их реализация будет наиболее эффективной, следует выделить основные факторы, определяющие параметры условий, необходимых для осуществления социального контроля.

Э. Тоффлер в работе «Метаморфозы власти» выделил три таких фактора. В качестве источников власти он рассматривал знание, силу и богатство, отмечая, что «взаимоотношения между ними определяют власть в обществе»¹⁵³. Причем сила (насилие) рассматривается им как «низкокачественная власть», богатство – власть «среднего качества», а самую «высококачественную власть» дает применение знаний¹⁵⁴. В целом, позиция Э. Тоффлера дает верное представление об источниках власти, однако такой подход является несколько узким. Рассмотрим его подробнее.

Применение силы своей целью всегда имеет установление определенного порядка, т. е. организацию объекта в нужную форму. Богатство, сводимое Э. Тоффлером к «силе толстого кошелька»¹⁵⁵, должно быть рассмотрено как частный случай применения элитарного контроля над ресурсами общества. И, наконец, знание является лишь субъективной частью информации об объективной социальной реальности, которая существует независимо от субъекта, но может быть им рано или поздно монопольно использована в своих интересах.

Взяв за основу расширенное толкование концепции Э. Тоффлера, а также подход к социальному контролю как отношениям властного характера, можно выделить иные три группы факторов, определяющих параметры условий, необходимых для осуществления социального контроля: ресурсы, организацию и информацию. Приведем их краткую характеристику.

¹⁵³ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. – М.: АСТ, 2003. – С. 38.

¹⁵⁴ Там же. – С. 37.

¹⁵⁵ Тоффлер Э. Указ. соч. – С. 37.

1. Ресурсы предполагают наличие ресурсных возможностей для обеспечения социального контроля над обществом в процессе социального управления.

2. Организация рассматривается как оптимальное распределение функциональных обязанностей во внутренней среде социального института и его организационное строение, позволяющее адекватно и эффективно взаимодействовать с окружающей средой.

3. Информация как фактор социального контроля подразумевает наличие у субъекта социального управления адекватной информации о процессах, определяющих потребности, поведение и возможности всех участников социальных отношений.

В соответствии со спецификой задач социального управления, решаемых в процессе социального контроля, и условий, делающих социальный контроль возможным, следует выделить проблемы, возникающие в процессе формирования социальной среды.

Проблемы, возникающие при осуществлении социального контроля над объектами окружающей среды являются типичными и обусловлены противоположной направленностью вектора развития социальных институтов и векторов развития объектов окружающей среды. Возникающие проблемы можно также разделить на следующие подгруппы:

1. Проблемы социального контроля над обществом обусловлены объективной противоречивостью интересов членов общества и социальных институтов.

2. Проблемы социального контроля над этническими группами обусловлены несоответствием этнических и социальных ценностей, а также возникновением социальных претензий на определенном этапе этнического развития.

3. Проблемы социального контроля над институциональной средой обусловлены конфликтами интересов, неизбежно возникающими в процессе удовлетворения потребностей различных социальных институтов.

4. Проблемы социального контроля над управленческими объектами обусловлены конфликтами интересов, возникающими в процессе институционализации управленческих объектов.

Проблемы, возникающие при осуществлении социального контроля над объектами внутренней среды, обусловлены конфликтами интересов, возникающими в процессе функционирования социальных институтов¹⁵⁶. Их также можно условно разделить на две подгруппы:

1. Проблемы социального контроля над административным аппаратом обусловлены противоречиями между интересами социального института (в лице социальной элиты) и его сотрудниками среднего и низшего звена, реализующими свои индивидуальные интересы посредством административной деятельности.

2. Проблемы социального контроля над институциональными подразделениями обусловлены различием интересов, возникающим в результате делегирования полномочий, ресурсов и социальных возможностей обособленным институциональным подразделениям.

Таким образом, сущностные особенности социального контроля определяются условиями социальной среды, спецификой проблем, которые приходится решать в процессе социального контроля и задачами, стоящими перед субъектами социального контроля. Перечисленные параметры носят объективный характер и основываются на потребностях социальных институтов и олицетворяющих эти институты элит. Предлагаемый подход позволяет показать объективный характер этого всеобщего и закономерного проявления социальных отношений в жизни современного общества.

¹⁵⁶ Подробнее см.: Регнет Э. Конфликты в организациях: Формы, функции и способы преодоления. – М.: Гуманитарный центр, 2005.

Объективность существования социального управления переводит социальный контроль из разряда явлений абстрактно-философского плана в разряд практических явлений, у которого есть свои особенные причины, механизмы и следствия, поддающиеся научному социально-философскому анализу. Это позволяет планировать социальный контроль, а также осуществлять прогноз и анализ его результатов на основе учета параметров внешней и внутренней среды социальных институтов, их инфраструктуры и ресурсных возможностей.

Глава II. Особенности социального контроля

§ 1. Субъекты и объекты социального контроля

Как правило, любая социально-философская концепция, рассматривая проблемы социального управления и контроля, затрагивает и вопрос о его субъекте и объекте. Так, в частности, в модели идеального государства Платона существует четкое разделение на субъект, им является сословие философов-правителей, объект – это все граждане полиса. Однако есть в идеальном государстве и особая категория граждан – сословие стражей, которые должны быть «помощниками правителей и проводниками их взглядов»¹⁵⁷.

Основатель теории социального контроля Г. Тард, обозначив объект социального контроля – лица с антиобщественным поведением, к сожалению, оставил без рассмотрения вопрос о субъекте социального контроля, указав лишь на то, что индивидом управляют ценности. Однако кто определяет эти ценности, не становится ясным из его концепции. Его последователи не оставили этот вопрос без внимания. В частности, подход Э. Росса, как уже упоминалось ранее, дает следующее представление: субъект социального контроля – элита, агент – общество, а объект – индивид.

Позиция А. Грамши, позволяет рассматривать в качестве объекта социального контроля общество; субъектом социального контроля может выступать любая социальная группа, претендующая на установление социальной гегемонии. Однако, непосредственно осуществлять воздействие на культурное ядро общества и способствовать завоеванию

¹⁵⁷ Платон. Собрание сочинений в 3-х тт. Т.3 (1). – С. 414.

гегемонии призвана интеллигенция, которую А. Грамши называл «приказчиками» господствующей группы»¹⁵⁸.

Макаревич Э. и Карпухин О. в своей книге в качестве объекта социального контроля рассматривают общество. Говоря о субъекте, они выделяют два уровня: первый уровень субъектов составляют «властные структуры, организации, фирмы, компании», второй – «их службы по связям с общественностью»¹⁵⁹.

Необходимо отметить, что субъекты социального контроля представляют собой обособленные от общества институционализированные общности¹⁶⁰, обладающие собственными потребностями¹⁶¹, на удовлетворение которых они нацелены. Однако, существует и такая категория участников социальных отношений, которая с одной стороны осуществляет воздействие на объект социального контроля, а с другой реализуют не свои собственные интересы, испытывая воздействие со стороны субъекта.

Некоторыми исследователями это обстоятельство не учитывается, и они данную группу участников социальных отношений относят к субъектам¹⁶². Для того, чтобы избежать подобной неточности представляется целесообразным различать собственно субъектов социального контроля, реализующих в процессе социального контроля свои интересы, и агентов социального контроля, реализующих в процессе социального контроля интересы субъектов.

Под агентом социального контроля понимается несамостоятельный субъект социального контроля, реализующий функции субъекта социального контроля по отношению к его объектам на основании делегированных основным субъектом социального контроля полномочий. Реа-

¹⁵⁸ Грамши А. Указ. соч. – С. 332.

¹⁵⁹ Макаревич Э., Карпухин О. Указ. соч. – С. 181.

¹⁶⁰ Подробнее см.: Халипов В.Ф. Кратология как система наук о власти. – М.: Республика, 1999. – С. 101.

¹⁶¹ Бернацкий В.О. Указ. соч. – С. 32, 36, 57.

¹⁶² См., напр.: Суворов Л.Н., Аверин А.Н. Указ. соч. – С. 17.

лизуя интересы основного субъекта социального контроля, агент действует в рамках делегированных им полномочий сам, выступая по отношению к нему в роли промежуточного объекта социального контроля.

О. Шпенглер, характеризуя распределение власти в массовом обществе, отмечал: «Все решается небольшим количеством людей выдающегося ума, чьи имена, может быть, даже и не принадлежат к наиболее известным, а огромная масса политиков второго ранга, риториков и трибунов, депутатов и журналистов, представителей провинциальных горизонтов только поддерживает в низших слоях общества иллюзию самоопределения народа»¹⁶³.

Итак, социальный контроль как элемент социального управления осуществляется в процессе субъект-объектных отношений между субъектами и объектами социального управления¹⁶⁴. Неотъемлемым признаком социального контроля является управленческое воздействие, в процессе осуществления которого его субъекты преследуют свои субъективные интересы, а объекты – адаптируются к объективным условиям формируемой в процессе социального контроля социальной среды¹⁶⁵. Анализ социального контроля предполагает исследование сущностных особенностей, приобретаемых в процессе взаимодействия участниками социальных отношений.

Потребности субъекта в осуществлении социального контроля обусловлены спецификой его функционирования (жизнедеятельности), в связи с чем они поддаются нескольким вариантам классификации.

Одним из факторов, обеспечивающих статус субъекта, по мнению С.С. Андреева, является наличие собственности. Хотя такой подход, как отмечалось ранее, несколько узок, тем не менее, позволяет нам выделить три основных вида качественно различающихся между собой субъек-

¹⁶³ Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск: Наука, 1993. – С.74.

¹⁶⁴ Андреев С.С. Теория социального управления. Субъект и объект социального управления. – С. 80-96.

¹⁶⁵ Кузнецова Е.М. Власть как субъект социализации // Власть и воздействие на массовое сознание: Сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. – Пенза: РИО ПГСХА, 2005. – С. 162-165.

ектов социального контроля исходя из возможности и особенностей их реализации права собственности. Все они исполняют роль собственников преимуществ, обеспечиваемых социальной организацией.

Первый вид представлен социальными элитами, которые являются властвующими общностями, удовлетворяющими в процессе социального управления индивидуальные потребности своих членов. В рамках субъект-объектных отношений они реализуют право владения ресурсами общества и плодами социальной организации. Социальные институты выступают для них в качестве механизма, обеспечивающего удовлетворение индивидуальных потребностей.

Социальные элиты представляют собой высшую ступень социального управления и не являются по этой причине объектом социального контроля. Удовлетворение индивидуальных потребностей членов социальных элит (прежде всего – потребности в самореализации) ведет к их индивидуализации и обособлению от общества. Социальный контроль призван обеспечить легитимность такого обособления.

Второй вид субъектов данной группы – административный аппарат, это сотрудники социальных институтов, выполняющие делегированные им в процессе социального управления функции. В рамках субъект-объектных отношений они реализуют свое право распоряжения общественными ресурсами от имени социальных институтов. Удовлетворение их индивидуальных потребностей производится социальными элитами в обмен на выполнение делегированных им функций социального управления.

Одновременно являясь объектом социального контроля со стороны социальных элит и субъектом социального контроля по отношению к обществу, административный аппарат выступает в качестве агента социального контроля. Удовлетворение индивидуальных потребностей сотрудников административного аппарата ведет к их деиндивидуализации и ассимиляции с внутренней средой социальных институтов. Социальный контроль выступает важнейшей функцией административного аппарата.

Социальные институты – третья разновидность – являются формальными структурными образованиями, призванные обеспечить легитимное существование социальных элит. Вместе с тем, как обособленные формирования, они обладают своими ресурсами, потребностями и интересами. В рамках субъект-объектных отношений социальные институты реализуют право пользования общественными ресурсами от имени общества.

Социальные институты выполняют роль обезличенного носителя социальной справедливости. Однако потребности социальных институтов складываются как из потребностей их собственного существования, так и из потребностей социальных элит и административного аппарата. Формально социальный контроль над обществом осуществляется от имени социальных институтов.

Совпадение объекта социального управления и объекта социального контроля является, по утверждению Е.А. Кочерина, принципиальным моментом для понимания сущности контроля¹⁶⁶. Сделаем небольшое уточнение: каждый объект социального контроля является одновременно объектом социального управления, но не каждый объект социального управления является объектом социального контроля.

Та же особенность присуща соотношению понятий «субъект социального управления» и «субъект социального контроля», что позволяет применить для классификации субъектов социального контроля тот же критерий, по которому классифицировались субъекты социального управления (см. Гл. I., § 2) и выделить две их разновидности: экономические субъекты и административные субъекты.

Первый вид – экономические субъекты социального контроля – представлен хозяйствующими субъектами, осуществляющими свою деятельность в сфере экономических отношений. Экономическая сфера их

¹⁶⁶ См.: Кочерин Е.А. Основы государственного и управленческого контроля. – М.: Филинь, 2000. – С. 18.

деятельности определяет специфические особенности социального контроля в рамках субъект-объектных отношений. Так, например, задачи социального контроля здесь сводятся к формированию благоприятного имиджа компании, стимулированию покупательской активности и продвижению товаров средствами рекламы и пропаганды.

Потребности экономических субъектов социального контроля также выражаются в основном финансовыми показателями. Социальный статус этих субъектов определяется их экономическими возможностями.

Важной особенностью экономических субъектов социального контроля является отсутствие этнической стадии их становления. В своем развитии эти субъекты либо сразу переходят от межличностной организации к внеличностной социальной организации экономического типа (фирма, предприятие, компания), либо создаются при непосредственном участии социальных элит.

Другой особенностью является то, что экономическая элита не скрывает от общества своей роли в социальной организации внутренней среды своего института. Право собственности экономической элиты охраняется законом, обеспечивающим легитимность ее исключительного положения. Поэтому в ходе социального контроля члены экономических элит одной из важнейших задач ставят отождествление имиджа социального института со своим собственным имиджем в глазах общества.

Все экономические субъекты социального контроля можно разделить на два подвида по критерию институционализации:

А. Предпринимательские субъекты представляют собой переходную форму между межличностным сообществом и социальным институтом. Особенность этой формы заключается в том, что предпринимательские субъекты приобретают свойства социальных институтов сразу, как только занимают монопольное положение в одной из сфер экономической деятельности. Однако чаще всего они находятся в жестко конкурентной среде и не проявляют себя в качестве самостоятельных соци-

альных институтов. При осуществлении социального контроля их деятельность обычно регулируется общеобязательными нормами, не подразумевающими наличие каких-либо социальных преимуществ.

Б. Корпоративные субъекты представляют собой продукт социальной организации. В большинстве случаев они возникают в результате передачи в монопольное пользование корпоративной элите прав на обеспечение жизненно важных потребностей общества. Особенность этого подвида экономических субъектов социального контроля заключается в том, что они представляют собой разновидность деятельности социальной элиты высшего уровня управления. В процессе социального контроля корпоративные субъекты способны самостоятельно формировать окружающую среду вокруг себя и удерживать монопольное положение в обществе.

Второй вид субъектов этой группы – административные субъекты социального контроля. Они представлены административными органами власти, осуществляющими свою деятельность в сфере социального управления по территориальному принципу. Сфера административного управления определяет специфические особенности социального контроля в рамках субъект-объектных отношений. Задачи социального контроля здесь сводятся к формированию благоприятного имиджа органов власти, снятию социального напряжения в обществе и обеспечению незыблемости социальных отношений.

Потребности органов административного управления выражаются статистическими показателями и, как правило, не отражают реальных потребностей стоящих за ними элит. Социальный статус этих субъектов определяется их административными полномочиями.

В отличие от экономических субъектов социального контроля социальные элиты этих субъектов образуются на базе пришедших к власти, легитимизировавшихся и институционализировавшихся этнических элит. Административные элиты чаще всего являются наследственными

общностями и сохраняют этнические связи в ходе межличностного взаимодействия.

Приоритет этнических связей вынуждает социальные элиты скрывать от общества реальные процессы, протекающие в сфере институционального управления. Поэтому в ходе осуществления социального контроля общества одной из важнейших задач является формирование в нем убеждения в демократичности и социальной справедливости сложившихся социальных отношений.

Все административные субъекты социального контроля в государствах федеративного типа можно разделить на три подвида:

А. Федеральные субъекты представлены административными органами власти федерального уровня социального управления и их подразделениями на местах. Федеральные субъекты обладают всей полнотой власти, как в отношении общества, так и в отношении экономических субъектов, а также в отношении административных органов нижестоящих уровней¹⁶⁷.

Это обстоятельство определяет характер социального контроля в рамках субъект-объектных отношений. Задачи социального контроля здесь сводятся к поддержанию социальной стабильности, обеспечению легитимности социальной системы в целом и управляемости обществом¹⁶⁸.

Б. Региональные субъекты представлены административными органами власти регионального уровня социального управления. Региональные субъекты обладают властными полномочиями, относящимися к решению проблем регионального значения в рамках полномочий, делегированных им федеральными субъектами.

Характер социального контроля в рамках субъект-объектных отношений определяется здесь стремлениями региональной элиты к обес-

¹⁶⁷ Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование). – М.: Юристъ, 2001. – С. 97-98.

¹⁶⁸ Подробнее см.: Степашин С.В. Двуреченских В.А. Власть – Демократия – Контроль. – М.: Финансовый контроль, 2005.

печению своей легитимности в глазах федерального центра посредством общественной поддержки на местах. Задачи социального контроля на уровне региональных субъектов сводятся к распространению своего контроля на все сферы общественной жизни региона, обеспечению легитимности существования региональных элит и к распространению их влияния на все сферы социальных отношений.

В. Муниципальные субъекты представлены административными органами власти местного уровня социального управления¹⁶⁹. Формально муниципальные субъекты не входят в систему органов государственного управления, представляют собой форму самоорганизации территориальных сообществ и обладают властными полномочиями только при решении вопросов местного значения¹⁷⁰. Однако фактически их деятельность (ресурсы, возможности, полномочия) определяется и контролируется региональными субъектами социального управления, а сами они являются независимыми от общества самодостаточными социальными институтами (в промежутке между выборами).

Характер социального контроля в рамках субъект-объектных отношений обусловлен потребностями функционирования социальных институтов и необходимостью легитимизации элиты в глазах местного общества. Задачи социального контроля на уровне муниципальных субъектов сводятся к пропаганде ими своей деятельности по жизнеобеспечению территорий и к мобилизации общественных усилий на решение проблем местного значения.

Каждый из этих подвидов субъектов подразумевает наличие во главе социальных институтов соответствующих социальных элит, обладающих высокой степенью легитимности и самостоятельности при распоряжении социальными ресурсами. Все они по-своему обособлены от общества (постоянно или в промежутке между выборами), обладают

¹⁶⁹ Соловьев С.Г. Муниципально-властные институты в местном самоуправлении Российской Федерации. – М.: Юридический Центр Пресс, 2003. – С. 15.

¹⁷⁰ Чиркин В.Е. Указ. соч. – С. 186-188.

своими специфическими источниками ресурсов, отдельной инфраструктурой и властными полномочиями.

Существуют также псевдосамостоятельные субъекты социального контроля (политические, культурные, религиозные и др.), действующие в сфере идеологического влияния на общество. Такие субъекты демонстрируют обществу формальную самостоятельность, но по сути своей деятельности являются разновидностью административных агентов социального контроля. Они не обладают ни собственными ресурсами, ни самостоятельностью в принятии кадровых решений и выполняют совершенно определенную социальную функцию. Эта функция заключается в подмене этнического содержания соответствующей деятельности социальным содержанием и в недопущении передела власти конкурирующими этническими элитами.

Кроме того, следует выделить глобальные субъекты социального контроля как самостоятельную разновидность субъектов социального контроля административного вида, характеризующиеся особенной присущей только им спецификой социального управления. Глобальные субъекты выполняют две основных функции социального контроля:

- 1) выступают проводниками интересов глобальных элит, делегировавших им часть полномочий государственного уровня социального управления;

- 2) выступают в качестве носителей своих интересов (элитарных, административных и институциональных), ограниченных имеющимися социальными полномочиями.

Преимущества этих субъектов социального контроля заключается в уникальности выполняемых ими функций глобального управления (ООН, МВФ, МОК и др.), делающих их деятельность объективно востребованной на всех уровнях государственного управления. Недостатком этих субъектов является их ресурсная, организационная и статусная зависимость от страновых элит высшего уровня государственного

управления, делегировавших им социальные полномочия глобального управления¹⁷¹.

Институционально-индивидуальные потребности не только субъектов, но и объектов социального контроля являются отправной точкой отсчета при изучении потребностей, обуславливающих процесс социального контроля. Несмотря на то, что параметры удовлетворения потребностей объектов социального контроля определяются его субъектами, от конечной заинтересованности объектов социального контроля в социальном управлении зависят его характер, цели и направленность.

Объекты социального контроля представляют собой членов общества и социальные институты¹⁷², в отношении которых осуществляются меры социального контроля. Это воздействие призвано обеспечить добровольное принятие объектами контроля социальных ценностей и следование установленным правилам поведения.

В качестве объектов социального контроля выступают общество, административный аппарат, элитарные сообщества, социальные и экономические институты, глобальные формирования. Рассмотрим их более подробно.

Общество представляет собой универсальный объект социального управления, который участвует в социальных отношениях с любым видом субъектов социального контроля (социальными институтами), обладающих монопольным правом или возможностью присвоения общественных ресурсов и регламентации отдельных сфер жизни общества.

Административный аппарат выступает в качестве объекта социального контроля только в отношениях с элитой социального института. В отношениях с другими объектами социального управления административный аппарат выступает в роли субъекта – агента – социального

¹⁷¹ Перегудов С.П. Транснациональные корпорации на пути к корпоративному гражданству // Политические исследования. – 2004. – № 3. – С. 95.

¹⁷² Подробнее см.: Халипов В.Ф. Указ. соч. – С. 102.

контроля, подконтрольного исключительно только соответствующей социальной элите.

Элитарные сообщества характеризуются формальным (социальные элиты) или неформальным (этнические элиты) статусом и влиянием в обществе. Все эти сообщества существуют в качестве этнических общностей внутри или вне социальных институтов¹⁷³. Поэтому субъектом их социального контроля выступают неформально заинтересованные социальные элиты. Формальный социальный контроль социальными институтами тоже применяется, но вне волевого решения вышестоящей элиты он неэффективен.

Социальные институты выступают в качестве объекта социального контроля только в отношениях с административным аппаратом социального института высшего уровня социального управления, в функциональные обязанности которого входит определение параметров институциональных формирований низших уровней.

Экономические институты выступают в качестве объекта социального контроля только в отношениях с административным аппаратом органов социального управления, если речь идет о предпринимательских формированиях, и только в отношениях с социальными элитами, если речь идет о корпоративных формированиях. От иных формально институционализированных объектов социального контроля (политических, религиозных и прочих) их отличает наличие самостоятельных ресурсных возможностей.

Политические, культурные, национальные, религиозные и иные подобные формирования в качестве объектов социального контроля не рассматриваются по следующим причинам: во-первых, как социальные формирования они создаются в процессе выполнения социального заказа государственной элиты и в этом качестве представляют собой разно-

¹⁷³ Социальные элиты строят межличностные отношения на этнических принципах (деление на своих и чужих, обособление от общества и т. д.).

видность административного аппарата (агента социального контроля), специализирующегося на снятии социальной напряженности в обществе.

Во-вторых, как этнические формирования они самоорганизуются на базе общества и в этом качестве представляют собой этнические сообщества, деятельность которых направлена на замещение формального социального контроля неформальным этническим контролем, но это уже совсем другой процесс.

Глобальные формирования являются объектом социального контроля только в отношениях с делегировавшими им функции глобального управления социальными элитами. В отношениях с социальными институтами они выступают в качестве надгосударственного субъекта социального контроля (например, Европейский суд по правам человека).

В отдельных случаях может наблюдаться ситуация, когда, например, корпоративный субъект десоциализует чиновника путем дачи взятки, вмешиваясь в отношения между ним и соответствующей социальной элитой. Однако это скорее исключение, поскольку, во-первых, социальный контроль осуществляется путем уголовного преследования провинившегося, а во-вторых, подобные вопросы гораздо эффективнее решаются на уровне социальных элит, но не функциональных исполнителей.

Объекты социального контроля могут находиться в социальных отношениях сразу с несколькими субъектами. Они составляют основную часть окружающей среды социальных институтов и значительную часть их внутренней среды. Вместе с тем, участие общества и его институтов в социальных отношениях в качестве объектов социального управления определяет возможность (и потребность) осуществления социального контроля над ними.

Различные виды объектов социального контроля обладают разным социальным качеством. Это делает возможным применение к ним разных схем классификации в зависимости от специфики их взаимоотношений с субъектами социального контроля.

По расположению относительно субъекта социального контроля можно выделить два вида объектов: внутренние и внешние.

Первый вид объектов социального контроля находится внутри социальных институтов, выполняет отдельные функции социального управления, но не владеет социальными ресурсами. Потребность в их социальном контроле обусловлена необходимостью повышения эффективности выполнения делегированных этим объектам управленческих функций.

Внешние объекты социального контроля находятся вне социальных институтов и выступают в качестве источника социальных ресурсов, обеспечивающих их существование и развитие. Потребность в их социальном контроле обусловлена необходимостью обеспечения легитимного изъятия общественных ресурсов для функционирования социальных институтов.

По статусу взаимоотношений с субъектом социального контроля можно выделить три вида объектов: 1) объекты, контролируемые социальными элитами, 2) административным аппаратом, или 3) социальными институтами.

Объекты, контролируемые социальными элитами, представлены объектами социального контроля, деятельность которых формируется под непосредственным влиянием социальных элит. Социальный контроль поведения этих объектов обусловлен индивидуальными потребностями членов социальных элит, в соответствии с которыми объекты контроля рассматриваются следующим образом:

а) элиты низших уровней административного управления как носители потребностей и интересов, олицетворяющие обособленные социальные институты, подконтрольная деятельность которых затрагивает интересы субъекта социального контроля;

б) административный аппарат как агент социального контроля, обеспечивающий деятельность социальных институтов, от эффективно-

сти и лояльности которого зависит социальное положение субъекта социального контроля;

в) экономические элиты как носители индивидуальных интересов и потребностей, обладающие собственными ресурсными, организационными и информационными возможностями, интересы которых приходится учитывать в процессе социального контроля;

г) этнические элиты как носители этнической организации, обладающие существенным весом и влиянием в обществе, но не имеющие достаточных ресурсных и организационных возможностей; сфера их деятельности может представлять для субъекта социального контроля потенциальную опасность;

д) общество как источник социальных ресурсов и первооснова для самоорганизации альтернативных социальных формирований, возникающих в процессе реализации индивидуальных интересов, представляющих потенциальную угрозу стабильности сложившихся социальных отношений.

Объекты, контролируемые административным аппаратом, представлены объектами, социальный контроль над которыми осуществляется в процессе выполнения административным аппаратом своих функциональных обязанностей. Социальный контроль этих объектов обусловлен содержанием тех функций социального управления, которые делегированы административному аппарату социальными элитами и в соответствии с которыми объекты социального контроля рассматриваются следующим образом:

а) социальные институты низших уровней управления как объекты социального контроля, осуществляющие обособленную деятельность, результаты которой потенциально могут дискредитировать административный аппарат в глазах социальной элиты, либо способны ущемить индивидуальные интересы представителей административного аппарата;

б) общество, поведение членов которого является внешним показателем эффективности работы административного аппарата, влияющим на оценку его деятельности социальной элитой высшего уровня управления.

Объекты, контролируемые социальными институтами представлены объектами социального контроля, которые вступают в социальные отношения с субъектами на внеличностном уровне. Социальный контроль этих объектов производится на основе формализованных правовых норм, обуславливающих правила их поведения, в соответствии с которыми они рассматриваются следующим образом:

а) экономические объекты как объекты социального контроля, чья деятельность регулируется общеобязательными нормами действующего законодательства;

б) общество, поведение членов которого определяется социальными потребностями и регулируется общеобязательными нормами действующего законодательства.

Многообразие применяемых методов социального контроля позволяет осуществить классификацию, основанную на различиях применяемых методов: а) объекты, контролируемые методами убеждения, б) методами принуждения и в) методами косвенного воздействия.

Первую категорию составляют объекты, которые особенно подвержены влиянию социальных иллюзий (например, общество, которое будучи отчужденным от механизмов удовлетворения индивидуальных потребностей и не обладающим всей полнотой информации, вынуждено принимать на веру социальные модели поведения), либо объекты, обладающие возможностью альтернативного поведения (например, члены административного аппарата, от которых требуется неукоснительное соблюдение корпоративной этики).

Ко второй группе относятся объекты, находящиеся в прямой зависимости от субъекта социального контроля (например, общество, в от-

ношении которого применяется вся мощь аппарата социального принуждения (суды, пенитенциарные учреждения и др.), а также объекты, по отношению к которым субъект социального контроля обладает возможностью применения прямого принуждения (например, члены социальных элит, деятельность которых представляет угрозу стабильности сложившихся социальных отношений).

Третью группу составляют объекты, в отношении которых не могут быть применены методы прямого воздействия (например, экономические элиты, обладающие высокой степенью гарантированной законодательством самостоятельности), либо это объекты, прямое воздействие на которые связано со слишком значительными издержками субъектов социального контроля (например, этнические элиты, чье влияние на общество и стремление к власти делает слишком рискованным применение методов прямого воздействия).

Приведенная классификация иллюстрирует особенное свойство всех объектов социального контроля, которые не способны к прямому влиянию на субъект социального контроля согласно основополагающему принципу социальной организации: вектор социального управления всегда направлен от высших уровней социальной организации к низшим. Поэтому для характеристики деятельности объекта социального контроля в процессе социального управления более применимо понятие «социальная адаптация».

Мы можем говорить о существовании особенного (экзогенного) качества, присущего объектам социального контроля в процессе их социальных отношений с субъектами социального контроля. Его наличие позволяет говорить о возможности социально-философской классификации и научного анализа объектов социального контроля.

§ 2. Виды и направленность социального контроля

Социальный контроль как элемент социального управления представляет собой процесс, детерминированный индивидуальными параметрами участников социальных отношений. Он дополняет естественные (индивидуальные и этнические) стимулы и мотивы индивидуального поведения искусственными и переориентирует членов общества на социально-(институционально-) полезную деятельность.

Исследование причин и механизмов формирования потребностей субъектов социального контроля позволяет не только анализировать, но и моделировать и прогнозировать развитие социальных процессов. Сопоставление этих потребностей с потребностями и возможностями объектов социального контроля позволяет делать выводы о степени их социальной адаптации, эффективности мер социального контроля и своевременно выявлять проблемы социального управления.

Социальные институты преследуют интересы, обусловленные их объективными потребностями. Тогда как общество выступает в качестве источника ресурсов для удовлетворения потребностей социальных и элитарных сообществ. В любом случае при осуществлении социального контроля над объектами социального управления приоритетными являются интересы субъектов этого контроля. Результатом управленческого воздействия на объект социального контроля должно стать такое изменение его поведения, которое будет удовлетворять интересы субъекта социального контроля.

Философы, занимающиеся проблемой социального управления, указывали на возможность использования разных видов воздействия на объект. Так еще Платон стоял на той позиции, что в управлении обще-

ством следует использовать как силу, так и убеждение¹⁷⁴. А. Грамши также утверждал, что доминирующее положение «господствующей группы» строится не только на насилии, но и на согласии¹⁷⁵.

Многие теоретики и практики управления и контроля отдают предпочтение ненасильственным методам воздействия. Так, Гоббс считал, что поскольку «действия людей обусловлены их мнениями», то эффективное «управление действиями людей» обеспечивается за счет управления их мнениями¹⁷⁶. В.И. Ленин был убежден в том, что сначала необходимо попытаться убедить, а уж потом принуждать¹⁷⁷.

Любая «человеческая деятельность, осуществляется сугубо ради достижения тех или иных воздействий на сознание», утверждает Б.Г. Капустин и рассматривает физическое насилие лишь как «одно из средств получить этот эффект, причем свидетельствующее о неспособности добиться его более выгодным путем, адекватным характеру власти как *человеческого отношения* (курсив автора – Е.К.)»¹⁷⁸.

Говоря о подчинении «тел посредством контроля над мыслями»¹⁷⁹, М. Фуко приводит следующие слова одного из теоретиков XVIII века: «Сформировав в сознании граждан цепочку мыслей, вы можете гордиться тем, что исполняете роль их вождей и хозяев. Глупый деспот приковывает рабов железными цепями; истинный политик связывает их еще крепче цепью их собственных мыслей; первое ее звено он закрепляет в надежной точке – в разуме»¹⁸⁰.

Таким образом, все виды воздействий на объекты социального контроля составляют две группы: прямое воздействие и косвенное воздействие.

¹⁷⁴ Платон. Собрание сочинений в 3-х тт. Т.3 (1). – С. 519.

¹⁷⁵ Грамши А. Указ. соч. – С. 332-333.

¹⁷⁶ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – С. 123.

¹⁷⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 43. – М.: Политиздат, 1982. – С. 54.

¹⁷⁸ Капустин Б.Г. К понятию политического насилия // Политические исследования. – 2003. – № 6. – С. 9.

¹⁷⁹ Фуко М. Указ. соч. – С. 150.

¹⁸⁰ Цит. по: Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. – С. 150.

Первый вид осуществляется посредством целенаправленного изменения условий жизнедеятельности объекта, детерминирующих его поведение. Сущность социального контроля предполагает большую эффективность воздействий, непосредственно определяющих условия жизнедеятельности объекта. Это могут быть меры экономического, управленческого, правового или иного прямого воздействия на объект социального контроля.

Основной недостаток мер прямого воздействия заключается в том, что они детерминируют поведение объекта, но не детерминируют его сознание. Поэтому, когда воздействие ослабевает, поведение объекта выходит за пределы граничных рамок, устанавливаемых в процессе социального управления.

Второй вид воздействия – косвенное – осуществляется посредством целенаправленного воздействия на индивидуальное сознание объекта, как на причину его сознательного поведения в условиях, детерминированных окружающей средой. Именно такое воздействие многие исследователи считают наиболее эффективным.

Идеалистический характер индивидуального мировосприятия позволяет воздействовать на объект социального контроля посредством внедрения в его сознание социальных иллюзий. Все художественные, политические или социальные понятия подвержены влиянию иллюзий и формируются под их влиянием, считал Г. Лебон. «Человек иногда повергает в прах эти иллюзии ценой ужасных переворотов, но он всегда бывает вынужден снова извлечь их из-под развалин»¹⁸¹.

В процессе осуществления социального контроля социальные иллюзии дополняют мировосприятие членов общества. Одной из таких иллюзий, в частности, служит социальный миф о равноправности общества и социальных институтов как участников социальных отношений. «Миф об автономном гражданском обществе, – отмечает французский фило-

¹⁸¹ Лебон Г. Указ. соч. – С. 187.

соф Э. Балибар, – вырастающем независимо от государства, тесно связан с представлением о природном характере национальных рамок»¹⁸².

Социальные иллюзии позволяют отождествить в сознании объекта социального контроля индивидуальные и социальные интересы, направив его поведение на достижение социальных целей. Такие иллюзии формируются в результате мер социального контроля политического, религиозного, культурного, идеологического и др. характера. «Субъективность возникающих в сознании интересов состоит в том, – пишет В.Н. Лавриненко, – что они возникают и существуют как явление внутреннего мира субъекта, идеально отражающие объективный мир»¹⁸³. Однако они утрачивают свою действенность тогда, когда формируемые социальные иллюзии входят в противоречие с социальной реальностью (практикой управления). Это основной недостаток мер такого воздействия на сознание.

Социальное управление подразумевает два направления социальной деятельности – удовлетворение низших (первичных) и формирование высших (социальных) потребностей общества. Второе направление представляет собой социальный контроль.

Следует выделить две группы факторов, определяющих виды и направленность социального контроля: условия социального контроля над объектом, которые могут носить как объектный, так и субъектный характер, они определяются параметрами окружающей среды (т. е. общества) и собственными возможностями субъекта социального контроля; и задачи социального управления, решение которых стремится достичь субъект социального контроля. Эти задачи, как уже говорилось ранее, продиктованы потребностями самого субъекта управления.

Из приведенных групп факторов определяющее значение имеют объектные условия социального контроля общественной среды, на ко-

¹⁸² Balibar E. Les frontières de la démocratie. – Paris, 1992. – P. 157.

¹⁸³ Лавриненко В.Н. Проблема социальных интересов в ленинизме. – М.: Мысль, 1978. – С. 77.

тору направлено управленческое воздействие субъектов социального контроля. Поэтому представляется целесообразным классификацию видов социального контроля производить на основе параметров, определяющих эти условия (см. Гл.1, § 4.).

Первый и важнейший параметр социального контроля – ресурсы – предполагает наличие как материальных (например, финансовых или природных), так и нематериальных (например, человеческих и технических) ресурсов, обеспечивающих монополизацию социального превосходства субъектом социального контроля. Важную роль здесь играет наличие необходимых субъекту социального контроля ресурсов (или возможности их получения) у объектов социального контроля. В любом случае наличие соответствующих ресурсов у участников социальных отношений определяет их характер, а заодно – и характер осуществления социального контроля.

Все это позволяет выделить такой вид социального контроля, как ресурсный контроль. Этот вид не отличается большим разнообразием и основан на регулировании субъектом социального контроля ресурсных возможностей объектов социального контроля. Наиболее эффективная, базовая разновидность социального контроля здесь социэкономический контроль. Он основан на использовании денег как всеобщего эквивалента материальных, человеческих и иных разновидностей ресурсов.

Социэкономический контроль осуществим по отношению ко всем видам объектов социального контроля, поскольку он напрямую связан с удовлетворением как индивидуальных, так и групповых потребностей разных уровней¹⁸⁴. Его осуществление обеспечивается посредством искусственного ограничения ресурсной обеспеченности объектов социального контроля с целью предотвращения нежелательного поведения и включения их в сложившуюся систему социального управления¹⁸⁵. Дру-

¹⁸⁴ См. пирамиду потребностей А. Маслоу.

¹⁸⁵ См., напр.: Козырев Г.И. Указ. соч. – С. 128.

гой вариант социоэкономического контроля заключается в том, что объект, обретающий внешний источник ресурсов, развивается в сторону и под влиянием этого внешнего источника.

Направленность социоэкономического контроля (его условия и задачи) определяется спецификой участия объектов социального контроля в социальных отношениях, поэтому в отношении общества контроль осуществляется через регулирование социальных выплат (заработной платы, пенсий, пособий и т. д.) и социальных платежей (квартплаты, налогов, сборов и др.), аналогична сущность социоэкономического контроля в отношении административного аппарата и осуществляется посредством регулирования уровня заработной платы, премирования и денежных взысканий.

Элитарные сообщества контролируются через предоставление источников финансовых ресурсов (формально или неформально) или отстранения от них; контроль над социальными институтами осуществляют социальные институты вышестоящего уровня управления посредством финансового регулирования их деятельности.

Предоставление экономических возможностей (формальные или неформальные концессии) или изъятия части прибыли (налоги, акцизы и др.) лежит в основе контроля над экономическими институтами, что касается глобальных формирований, то в отношении них социоэкономический контроль обеспечивается посредством финансирования их деятельности в целом или отдельных программ (например, взносы США в ООН).

В любом случае ресурсы обладают непреходящей ценностью, а их владелец обеспечивает себе стабильное положение вне зависимости от внешних обстоятельств. Поэтому фактор наличия или отсутствия ресурсов определяет характер субъект-объектных отношений.

Организация, второй по значимости параметр социального контроля, подразумевает использование широкого спектра специфически социальных способов упорядочения и регулирования действий членов

общества и социальных институтов. Важную роль здесь играет наличие легитимных возможностей для осуществления социального контроля и соответствующей инфраструктуры у его субъектов. На характер социального контроля влияют, по мнению А.М. Омарова, возможности, инфраструктура и способы достижения поставленных субъектом социального контроля целей¹⁸⁶.

Если на уровне детерминированного посредством социального контроля индивидуального поведения основную роль в поведении человека играет среда (т. е. ресурсы и условия), то на уровне устойчивых поведенческих реакций главная роль отводится организации. Причем организация здесь понимается как функция сохранения и воспроизводства устойчивых форм поведения.

В связи с чем можно говорить о таком виде социального контроля, как организационный контроль. Он основан на включении объектов социального контроля в определенную систему социального управления и выполнении ими соответствующих социальных ролей в рамках этих отношений. Этот вид социального контроля составляют четыре разновидности – управленческий контроль, правовой, политический контроль и выполнение социальных функций.

Первая разновидность – управленческий контроль, он основан на использовании имеющихся в распоряжении субъекта социального контроля управленческих возможностей регулирования поведения объектов социального контроля.

В.Г. Афанасьев и А.Д. Урсул выделяли такую особенность субъекта и объекта управления как «включенность в управленческую деятельность», отмечая, что объектом управления может являться лишь тот, кто «подвергается соответствующим управленческим воздействиям»¹⁸⁷. А поскольку управленческий контроль «является деятельностью управля-

¹⁸⁶ Омаров А.М. Указ. соч. – С. 120.

¹⁸⁷ Афанасьев В.Г., Урсул А.Д. Указ. соч. – С. 59.

ющих»¹⁸⁸, то он может осуществляться только по отношению к объектам, находящимся в прямой зависимости от субъектов социального управления и контроля. Поэтому сфера применения управленческого контроля ограничивается институциональными отношениями.

Управленческий контроль осуществляется посредством нормативного закрепления полномочий и обязанностей агентов социального контроля, ведущего к их обезличиванию и деиндивидуализации. Целью такой социального контроля является стандартизация поведения для облегчения социального контроля над их деятельностью со стороны субъектов социального контроля.

Направленность управленческого контроля (его условия и задачи) определяется спецификой участия субъектов социального контроля в социальных отношениях. Административный аппарат контролируется путем разработки обязательных для исполнения должностных инструкций и персональной ответственности перед субъектом социального контроля за их соблюдение. Такой подход, по мнению А.И. Казанника, обеспечивает максимальную эффективность социального контроля¹⁸⁹. Контроль над социальными институтами основан на регламентации полномочий и определении внутренней организации этих объектов социального контроля.

Управленческий контроль решает задачи организационной эффективности на уровне социальных функций и полномочий¹⁹⁰. М. Вебер утверждал, что «компетенция» чиновника – это «ограниченная область возможных объектов, на которые распространяются распоряжения», и которые «составляют сферу его законной власти»¹⁹¹. Из этого следует, что специфические особенности управленческого контроля делают невозможным его использование во взаимоотношениях с объектами со-

¹⁸⁸ Кочерин Е.А. Основы государственного и управленческого контроля. – С. 102.

¹⁸⁹ Казанник А.И. Научная организация управленческого труда в государственных и муниципальных учреждениях России. – Омск: Омский дом печати, 2004. – С. 153.

¹⁹⁰ См.: Смольков В.Г. Социальный контроль. – С. 194.

¹⁹¹ Вебер М. Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. – С. 67.

циального контроля вне пределов формальной компетенции социальных институтов.

Второй разновидностью организационного контроля является правовой контроль, он основан на принуждении к участию в социальных отношениях посредством формальных общеобязательных норм и правил поведения, нарушение которых влечет за собой ограничение индивидуальных прав и возможностей¹⁹².

Для некоторых правоведов характерно абсолютизирование роли права в социальном управлении. Это обусловлено тем, что все «и организационные, и экономические средства воздействия осуществляются в правовой форме»¹⁹³. Действительно роль права в осуществлении социального контроля трудно переоценить, однако такой подход несколько односторонен.

Характеризуя систему правовых норм как «самое формализованное, четкое, действенное средство социального контроля», М.И. Бобнева отмечает, что отношение объекта к правовым нормам задано этой системой однозначно – с «одной степенью свободы» – все члены общества их должны знать и соблюдать»¹⁹⁴.

Однако, правовой контроль, несмотря на свою формальную всеобщность, применим далеко не ко всем объектам социального контроля¹⁹⁵. С одной стороны, эта разновидность социального контроля применима лишь там, где существует легитимная возможность правового регулирования формально независимых объектов социального контроля. С другой стороны, она подразумевает наличие соответствующей социальной инфраструктуры, обеспечивающей механизм правового регулирования.

¹⁹² Концепция права как инструмента социального контроля в основных чертах была разработана американским социологом Э. Россом. (Ross E. Social Control. A Survey of the Foundations Order. – Cleveland-London, 1969. – P. 1-3).

¹⁹³ Халфина Р.О. Право как средство социального управления. – М.: Наука, 1988. – С. 80.

¹⁹⁴ Бобнева М.И. Указ соч.. – С. 27.

¹⁹⁵ См., напр.: Филимонов О.В. Указ. соч. – С. 25.

Правовой контроль малоэффективен при регулировании этнических и элитарных отношений, поскольку не затрагивает сущность этих отношений. Кроме того, он не применим к глобальным формированиям, находящимся вне юрисдикции субъектов социального контроля.

Направленность правового контроля (его условия и задачи) определяется спецификой моделей социального поведения, закрепленных нормами законодательства. Правовой контроль в отношении общества обеспечивается посредством функционирования судебной и пенитенциарной систем государственного регулирования. На осуществление правового контроля в отношении экономических институтов направлена деятельность арбитражной и фискальной систем государственного регулирования.

Специфика правового контроля делает невозможным его применение экономическими субъектами социального контроля.

Следующей разновидностью организационного контроля является политический контроль. Он основан на формировании общеобязательных правил политической деятельности, призван, в частности, «регламентировать форму образования ... активного партийного ядра ... и «правила боя» на поле выборов как битвы»¹⁹⁶, несоблюдение последних влечет за собой исключение объектов социального контроля из политического процесса.

Непременным условием политических отношений является общественная легитимность формальных субъектов (политических партий и движений) этих отношений. Данное условие подразумевает зависимость субъектов политических отношений от регулирующих эти отношения социальных институтов и превращает их в агентов социального контроля, действующих в интересах социальных элит¹⁹⁷. Политический контроль применим только к объектам, формально не способным выступать в ка-

¹⁹⁶ Вебер М. Политические работы (1895-1919). – М.: Праксис, 2003. – С. 133.

¹⁹⁷ См., напр.: Перегудов С.П. Политическое представительство интересов: опыт Запада и проблемы России // Политические исследования. – 1993. – № 4. – С. 115-124.

честве субъектов социального контроля, с целью институционализации их политической деятельности.

Направленность политического контроля (его условия и задачи) определяется спецификой социально-политических установок общества и стремлением субъекта социального контроля к обеспечению легитимности сложившихся социальных отношений. Общество контролируется путем предложения ему в качестве альтернативных субъектов (агентов) политического контроля институционализированных социальных элит, а этнические элиты путем предоставления им возможности институционализации и трансформации в социальные элиты.

Политический контроль решает проблему вовлечения конкурентоспособных этнических элит в подконтрольное субъекту социального контроля правовое поле деятельности.

Как разновидность организационного социального контроля, выполнение социальных функций, основано на необходимости обеспечения минимальных стандартов жизнедеятельности общества. М. Фуко утверждает, что еще в конце XVIII века в Германии был издан пятитомник Й.П. Франка, ставший «первой крупной систематической программой общественного здоровья для современного государства. Она с избыточными подробностями указывает на то, что должно делать руководство, ... чтобы обеспечить жизнь индивидов»¹⁹⁸. Книга дает представление о том, что уже тогда обеспечение индивидуальных условий жизни становится долгом субъекта социального управления.

Это обусловлено тем, что наличие социальных отношений подразумевает наличие определенного рода социальных ожиданий у объектов социального контроля. Любой социальный контроль ведет к формированию таких ожиданий и потому нуждается в их деятельностном за-

¹⁹⁸ Фуко М. Политическая технология индивидов / В кн.: Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2002. – С. 362.

креплении управленческими решениями¹⁹⁹. Социальные субъекты не в состоянии обеспечить обществу тот же набор социальных преимуществ, которым пользуются социальные элиты.

Однако они могут с одной стороны, обеспечить минимальный уровень соблюдения социальных стандартов (пенсии, пособия, социальное и медицинское обслуживание, др.), а с другой стороны создать иллюзию стремления субъектов социального контроля к сокращению социального неравенства в обществе. Это стремление и определяет направленность социального контроля при выполнении социальных функций. В качестве объекта социального контроля здесь выступает только один фигурант – общество, которое контролируется путем обеспечения минимальных жизненных потребностей нуждающихся и формирования социальных ожиданий у остальных членов общества. Роль агентов социального контроля в данном случае выполняют социальные институты, которым делегированы полномочия по обеспечению выполнения социальных функций.

Таким образом, если ресурсы представляют собой пассивный фактор социального контроля, то организацию можно охарактеризовать как «совокупность процессов или действий, ведущих к образованию и совершенствованию»²⁰⁰ социального управления. Организация выступает в качестве активного фактора социального управления и носит ярко выраженный субъективный характер. Однако помимо организации и ресурсов для эффективности социального управления требуется наличие еще одного параметра – информации.

Информация – составляющая, производная от двух предыдущих параметров, определяющих условия осуществления социального контроля.

В процессе социального управления информация играет двоякую роль. С одной стороны, внутренняя информация выступает следствием

¹⁹⁹ См., напр.: Макаров В. Социальные услуги – сегмент рынка человеческого капитала // Проблемы теории и практики управления. – 2005. – № 3. – С. 14.

²⁰⁰ Юдин Б.Г. Организация / Философский энциклопедический словарь. – С. 448.

организации, представляя собой один из факторов обеспечения эффективности функционирования социальных институтов в качестве субъектов социального контроля²⁰¹. С другой стороны, информация представляет собой инструмент социального воздействия на общественное сознание с целью формирования в обществе устойчивых стереотипов мышления и моделей поведения²⁰².

Характер информационного контроля определяется степенью восприимчивости общества к информационному воздействию. Субъекты социального контроля используют в своих целях этно-национальные особенности общества для формирования на их основе социальных иллюзий.

Важнейший аспект информационного контроля над обществом – формирование иллюзорных целей, ориентирующих членов общества на выполнение соответствующих социальных ролей²⁰³. Информация используется при осуществлении социального контроля над обществом на уровне субъективного мировосприятия. Информационное воздействие на общество имеет своей целью замещение объективных потребностей общества субъективными социальными потребностями. Этот вид подразумевает наличие четырех разновидностей социального контроля: религиозный контроль, социокультурный, образовательный контроль и идеологический.

Религиозный контроль основан на использовании религиозных догматов (как совокупности априорно принимаемых на веру истин) для обеспечения легитимности социальных отношений. Л. Уайт обозначает такой симбиоз термином «государство-церковь» и определяет его как «специальный механизм координации различных звеньев и процессов социокультурных систем, ..., являющийся носителем «государственно-

²⁰¹ Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. – М.: Политиздат, 1975. – С. 39.

²⁰² Гляйсберг Г. О концентрации печати и манипулировании общественным мнением. – М.: Прогресс, 1974. – С. 51.

²⁰³ См.: Цуладзе А. Политическая мифология. – М.: ЭКСМО, 2003. – С. 227.

церковных» средств их интеграции, регулирования и контроля»²⁰⁴. М. Вебер видел в религии мощный механизм мотивации поведения, выразив его в формуле «протестантизм – капитализм». Современные исследователи также усматривают в религии и церкви «управленческий потенциал» как «возможность влиять на человека или группу через религиозные ценности, нормы и установки»²⁰⁵.

Вместе с тем, неперенным условием религиозного контроля является подверженность общества религиозному влиянию. Данное условие подразумевает зависимость субъектов религиозных отношений от заинтересованных в этих отношениях социальных институтов и превращает их в агентов социального контроля, действующих в интересах социальных элит. Религиозный контроль применим только к объектам, чье индивидуальное мировосприятие основано на примате религиозных ценностей над объективными потребностями²⁰⁶.

Направленность религиозного контроля (его условия и задачи) определяется спецификой мировосприятия объектов социального контроля, участвующих в социальных отношениях. Общество контролируется посредством замещения индивидуальных потребностей этносоциальными потребностями в процессе осуществления религиозного контроля, этнические (религиозные) элиты – посредством их институционализации в качестве самостоятельных социальных институтов и легитимной монополизации отдельной сферы духовной жизни общества.

Вместе с тем, религия, переходя из сферы этнического контроля в сферу социального контроля, неизбежно формализуется и входит в противоречие с этническими ценностями, и может тем самым утрачивать свое влияние на общественное сознание.

²⁰⁴ Уайт Л.А. Государство-церковь: его формы и функции / В сб.: Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 310.

²⁰⁵ Безнюк Д. Религия как фактор современного управления // Проблемы теории и практики управления. – 2004. – № 6. – С. 122.

²⁰⁶ См., напр.: Андреев С.С. Теория социального управления. Объективная необходимость и сущность социального управления. – С. 99.

В основе социокультурного контроля лежит отождествление общепринятых этнических обычаев и традиций, связанных с «проявлением особой ментальной способности, свойственной исключительно человеческому виду, способностью к символизации»²⁰⁷, со сложившимися в обществе социальными отношениями.

Будучи проявлением этнической самоорганизации, культура используется субъектами социального контроля в качестве инструмента информационного воздействия на индивидуальное сознание объектов социального контроля. Культура представляет собой обобщенную модель общественного образа жизни и мировосприятия. Поэтому социокультурный контроль позволяет преодолевать естественно возникающее психологическое неприятие контролирующего воздействия, обусловленное индивидуальными особенностями объектов социального контроля.

Направленность социокультурного контроля (его условия и задачи) определяется особенностями образа жизни этнических сообществ (образующих общество) и особенностями социальной инфраструктуры субъектов социального контроля. В отношении общества социокультурный контроль осуществляется посредством наполнения этнических традиций и обычаев социальным содержанием. В отношении этнических (культурных) элит – посредством «встраивания» в сложившуюся систему социального управления, с сопутствующим приобретением соответствующего социального статуса и выполнением функции агента социального контроля.

Использование культуры в качестве инструмента социального контроля подразумевает трансформацию ее из проявления этнического образа жизни в элемент социального управления. При этом культура приобретает свойства самостоятельной сферы социальной деятельности, ориентированной на выполнение социального заказа по отношению к обществу.

²⁰⁷ Уайт Л.А. Энергия и эволюция культуры / В сб.: Антология исследований культуры. Т. 1. – С. 439.

Сущность образовательного контроля заключается в замещении межличностных процессов индивидуального научения социально обусловленными процессами обучения и воспитания. «Для того чтобы преобразовать общечеловеческую природу так, чтобы она ...стала развитой и специфической рабочей силой, – писал К. Маркс, – требуется определенное образование или воспитание»²⁰⁸.

Образовательный контроль направлен на формирование личностных параметров поведения объектов социального контроля посредством специализированных социальных институтов, выступающих в роли его агентов. С одной стороны, образовательный контроль подразумевает обучение, т. е. привитие профессиональных навыков, позволяющих выполнять определенные социальные роли. С другой стороны, эта разновидность социального контроля подразумевает воспитание, т. е. привитие моделей поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, характерных для объектов социального контроля²⁰⁹. Таким образом, «система образования выступает в качестве наиболее эффективного инструмента долгосрочного изменения социальных ценностей», обеспечивая их принятие на уровне индивидуального мировосприятия и сознательного поведения объектов социального контроля²¹⁰.

Направленность образовательного контроля (его условия и задачи) определяется спецификой профессиональных навыков и мировоззренческих позиций объектов социального контроля, востребованных его субъектами. Так, общество контролируется посредством социально обусловленных процессов обучения и воспитания в интересах обеспечивающих образовательный контроль социальных элит, а социо-этнические (образовательные) элиты – посредством включения в инфраструктуру

²⁰⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е издание. Т. 23. – М.: Политиздат, 1960. – С. 182-183.

²⁰⁹ См., напр.: Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 248-257.

²¹⁰ Монден Я. Указ. соч. – С. 161.

административного аппарата социальных институтов и наделения соответствующим социальным статусом и полномочиями.

Использование образования в качестве инструмента социального контроля помимо позитивного результата для субъектов социального контроля, подразумевает негативное влияние на объекты социального контроля, связанное с их специализацией²¹¹. Объекты социального контроля утрачивают навыки самостоятельной жизнедеятельности и личностного мировосприятия, попадая в зависимость от институционализированных субъектов социального управления.

Последней разновидностью организационного вида социального контроля является идеологический контроль. Он основан на пропаганде социальных ценностей и приоритета интересов субъектов социального управления во всех сферах общественной жизни. Это то, что Э. Балибар называет конструированием фиктивной этничности: «Произвести народ означает сформировать – как институт и как психологический образ – современного *homo nationalis*, т. е. форму индивидуальной идентичности, в которой «последней» общностью будет государство, а не родственная группа, класс или конфессия»²¹².

Идеологический контроль направлен на мобилизацию общества для поддержки деятельности субъектов социального контроля, а также на целенаправленное внедрение идеологических установок в массовом сознании. С одной стороны, идеологический контроль подразумевает отождествление социальных институтов и общества (субъектов и объектов социального контроля), с другой стороны, он призван обеспечить замещение индивидуальных интересов объектов социального контроля интересами его субъектов.

В качестве агентов идеологического контроля выступают специализированные социальные формирования (СМИ²¹³, просветительские об-

²¹¹ Лебон Г. Указ. соч. – С. 176.

²¹² Balibar E. *Les frontières de la démocratie*. – P. 157.

²¹³ См.: Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – М.: Вильямс, 2004. – С. 148.

щества, псевдообщественные движения и организации и др.). Источником идеологического контроля является социальная элита общества, предлагающая обществу мифологизированную модель, идеалистически оправдывающую социальные отношения и связанное с ними неравенство. «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями, – писал К. Маркс, – это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в тоже время и его господствующая духовная сила»²¹⁴.

О роли средств массовой информации в осуществлении социального контроля писали многие авторы. Так, Э. Тоффлер утверждает, что «государство изобрело новые формы контроля над умственной деятельностью, когда индустриальная революция привела к созданию СМИ, и оно станет искать новые средства и методики, которые помогут бы ему сохранить хотя бы некоторый контроль над образами, идеями, символами и идеологиями, доходящими до простых людей через новую электронную инфраструктуру»²¹⁵.

Такая ситуация может быть объяснима тем, что, как считает А. Цуладзе, «СМИ не в состоянии трансформировать саму реальность, но им вполне по силам изменить представление о ней»²¹⁶. И здесь вполне уместен вопрос, который задан Г. Маркузе: «Можно ли реально провести черту между средствами массовой информации как инструментами информации и развлечения и как агентами манипулирования и воздействия на сознание?»²¹⁷. Ответ очевиден – нет.

Направленность идеологического контроля определяется спецификой текущих проблем социального управления, традициями общественного мировосприятия и особенностями того арсенала средств идеологического воздействия, который находится в распоряжении субъ-

²¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е издание. Т. 3. – М.: Политиздат, 1955. – С. 45.

²¹⁵ Тоффлер Э. Указ. соч. – С. 448.

²¹⁶ Цуладзе А. Указ. соч. – С. 225.

²¹⁷ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. – С. 272.

ектов социального контроля. Общество как основной объект идеологического контроля контролируется посредством внедрения в общественное сознание идеологических установок, ориентирующих его на достижение социальных целей.

В сфере идеологического контроля обычно используется один агент социального контроля (например, КПСС, комсомол, профсоюзы и т. д.), но иногда применяется более сложная схема:

- 1) субъект социального контроля – как генератор социального заказа;
- 2) экономический институт – как организатор идеологического контроля (телекомпания, редакция газеты, киностудия и т. д.);
- 3) индивидуальные агенты социального контроля – творческие личности, удовлетворяющие потребность в индивидуальной самореализации посредством выполнения социального заказа, формально выполняющие роль субъекта социального контроля.

Индивидуальные агенты идеологического контроля (ведущие телепрограмм, артисты, обозреватели и т. д.) находятся в полной зависимости от экономических субъектов, обеспечивающих их деятельность. Социальный статус таких агентов определяется их индивидуальными качествами и имеет значение только в процессе выполнения ими своих функциональных обязанностей. Их функция заключается в осуществлении социального контроля над общественным сознанием посредством создания иллюзии отождествления себя с обществом (объектом социального контроля).

Подводя итог, следует отметить, что социальный контроль как процесс, обусловленный спецификой социального управления носит вполне предсказуемый объективный характер. Его виды и направленность обусловлены спецификой задач, стоящих перед субъектами социального контроля. И эти задачи, являющиеся неотъемлемым признаком социальных отношений, могут и должны служить объектом социально-философского исследования.

§ 3. Методы социального контроля

Процесс осуществления социального контроля неминуемо сопровождается проблемами, которые обусловлены обособленностью участников социальных отношений и наличием у них собственных потребностей. Естественное стремление к удовлетворению индивидуальных потребностей порождает практически неизбежный конфликт интересов субъектов и объектов социального управления. Пути разрешения возникающих конфликтов лежат в сфере либо согласования интересов, либо подавления одних интересов другими, либо их игнорирования²¹⁸.

«Любое общество существует и развивается, – пишет А.М. Яковлев, – воспроизводя ... господствующие в нем социально обусловленные стандарты поведения, соответствующие требованиям права и господствующей морали, обеспечивая их выполнение разнообразными санкциями (морального, правового и другого характера). Цель такого контроля – свести к минимуму отклонения от господствующих норм»²¹⁹.

Однако субъекты социального контроля изначально находятся в более выгодном положении относительно соответствующих им объектов, поскольку обладают несопоставимо большими ресурсными, организационными и информационными возможностями. В свою очередь, объекты социальных отношений отделены от ресурсов, дезорганизованы и информационно зависимы. Поэтому, говоря о балансе интересов участников социальных отношений, невозможно говорить об их равнозначности²²⁰.

Исходя из принципа неравнозначности противоположно направленных интересов участников социальных отношений, можно говорить

²¹⁸ Бернацкий В.О. Указ. соч. – С. 77.

²¹⁹ Яковлев А.М. Социальный контроль в изменяющемся мире (нормативно-психологический аспект) / В сб.: Социология и проблемы социального развития. – М.: Наука, 1978. – С. 371.

²²⁰ Такая неравнозначность является следствием социального неравенства, характерного для всех видов социальных отношений.

лишь об их динамическом равновесии с учетом результатов осуществления социального контроля над объектом социального управления. Такое равновесие подразумевает наличие некоего средневзвешенного показателя, соответствующего состоянию стабильности социальных отношений (см. рис.2).

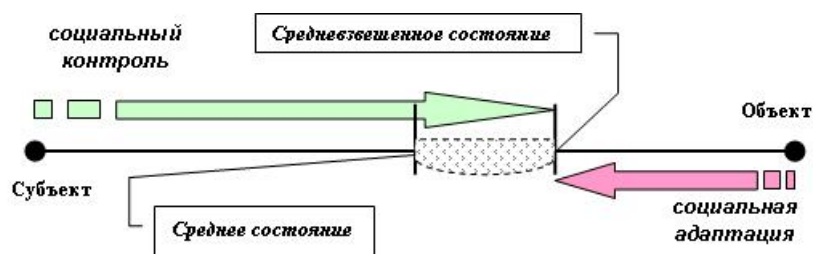

Рис. 2. Реализация интересов участников социальных отношений в процессе социального управления

Отклонение показателя средневзвешенного состояния от показателя среднего состояния характеризует эффективность контролирующего воздействия субъекта социального управления. Причиной такого отклонения является снижение конкурентоспособности субъекта социального контроля при реализации своих интересов в результате осуществления социального контроля. Динамическое равновесие социальных отношений, характеризуемое средневзвешенным показателем, представляет собой такое соотношение сил их участников, которое соответствует потенциалу взаимодействия в рамках этих отношений.

Проблемы социального контроля возникают при смещении средневзвешенного показателя в ту или иную сторону за счет преобладания активности одного из участников социальных отношений, приводящего к нарушению сложившегося баланса социальных интересов. Если соотношение сил при реализации социальных интересов меняется в пользу субъекта социального контроля, это влечет за собой ухудшение положения объекта социального контроля и рост его социального недовольства. Если соотношение сил меняется в пользу объекта социального

контроля, это влечет за собой ухудшение положения субъекта социального контроля и сокращение его социальных преимуществ.

Нарушение баланса интересов, достигнутого в результате осуществления социального контроля над объектом этого контроля, ведет к изменению социальных возможностей и потребностей участников социальных отношений. Проблемы субъектов, возникающие в ходе нарушения баланса интересов, решаются через усиление социального контроля, либо путем усложнения социального контроля. В любом случае решение этих проблем лежит в русле стремления субъектов социального контроля к сохранению статус-кво.

Для разрешения возникающих проблем субъектом социального контроля используются различные методы социального контроля, которые представляют собой способы социального управления и регулирования для достижения поставленных целей. Их содержание обусловлено спецификой решаемых задач. Все методы социального контроля подразумевают вмешательство извне в деятельность объекта социального контроля с целью его коррекции в нужном направлении.

Существует прямая зависимость между видами социального контроля и сущностью применяемых методов. Объясняется эта зависимость использованием субъектами социального контроля наиболее доступных возможностей в процессе социального управления, что ведет к унификации применяемых методов. В результате прослеживается закономерная взаимосвязь между видами, формами и методами социального контроля.

В основе ресурсного контроля лежит использование ресурсных возможностей и потребностей участников социальных отношений в качестве инструмента социального контроля. Методы ресурсного контроля можно классифицировать по двум основаниям удовлетворения базовых потребностей объектов социального контроля:

- 1) собственно ресурсы, используемые напрямую (предоставление или изъятие ресурсов), а также как симбиоз нескольких методов соци-

ального контроля (например, предоставление или отчуждение прав пользования, владения или распоряжения ресурсами);

2) денежные средства, используемые как всеобщий эквивалент при экономическом контроле (предоставление или изъятие денежных средств), а также в результате симбиоза нескольких методов социального контроля (например, предоставление или отчуждение прав пользования, владения или распоряжения денежными средствами)²²¹.

Методы ресурсного контроля в равной мере эффективны по отношению ко всем видам объектов социального контроля. Так, к обществу применимы методы изъятия и присвоения субъектами социального контроля общественных ресурсов с последующим перераспределением части изъятых в виде социальных выплат.

Изъятие общественных ресурсов позволяет снизить ресурсную самостоятельность общества и повысить уровень социального контроля. Присвоение общественных ресурсов создает ресурсное основание деятельности социальных институтов и служит удовлетворению социальных потребностей институциональных элит. Перераспределение общественных ресурсов осуществляется для удовлетворения минимальных потребностей общества и обеспечения его зависимости от субъектов социального контроля.

Основными методами контроля над административным аппаратом являются регулирование размера оплаты труда, предоставление специальных льгот, премий и социального обеспечения в старости.

Социальная практика свидетельствует, что деятельность административного аппарата социальных институтов государственного и муниципального уровней управления оплачивается гораздо выше, чем деятельность сотрудников иных функциональных подразделений (учителей, врачей, милиционеров и т. д.)²²². Аналогичная ситуация наблюдается и

²²¹ Подробнее см.: Воронин Ю.М. Государственный финансовый контроль: вопросы теории и практики. – М.: Финансовый контроль, 2005. – С. 25-26.

²²² См.: Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – С. 267-352.

на уровне корпоративного управления, где управленческий персонал крупнейших компаний получает заработную плату несопоставимую с заработной платой рядовых работников. Члену административного аппарата «платят колоссальное жалование потому, что занимаемый им пост дает ему возможность причинить огромный ущерб крупным собственникам, – пишет Ф. Ландберг. – ... Крупный акционер, кроме всего прочего, хочет, чтобы руководство компании отождествляло себя с ним, свои интересы – с его интересами»²²³.

В отношении элитарных сообществ наиболее эффективны методы элитарной ассимиляции с таким включением в структуру социальных институтов, которое гарантирует членам элитарных сообществ достаточный уровень реализации их индивидуальных интересов.

Выделение обособленных ресурсных источников с возможностью социальной институционализации позволяет ликвидировать естественный конфликт социальных интересов и обеспечить то, что В. Парето называл «циркуляцией элит». Следствием этого является ситуация, когда члены социальных элит уровня государственного управления легко переходят в состав корпоративных элит и наоборот. «Это – сверхбизнес, – отмечает Ф. Ландберг, – где демаркационная линия между внутренним правительством и высшим бизнесом настолько стерлась, что стала неразличимой. Здесь речь идет не о заключении обыкновенных сделок, а о концессиях, протекторатах и сферах влияния»²²⁴.

Основные методы контроля в отношении социальных институтов – бюджетирование деятельности, казначейский контроль, четкое определение субъектом социального контроля круга ресурсных полномочий²²⁵.

Ресурсный контроль социальных институтов носит формальный характер и направлен на формирование граничных рамок деятельности

²²³ Ландберг Ф. Указ. соч. – С. 482.

²²⁴ Там же. – С. 616.

²²⁵ Подробнее см.: Мельничук И. Государственный финансовый контроль за государственными и муниципальными предприятиями. – М.: ЮРКНИГА, 2005. – С. 78-83.

социальных институтов. Вместе с тем, за деятельностью социальных институтов, независимо от того, к какой разновидности они принадлежат (государственное или муниципальное управление, корпоративные, глобальные и т. д.), всегда стоят интересы возглавляющих их социальных элит и административного аппарата.

Во всех случаях «управляющие имеют большую свободу действий, – пишет Дж.Ю. Стиглиц, – позволяющую им преследовать собственные интересы зачастую в ущерб общественным»²²⁶. Поэтому говорить об осуществлении ресурсного контроля социальными институтами можно лишь по отношению к той сфере, где эта деятельность не затрагивает интересы соответствующих социальных элит и административного аппарата высшего уровня социального управления.

В свою очередь, организационный контроль основывается на использовании организационных возможностей субъектов и агентов социального контроля. Методы организационного социального контроля можно классифицировать в зависимости от способа воздействия на объекты социального контроля:

1) прямая организация – осуществляемая путем четкой регламентации деятельности объекта социального контроля в определенной ситуации (например, при выполнении должностных обязанностей);

2) рамочная организация – осуществляемая путем нормативного установления граничных рамок деятельности объектов социального контроля в той или иной ситуации (например, при определении должностных полномочий).

В отличие от ресурсных отношений организационные отношения представляют собой более многоаспектное явление социальной реальности. Организационный контроль предполагает наличие нескольких сфер социального регулирования, представленных различными разновидностями социального контроля с присущими им специфическими методами.

²²⁶ Стиглиц Дж.Ю. Указ соч. – С. 193.

Первой разновидностью организационного социального контроля является управленческий контроль, в основе которого лежит использование имеющихся в распоряжении субъектов социального управления возможностей социального регулирования и контроля²²⁷. Методы управленческого контроля в равной мере эффективны по отношению к тем видам объектов социального контроля, на деятельность которых распространяются социальные полномочия субъектов социального контроля.

Методами нормативного регулирования процесса социальных отношений со стороны субъекта социального контроля осуществляется контроль над обществом.

Формализация взаимодействия с объектом управленческого контроля (обществом) обеспечивает обезличивание социального контроля, способствуя повышению общественной легитимности административного аппарата социальных институтов. Объект социального контроля имеет дело не с конкретным исполнителем, а с нормативным документом, регламентирующим их социальное взаимодействие. В результате нормативный акт приобретает в сознании объекта социального контроля субъективные признаки, отражающие параметры социальной среды.

Административный аппарат контролируется методами нормативного регулирования процесса выполнения функциональных обязанностей²²⁸.

Формализация процесса выполнения функциональных обязанностей призвана снизить до минимума самостоятельность административного аппарата и обеспечить максимальную унификацию его деятельности. Административный аппарат выступает в качестве обезличенного механизма, обеспечивающего выполнение соответствующих нормативных актов, регулирующих социальные отношения. Поэтому результатом

²²⁷ Мильнер Б.З. Организация программно-целевого управления. – М.: Наука, 1980. – С. 8-9.

²²⁸ См.: Захаров Н.Л. Социокультурные и профессиональные регуляторы поведения российского чиновника // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 113-121.

социального контроля над ним становится замещение индивидуального начала в поведении сотрудников управленческими функциями.

Интеграция в структуру институционализированных социальных элит с выделением сфер реализации элитарных интересов, подкрепленных организационными возможностями основные методы управленческого контроля над элитарными сообществами.

Методы управленческого контроля элитарных сообществ носят неформальный характер, поскольку сами эти сообщества представляют собой этнические или этно-социальные формирования. Их деятельность осуществляется вне сферы формализованного социального контроля, на элитарном уровне межличностной организации. Однако они способны институционализироваться в форме социальных институтов и представляют потенциальную угрозу монопольному положению в обществе социальных элит. Поэтому в отношении элитарных сообществ применяется стратегия организационного включения в структуру социального управления.

Социальные институты регионального и муниципального управления контролируются методами нормативного закрепления организационной зависимости, ограничения управленческой самостоятельности и делегирования полномочий.

Социальный контроль над деятельностью институтов регионального и муниципального управления производится нормативными методами при их создании или реорганизации. Само существование этих институтов обусловлено формальной зависимостью от субъекта социального контроля, что делает применение нормативных методов особенно эффективным.

В основе методов управленческого контроля над экономическими институтами лежат методы экономического регулирования (концессии, аренда, налоги и т. д.), а также методы прямого управленческого воздействия (контрольные проверки, сертификация продукции, договорные от-

ношения и т. д.). Социальный контроль над деятельностью экономических институтов, преследующих собственные экономические интересы, производится методами, обеспечивающими реализацию интересов субъектов социального контроля. Поскольку экономические институты допускают максимальное отождествление институциональных интересов с интересами экономических элит, то социальный контроль осуществляется одновременно по двум направлениям: формально – контролируются экономические институты, неформально – экономические элиты.

Правовой контроль, как разновидность организационного социального контроля, основан на использовании общеобязательных норм социального права, обеспеченных механизмом социального принуждения²²⁹. Методы правового контроля эффективны для всех субъектов социального управления, за исключением социального контроля над элитарными сообществами, деятельность которых выходит за рамки правового регулирования.

Методы правового регулирования (нормативные акты) и методы социального принуждения (пенитенциарная система, суды и т. д.) осуществляется правовой контроль над обществом.

Формализация социальных отношений при правовом контроле над обществом достигает своего апогея. В роли самодостаточного субъекта социального контроля выступают нормативные документы (законы и подзаконные акты), реализация которых обеспечивается посредством деятельности агентов правового контроля (суды, прокуратура, МВД и т. д.). Реальный, постоянно действующий, субъект правового контроля в этих отношениях отсутствует.

Такой метод социального контроля позволяет обеспечить легитимность и незыблемость правовой системы независимо от социальных действий агентов социального контроля. В случае дискредитации в глазах общества агенты социального контроля утрачивают обществен-

²²⁹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996. – С. 82.

ную легитимность и социальный статус, а правовая система остается неизменной.

Административный аппарат контролируется методами внутреннего нормотворчества в рамках деятельности социальных институтов. Особенность правового контроля над административным аппаратом заключается в том, что объектом социального контроля выступают не конкретные члены общества, а носители конкретных функциональных обязанностей. Таким образом, формализуются не только субъекты, но и объекты социального контроля.

Социальные институты контролируются методами правового регулирования основ и направлений социальной деятельности.

Правовой контроль формализует принципы создания и условия функционирования социальных институтов, определяет их права и обязанности в качестве участников социальных отношений, а также устанавливает порядок осуществления социального контроля над их деятельностью. Правовой контроль над деятельностью социальных институтов обычно носит регламентирующий характер и не предусматривает применения к ним мер социального регулирования, поскольку это равносильно дискредитации системы социального управления в целом.

Характерной особенностью правового контроля является постепенное ослабление правового «давления» на объекты социального контроля по мере повышения их социальной роли и значимости. Максимальное воздействие испытывает на себе общество, как наименее организованный объект правового контроля. Минимальное воздействие испытывают социальные институты, включая их элиты и административный аппарат.

Политический контроль, как разновидность организационного социального контроля, формально основан на регламентации участия в политической деятельности, как объектов политического контроля, так и его субъектов. Вместе с тем, неформальный социальный контроль осу-

ществляется через создание (финансирование и организационную поддержку) марионеточных политических формирований (партий и движений). Применение методов политического контроля ограничено сферой политических отношений.

Методами, основанными на предложении социально востребованных программ политических партий, осуществляется политический контроль общества²³⁰.

Политическое предложение субъекта социального контроля должно соответствовать политическому спросу его объекта. Поэтому обществу предлагаются такие политические программы, которые позволяют обеспечить общественную поддержку существующих социальных отношений. «При всяких условиях, – писал Ф. Ницше, – нужно доставлять ей <толпе – Е.К.> то, что ей весьма приятно, или сначала вбить ей в голову, что то или иное было бы приятно, и затем дать ей это»²³¹.

По отношению к обществу политические партии выполняют роль агентов социального контроля, а их социальная деятельность носит декларативный характер. В результате обеспечивается социальное регулирование политической активности общества и нейтрализуется деятельность возможных конкурентов субъекта социального управления (правлящей элиты).

Элитарные сообщества контролируются методами предоставления возможности политической самореализации и включения в сложившуюся систему социального управления.

Политическая элита формируется путем рекрутирования в нее членов социальных и этнических элит, ориентированных на реализацию социальных интересов и обеспечение социальной стабильности. Претенденты, не соответствующие предъявляемым субъектом социального

²³⁰ См., напр.: Глазычев В. Социальное меню в программах российских партий. – М.: Европа, 2005; Максимов А.А. Война по правилам и без... Технология изготовления предвыборных миражей. – М.: Дело, 2003.

²³¹ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое / Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1997. – С. 439.

контроля (правлящей элитой) требованиям, не допускаются к участию в политической жизни. В результате политическая деятельность элитарных сообществ детерминируется условиями политического контроля.

Особенностью политического контроля является его ориентированность не на достижение декларируемых целей политических агентов социального контроля (партий и движений), а на обеспечение социальной стабильности или на мобилизацию общественных настроений²³². В любом случае общество и общественные формирования выступают в качестве неорганизованной среды, на которую направлено организующее воздействие субъекта (агента) политического контроля.

Как разновидность организационного социального контроля выполнение социальных функций основано на обеспечении легитимности социального контроля через удовлетворение минимальных стандартов жизнедеятельности общества. Методы, присущие этому виду социального контроля, применимы как по отношению к обществу, так и по отношению к социализированным общностям (например, к административному аппарату или к льготным категориям граждан).

Основные методы контроля над обществом в основе своей содержат регламентацию порядка присвоения социального статуса субъектом социального контроля.

Контролирующее воздействие на общество при выполнении социальных функций осуществляется через формализацию льгот и привилегий, предоставляемых носителям соответствующего социального статуса (инвалид, пенсионер, ветеран труда и др.). Помимо социального обеспечения, такой подход обеспечивает социальную зависимость объектов социального контроля, а также их заинтересованность в сохранении социального статуса и гарантирующих его социальных отношений.

²³² Щеглов И.А. Политическая социализация личности и современный исторический процесс // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 4. – С. 287-290.

Административный аппарат контролируется методами предоставления дополнительных льгот и привилегий, а также упрощенным порядком присвоения привилегированного социального статуса.

Предоставление дополнительных льгот и привилегий сотрудникам административного аппарата социальных институтов обусловлено выполнением ими функций агента социального контроля. Таким методом повышается привлекательность административной деятельности и снимается статусное противоречие между агентом и объектом социального контроля²³³.

Следует отметить, что важнейшим фактором любой разновидности организационного контроля является его общественная легитимность. Объект социального контроля должен воспринимать социальные отношения как единственно возможные, естественные отношения в обществе. Как писал Ф.А. Хайек: «естественный порядок в высшей степени полезен, часто совершенно необходим для достижения социальных целей»²³⁴. Поэтому говорить об организационном социальном контроле можно лишь тогда, когда объекты социального контроля не имеют и не видят более привлекательных альтернативных способов социального поведения.

В основе информационного контроля лежит использование информационных возможностей субъектов и агентов социального контроля. Методы информационного контроля можно классифицировать в зависимости от его направленности:

1) определяющие социальное поведение – предполагают формирование у объектов социального контроля (членов общества) личностных и профессиональных навыков, позволяющих им выполнять соответствующие социальные роли в рамках социальных отношений;

²³³ Казанник А.И. Мотивация управленческого труда в государственных и муниципальных учреждениях России // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. – 2001. – № 6. – С. 98.

²³⁴ Хайек Ф.А. Познание, конкуренция и свобода (Антология). – СПб.: Пневма, 1999. – С. 32.

2) определяющие индивидуальное сознание – предполагают формирование у объектов социального контроля (членов общества) мировоззренческих позиций, обеспечивающих общественную легитимность социальных отношений.

В отличие от организационного контроля информационный вид социального контроля призван воздействовать не столько на внешние проявления поведения объектов социального контроля, сколько на внутренние психологические мотивы, определяющие это поведение. При этом критерием для оценки эффективности информационного контроля служит сознательное поведение его объектов. Методы информационного контроля варьируются в зависимости от его разновидностей.

Религиозный контроль, как разновидность информационного социального контроля, основан на использовании религиозных догматов и верований для формирования желаемых моделей поведения объектов социального контроля. Поскольку, как утверждал Б. Рассел, «основу религии составляет чувство зависимости человека»²³⁵, то и методы религиозного контроля особенно эффективны в обществах, в которых сильны религиозные традиции.

Методами освящения сложившихся социальных отношений и формирования образа богоизбранной (богоугодной) социальной элиты контролируется общество.

Поддержка религиозными институтами деятельности субъектов социального контроля призвана вывести их легитимность в глазах объекта социального контроля (общества) с уровня осознанного принятия на уровень метафизической веры. Религиозный контроль подразумевает использование религиозных традиций для укрепления социальных отношений и усиления общественного авторитета социальных элит. В

²³⁵ Рассел Б. Сущность религии (1845) // Электронная библиотека – Философия и атеизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://books.atheism.ru/philosophy/#r>

результате религиозный контроль переходит из сферы этнического контроля в сферу контроля социального.

Элитарные (этнические) сообщества контролируются методами, подразумевающими наряду с приобретением социальной легитимности приобретение религиозной легитимности.

Религиозный контроль предоставляет субъекту социального контроля дополнительную возможность неформального влияния на поведение социально опасных элитарных сообществ. Наличие или отсутствие религиозной поддержки оказывает существенное влияние на восприятие обществом претендующей на власть элиты в роли потенциального или реального субъекта социального контроля. В результате религиозные институты принимают на себя социальную роль неформального субъекта (агента) социального контроля элитарных сообществ.

Контроль над религиозными институтами осуществляется методами организационного и ресурсного контроля с целью использования их в роли агентов социального контроля.

Субъекты социального контроля осуществляют организационную и ресурсную поддержку религиозных институтов (а также религиозных элит), способствующих повышению легитимности социальных отношений. Они рассматривают религиозные институты в роли агентов социального контроля и в этом качестве предоставляют им максимум социальных возможностей и полномочий для институционального развития²³⁶. В результате религиозные институты, обладающие социальной поддержкой субъектов социального контроля, обладают и несопоставимо большим потенциалом для развития своей деятельности, нежели прочие религиозные институты.

Социокультурный контроль, как разновидность информационного социального контроля, основан на использовании общественных тради-

²³⁶ См., напр.: Абазов Р.Ф. Исламское возрождение в центрально-азиатских новых независимых государствах // Политические исследования. – 1995. – № 3. – С. 65-66.

ций и материальных ценностей для отождествления социальных и этнических отношений. Методы социокультурного контроля особенно эффективны по отношению к обществам с прочными этнокультурными традициями.

Общество контролируется методами внедрения социальных ценностей в сферу культурной деятельности. Социальный контроль над обществом посредством культуры призван обеспечить принятие им социальных отношений на уровне культурных традиций и обычаев. Он подразумевает формирование институционализированной инфраструктуры, осуществляющей информационное воздействие средствами культуры. В результате социальные ценности и модели поведения отождествляются объектами социального контроля с культурными традициями, приобретая признаки этнических ценностей и моделей поведения.

Методами формирования внутриинституциональной (корпоративной) культуры контролируется административный аппарат.

Социокультурный контроль административного аппарата подразумевает наполнение естественно возникающих в нем этнических отношений социальным содержанием. В качестве прообразов формирования корпоративной культуры используются семейные и общинные отношения. В результате происходит опосредованное социокультурным воздействием принятие сотрудниками административного аппарата социальных ценностей, сопровождающееся отождествлением своей деятельности с деятельностью социального института.

В основе методов социокультурного контроля элитарных сообществ лежат методы институционализации и делегирования социальных полномочий по выполнению функций агента социального контроля.

Социокультурный контроль предоставляет объекту социального контроля большой выбор возможностей для самореализации в качестве агентов социального контроля, подкрепленных ресурсным и организационным потенциалом субъектов социального контроля. Эти возможности не имеют

аналогов вне социальных отношений и позволяют культурным элитам институционализироваться в рамках функциональной деятельности. В результате социокультурные институты попадают в жесткую зависимость от субъектов социального контроля, организующих и направляющих их деятельность по отношению к объектам социального контроля.

Образовательный контроль, как разновидность информационного социального контроля, основан на унификации образовательных стандартов с обязательным включением в них социального компонента. Поскольку «система образования в первую очередь формирует сознание людей»²³⁷, постольку методы образовательного контроля наиболее эффективны по отношению к объектам социального контроля, мировоззренческая и социальная позиции которых находятся в стадии становления.

Этот вид информационного контроля призван сочетать в себе две трудно сочетаемые составляющие: привитие реальных навыков профессиональной деятельности и иллюзорных представлений о сущности социального контроля. «Контролю должны подлежать не мнения людей, – отмечал А.Н. Уайтхед, – а характер их обучения и уровень их способностей. ... единство этой деятельности требует объективной информации о месте, занимаемом в этой деятельности индивидуумами, и о том, какого рода свобода действий может быть им позволена без опасений»²³⁸.

В основе образовательного контроля общества лежат методы обучения навыкам социальной деятельности и воспитания лояльности к субъекту социального контроля и олицетворяемым им социальным ценностям.

Образовательный контроль над обществом предусматривает дополнение навыков профессиональной деятельности навыками участия в социальных отношениях, а воспитания личности – воспитанием социальной лояльности²³⁹. Он подразумевает социальный контроль и регулиро-

²³⁷ Макаревич Э., Карпухин О. Игры интеллигентов, или Социальный контроль масс. – С. 83.

²³⁸ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – С. 454.

²³⁹ См., напр.: Бреева Е.Б. Дезадаптация детей и национальная безопасность России. – М.: Дашков и К, 2004. – С. 87-89.

вание образовательной деятельности с целью ее совмещения с процессом информационного воздействия на объект социального контроля. Как отмечал А. Грамши, «в начальных школах в основу воспитания и образования детей были положены два элемента: первоначальные сведения из области естественных наук и первые понятия о правах и обязанностях гражданина»²⁴⁰. В результате происходит объединение образовательного и контролирующего воздействия на формирование мировоззренческих и социальных позиций объекта социального контроля.

Административный аппарат контролируется методами специального обучения навыкам административной деятельности и воспитания корпоративных стереотипов сознания.

Образовательный контроль административного аппарата предусматривает получение его сотрудниками высшего звена специального образования, ориентированного на выполнение социальных функций²⁴¹. Для формирования потребности сотрудников административного аппарата в получении специального образования, оно увязывается с социальным статусом и служебным ростом объектов социального контроля²⁴². В результате создается еще одна узкоспециализированная ветвь образовательного контроля.

Контроль элитарных сообществ осуществляется методами социального признания индивидуального статуса образовательных элит и делегирования им социальных полномочий в сфере образовательного контроля.

Формально образовательные элиты формируются в научной среде, олицетворяя собой деятельность, связанную с социальными и гуманитарными науками (философия, педагогика, история и т. д.). Фактически эти элиты выполняют роль самостоятельных агентов социального

²⁴⁰ Грамши А. Указ. соч. – С. 442.

²⁴¹ Подробнее см.: Третьяков П.И., Митин С.Н., Бояринцева Н. Адаптивное управление педагогическими системами. – М.: Академия, 2003. – С. 40.

²⁴² См., напр.: Аттестация образовательных учреждений, педагогических и руководящих работников. – М.: Сфера, 2004; Федорова Л.А. Вопросы инспектирования в системе образования. – М.: АРКТИ, 2004.

контроля, занимающихся научным обоснованием и пропагандой социальных отношений. Образовательная деятельность агентов социального контроля обеспечивается соответствующим социальным статусом, институциональными возможностями и материальными ресурсами со стороны субъектов социального контроля.

Идеологический контроль, как разновидность информационного социального контроля, основан на внедрении в общественное сознание взглядов и идей, выражающих интересы субъекта социального контроля²⁴³. Методы идеологического контроля особенно эффективны в случаях, когда вышеперечисленные методы информационного контроля не работают (в период становления социальных отношений).

Контроль общества осуществляется методами, основанными на мифологизации социальной реальности и формировании иллюзорного мировосприятия.

Широкое распространение информационных технологий (в первую очередь – средств массовой информации) позволяет максимально расширить сферу применения методов идеологического контроля. Совокупность этих методов служит основой т. н. «социальных технологий» социального регулирования. Идеологический контроль над обществом заключается в замещении сознательного восприятия социальной действительности мифологизированными моделями социальных отношений.

Элитарные сообщества контролируются методами институционализации и делегирования социальных полномочий по выполнению функций агента социального контроля. Это обусловлено, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана тем, что «чем более поведение институционали-

²⁴³ Термин «идеология», введенный в начале XIX века французским философом А. Дестютом де Траси, изначально обозначал ложное сознание, иллюзорное социальное мышление.

зировано, тем более предсказуемым, а значит, и контролируемым оно становится»²⁴⁴.

Идеологический контроль осуществляется посредством предоставления соответствующим элитам возможности самореализации в процессе профессиональной деятельности. При этом социальная инфраструктура, обеспечивающая ресурсное и организационное наполнение их деятельности, находится под социальным контролем субъектов социального контроля.

Социальный статус и возможности агентов социального контроля определяются в зависимости от эффективности их социальной деятельности в качестве проводника идеологического контроля. В результате институционализированные агенты идеологического контроля являются исполнителями социального заказа, инициированного субъектом социального контроля²⁴⁵.

Следует отметить, что важнейшим фактором любой разновидности информационного контроля является его востребованность обществом. «Лишь только какой-нибудь новый догмат утвердился в душе толпы <общества – Е.К.>, – пишет Г. Лебон, – он немедленно становится вдохновителем всех ее учреждений, ее искусства и ее поведения. ... Люди долго только и мечтают об его применении в жизни, философы же, артисты и литераторы занимаются его разъяснением, воспроизводя его в различных формах»²⁴⁶.

В целом развитие социального управления представляет собой непрерывное совершенствование методов социального контроля, позволяющих социальному меньшинству (элите) аккумулировать усилия общественного большинства (объектов социального контроля). Представляется возможным говорить о наличии конкурентного развития ме-

²⁴⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – С. 104-105.

²⁴⁵ Подробнее, см.: Назайкин А.Н. Как манипулировать журналистами. – М.: Дело, 2004. – С. 9-28.

²⁴⁶ Лебон Г. Указ. соч. – С. 212.

тодов социального контроля в процессе взаимодействия и взаимного проникновения социальных элит.

Подводя итог, следует отметить, что субъекты социального управления, использующие более эффективные методы и формы социального воздействия, исторически добиваются более значительных результатов. Объекты же социального управления, наоборот, стремятся к сокращению зависимости от субъектов социального управления в реализации своих индивидуальных интересов и к выработке своеобразного «иммунитета» к методам социального контроля.

§ 4. Формы и развитие социального контроля

Ранее уже говорилось о том, что социальный контроль как элемент социального управления представляет собой управляющее воздействие на общество, осуществляемое в рамках социальных отношений. Цель такого воздействия заключается в замене естественных (внутренних и внешних) стимулов человеческого поведения искусственными (социально обусловленными) стимулами в интересах субъекта социального контроля. Применение метода исторического анализа к исследованию проблемы социального контроля позволяет выделить две основные его формы – интенсивный и экстенсивный социальный контроль.

Экстенсивный социальный контроль – это простейшая форма социального контроля. Его характерной особенностью является то, что он осуществляется принудительно и основывается на тотальном подчинении субъекту социального управления. Эта форма социального контроля называется экстенсивной, поскольку в основе ее развития лежит процесс отчуждения прав личности субъектом социального контроля,

вплоть до его логического завершения – полного подчинения субъекту социального контроля.

Лучшим примером торжества экстенсивной формы социального контроля является рабовладельческий тип социального управления. Истоки его следует искать на историческом этапе перехода от этнического к социальному управлению. Методы социального управления обладали большей эффективностью в сравнении с методами этнического управления, но технологии социального управления еще не были достаточно развиты. Поэтому более конкурентоспособными оказывались те социальные системы (государства), которые дальше других продвинулись на ниве социального контроля над обществом.

Недостатком экстенсивной формы социального контроля является ее направленность на стагнацию в развитии социального управления. Общество, как объект социального контроля, будучи лишенным большинства неотъемлемых прав личности, утрачивает стимулы и интерес к участию в социальных отношениях. Государство, как субъект социального контроля, утрачивает необходимость в совершенствовании социальных отношений, останавливаясь (иногда на тысячелетия) в своем развитии²⁴⁷.

Достоинством экстенсивной формы социального контроля является ее поразительная жизнеспособность в течение всего пути развития человеческой цивилизации. Достаточно сказать, что методы экстенсивной формы социального контроля, основанные на максимальном отчуждении прав личности в рамках социальных отношений, благополучно дожили до наших дней:

1) в Новой истории ведущие мировые державы (например, Великобритания и позднее США) широко применяли работорговлю;

2) в Новейшей истории отдельные субъекты социального контроля решали и решают свои проблемы социального управления путем при-

²⁴⁷ См., напр.: Макашов И.Н., Овчинникова Н.В. Управление в древних цивилизациях. – М.: Компания Спутник +, 2004. – С. 52.

менения экстенсивной формы социального контроля общества (ЮАР, СССР 1920-1953 гг., КНР, полпотовская Камбоджа, Северная Корея).

Мало того, методы экстенсивной формы социального контроля широко используются во всех без исключения современных государствах. Эти методы лежат сегодня в основе таких общераспространенных механизмов социального управления как, например, обязательная воинская повинность или функционирование пенитенциарной системы.

Социальные системы, основанные на применении методов экстенсивного социального контроля, вопреки устоявшемуся мнению, всегда были чрезвычайно стабильными. Так, например, за три тысячи лет письменной истории Древнего Египта в нем ни разу не произошло ничего похожего на социальную революцию²⁴⁸. В Северной Корее и других современных тоталитарных государствах также не наблюдается ничего подобного. Изменения, вызывавшие падение тоталитарных режимов инициировались извне или оказывались результатом ослабления государственного механизма социального контроля.

Общество, как объект экстенсивной формы социального контроля, пассивно адаптировалось к контролирующему воздействию и довольствовалось тем, что субъект социального управления принимал на себя заботу о его жизнеобеспечении. Социальная активность наблюдалась только тогда, когда появлялась более привлекательная альтернатива социальным отношениям, либо когда субъект социального контроля оказывался неспособным обеспечить тотальную подчиняемость общества. С.Н. Паркинсон назвал описанную закономерность социального развития «законом вакуума»²⁴⁹.

Вместе с тем, помимо экстенсивной формы социального контроля, направленной на максимальное подавление индивидуальной самостоятельности, существует еще одна форма социального контроля – интен-

²⁴⁸ Frankfort H. Ancient Egyptian Religion. – New York, 1948. – P. 31.

²⁴⁹ Паркинсон С.Н. Указ. соч. – С. 313-319.

сивная. Эта форма подразумевает не тотальное подавление объекта социального контроля (общества), а его контролируемое развитие. Общество получило право и возможность самостоятельного развития в тех сферах, где это развитие не входит в противоречие с интересами субъекта социального контроля (государства).

Интенсивная форма социального контроля возникла тогда, когда экстенсивная форма стала доминирующей формой социального контроля над обществом и перестала быть фактором конкурентоспособности на межгосударственном уровне. Социальное управление, основанное на бесправии большей части общества, уже не могло служить достаточным стимулом для заинтересованности в нем общества.

Единственной альтернативой таким отношениям могли выступать только этнические отношения. Эти отношения были гораздо ближе и понятнее обществу, чем рабовладельческие отношения. Поэтому социальным идеалом на стадии упадка величайших социальных систем древности являлся возврат к этническим отношениям.

На месте некоторых из этих систем методы социального управления на время уступили место методам этнического управления (например, Древний Египет после исламизации). Некоторые сумели преобразовать методы социального управления в этнические традиции, трансформировавшись уже в наше время в тоталитарные государства (например, Китай). Однако на развалинах наиболее развитой в социальном отношении империи древности (Древнего Рима) возник новый тип социального управления – феодальный.

Феодальный тип социального управления подразумевает использование субъектами управления примитивных форм интенсивного социального контроля. У бесправной прежде части общества появляются элементарные права и незначительная доля социальной самостоятельности. Это обстоятельство было призвано сблизить социальные и этнические отношения в сознании общества, создав тем самым индивиду-

альные стимулы для осознанной заинтересованности общества в социальном управлении. Заинтересованность обеспечивалась через отождествление социальных и этнических ценностей.

Впервые в истории социального управления социальный контроль перешел с уровня социального принуждения на уровень социального убеждения. Однако появление всеобщих прав стимулировало всеобщий рост индивидуальных потребностей и привело к формированию всеобщих социальных интересов. Эти интересы составили противоположный вектор действия по отношению к интересам субъекта социального контроля и проявлялись только в процессе социального управления.

Появление отдельных сфер социального управления, в которых государство сократило свое присутствие, вызвало рост общественного самосознания и социальных требований. Н. Макиавелли писал: «Ибо нет города, где не обособились бы два этих начала: знать желает подчинять и угнетать народ, народ не желает находиться в подчинении и угнетении»²⁵⁰. Субъект социального контроля вынужден был уже не просто декларировать заботу об обществе, но и демонстрировать ее обществу.

В результате социальное управление стало строиться не на подавлении прав подконтрольной части общества, а на обеспечении баланса интересов участников социальных отношений с сохранением привилегированного положения субъекта социального контроля. С этого момента социальный контроль изменил направление с полного подавления социальной активности общества на его дезориентацию. Отсюда же начинается переход от социальной пассивности общества к его участию в социальном управлении (обратная связь) через прогрессирующий рост социальной адаптации. Эволюция социального управления от феодальных к экономическим формам закрепления социальных преимуществ элиты является лишним подтверждением описанной закономерности.

²⁵⁰ Макиавелли Н. Указ. соч. – С. 74.

Интенсивная форма социального контроля подразумевает стимулирование общественной самоорганизации в тех сферах, которые не представляют интереса (в первую очередь, ресурсного) для олицетворяющей субъект социального контроля социальной элиты. В наше время, когда развитие интенсивной формы социального контроля достигло своей высшей точки, эта его специфика проявляется особенно рельефно. Так, например, современное государство уходит от решения проблем местного значения, передавая их в компетенцию органов местного самоуправления. Аналогичным образом обстоит дело с малым и средним предпринимательством, а также рядом иных малоперспективных сфер социальных отношений.

В современном мире субъекты социального управления уже не претендуют на тотальный контроль над обществом. Посредством методов организационного контроля они монополизируют право владения наиболее выгодными ресурсными источниками, а также жизненно важными сферами социального управления. В этих сферах и осуществляется целенаправленный социальный контроль над обществом.

Для скрытого от общества извлечения ресурсов и их легализации в глазах общества используется особая разновидность социальных институтов – корпоративные институты.

Первые корпоративные институты появились в XVI веке в Англии, когда британское правительство стало предоставлять концессии представителям социальных элит на право монопольного осуществления какого-либо вида особенно прибыльной экономической деятельности. Таким образом, изначально происхождение корпораций было связано не с развитием предпринимательской деятельности, а с «предоставлением монополии на определенный вид услуг, некий участок земли или с какой-то другой особой привилегией»²⁵¹.

²⁵¹ Лоуи Т. Глобализация, государство, демократия: образ новой политической науки // Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 116.

Субъекты социального управления используют корпоративные институты в качестве механизма легализации доходов социальных элит. Ф. Ландберг пишет: «Важнейшим и почти единственным современным способом нажить состояние является использование современной корпорации с учетом технических достижений, причем ... большую помощь в этом отношении оказывают огромные государственные контракты»²⁵².

Корпоративные институты отличаются от других видов социальных институтов тем, что их деятельность не ограничивается выполнением функций агента социального контроля в отношениях с главным субъектом социального контроля (государством). Данное обстоятельство объясняется интересами государственной элиты, которая с их помощью удовлетворяет свои социальные потребности²⁵³. Центр тяжести социального управления перемещается из сферы государственного управления (ответственного перед всем обществом) в сферу корпоративного управления (ответственного лишь перед своими владельцами)²⁵⁴.

Такое будущее корпораций предвидел еще Э. Дюркгейм. Он считал, что «корпорация призвана стать основой или одной из основ нашей политической организации. В самом деле, ... хотя вначале она была внешней по отношению к социальной системе, она стремится все более внедриться в нее по мере развития экономической жизни. Поэтому можно предвидеть, что, если развитие будет продолжаться в том же направлении, она должна будет занять в обществе центральное, господствующее место»²⁵⁵.

Вместе с тем, несмотря на внешние различия, корпоративные институты являются разновидностью социальных институтов, а их социальная деятельность в рамках социального управления – разновидно-

²⁵² Ландберг Ф. Указ. соч. – С. 301.

²⁵³ Перегудов С.П. Транснациональная корпорация на пути к корпоративному гражданству. – С. 95.

²⁵⁴ См., напр.: Кукура С.П. Теория корпоративного управления. – М.: Экономика, 2004. – С. 120-121.

²⁵⁵ Дюркгейм Э. Указ. соч. – С. 33.

стью социального контроля. Эту разновидность интенсивной формы социального контроля можно обозначить как корпоративный контроль, под которым понимается управляющее воздействие, осуществляемое корпоративным субъектом социального управления в рамках сферы своего социального влияния.

Поскольку корпорации обладают максимальной самостоятельностью как субъект социального управления, то и корпоративный контроль преследует интересы корпоративной элиты, обусловленные ее насущными потребностями. Можно выделить два направления корпоративного контроля по критерию его объекта:

1. Корпоративный контроль над потребителями направлен на формирование потребительского спроса (в конкурентной среде) или на формирование положительного образа в глазах потребителей (в монополизированной среде). У корпораций имеются огромные ресурсно-организационные возможности и для того, и для другого.

2. Корпоративный контроль над сотрудниками направлен на формирование у них корпоративного сознания, основанного на приоритетности корпоративных интересов над личными интересами²⁵⁶. Наибольших успехов в этом достигли наиболее развитые корпорации. Так, профессор университета в г. Цукуба (Япония) С. Такаянаги прямо указывает: «Сильное отождествление служащих с корпорацией создает крепкую мораль и ведет к высокой эффективности. Японская система управления стремится усиливать это отождествление, доводя его даже до жертвенности интересам фирмы»²⁵⁷.

В результате развития корпоративного контроля произошел качественный переход к новой модели социального управления. Эта модель позволила существенно сблизить участников социальных отношений и создать у объекта социального контроля иллюзию «равных возможностей».

²⁵⁶ Пригожин А.И. Цели организаций: стереотипы и проблемы. – С. 15.

²⁵⁷ Такаянаги С. Японская система управления трудовыми ресурсами / В сб.: Как работают японские предприятия. – М.: Экономика, 1989. – С. 97.

В историческом масштабе произошла очередная трансформация социального управления. Субъекты социального контроля под давлением самоорганизующегося объекта социального контроля (общества) оставили часть занимаемых позиций в системе государственного управления. В отличие от феодального управления, современное социальное управление строится не на принципах абсолютизма, а на принципах разделения властей, бюджетного устройства и т. д.

Однако это не означает, что субъект социального управления (социальные элиты) утрачивает свои социальные преимущества. Социальные преимущества утрачивают традиционные социальные институты, как формальное воплощение деятельности субъекта социального управления.

Закономерность развития социального управления и контроля заключается в том, что общество в результате развития самосознания своих членов постоянно завоевывает новые социальные позиции. Тогда как социальные элиты изменяют структуру социального управления, оставляя обществу дополнительную ответственность и сохраняя за собой реальный контроль над ресурсами и организацией. Общество получает иллюзию социальных завоеваний, а элиты – сохранение социальных преимуществ и временную стабилизацию социальных отношений.

Таким образом, развитие социального управления представляет собой непрерывное противоборство участников социальных отношений. Соответственно, развитие социального контроля – это совершенствование не только видов социального воздействия на объекты контроля, но и совершенствование форм этого воздействия.

В современном обществе развитие государственного контроля как формы социального контроля, по-видимому, уже достигло своего предела. Жизненный цикл этой формы социального управления находится на стадии упадка. Об этом свидетельствует постепенная утрата интереса

социальных элит к сохранению тотального контроля над механизмами государственного управления в ведущих странах мира²⁵⁸.

Прогрессирующая социальная адаптация общества в процессе развития социальных отношений привела к тому, что социальные элиты уже не могут самостоятельно строить свои отношения с обществом, нуждаясь в посредничестве агентов социального контроля и глобальных институтов. Государство как социальный институт продолжает существовать, но социальные элиты там уже «не живут», используя аппарат государственного управления в качестве агента социального контроля.

Теперь государственное устройство и состав государственных элит определяются из-за пределов государственных институтов²⁵⁹. Демократическая система социального управления подразумевает, что ресурсная и организационная поддержка правящей элиты осуществляется «свободными» корпоративными институтами. «Транснациональные корпорации ..., – отмечает С.П. Перегудов, – не только экономические, но также социальные и политические акторы. А потому их роль на мировой арене (точно так же, как роль крупных корпораций внутри отдельных стран) во многом определяет и будет определять характер социально-политических отношений и политического устройства мирового сообщества»²⁶⁰.

Социальный контроль над обществом производится теперь в интересах корпоративных элит²⁶¹, контролирующих ресурсные источники и не входящие в систему государственного управления социальные институты (банки, СМИ, политические партии и т. д.). В случае, если государство посягнет на интересы крупных корпораций, ему придется столк-

²⁵⁸ Речь идет о «демократизации» социальных институтов.

²⁵⁹ Davis N., Anderson B. Social control: The Production of Deviance in the modern State. – Irvington Publishers Inc., 1983. – P. 74.

²⁶⁰ Перегудов С.П. Транснациональные корпорации на пути к корпоративному гражданству. – С. 95.

²⁶¹ См., напр.: Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. – М.: Весь мир, 2004. – С. 82-84.

нуться с ресурсным и организационным саботажем вплоть до бегства капиталов и производств за рубеж.

Противоречия, возникающие между государством (отстаивающим интересы крупных собственников) и обществом, решаются путем выборности глав исполнительной власти и их взаимозаменяемости в случае утраты общественного доверия. Также обстоит дело и с другими ветвями государственной власти. В любом случае социальное положение и возможности основного субъекта социального контроля (корпоративных элит) остаются неизменными.

В России этот процесс пока еще не завершен из-за разобщенности социальных элит (государственной и корпоративной). В других странах бывшего соцлагеря и в развивающихся странах его завершению препятствует отсутствие достаточных ресурсных возможностей для переноса приоритета интересов социальных элит из сферы государственного управления в сферу корпоративного управления. Однако и там описанный процесс тоже развивается, только в роли субъекта социального контроля выступают внешние корпоративные элиты (например, Польша, Украина, Грузия, Прибалтика).

Следствием внегосударственного развития социального управления является не только бурное развитие корпоративных отношений, но и развитие глобальных социальных институтов надгосударственного уровня управления обществом. Парадокс заключается в том, что формальная зависимость государства от общества привела к повышению риска утраты социального контроля над ним, означающего потенциальную неспособность государства выступать гарантом незыблемости социальных отношений для заинтересованных элит.

Решение этой проблемы достигается через делегирование полномочий социального управления специально созданным для этого социальным институтам надгосударственного уровня. Нормы и правила социального контроля, устанавливаемые этими институтами, распростра-

няются на территорию всех государств, признающих их полномочия. По отношению к обществу (объекту социального контроля) надгосударственные нормы и правила приобретают общеобязательный абсолютный характер²⁶². «У человека в сложном обществе нет другого выбора, – пишет Ф.А. Хайек, – как только между приспособлением к тому, что должно казаться ему слепыми силами социального процесса, и подчинением приказам вышестоящих»²⁶³.

Таким образом, можно говорить о наличии еще одной разновидности интенсивной формы социального контроля – глобального контроля, основанного на делегировании функций социального контроля над обществом надгосударственным социальным институтам. Особенности этой формы социального контроля являются трудно контролируемый процесс институционализации и узкая специализация глобальных институтов.

Глобальные институты в процессе своего развития эволюционируют от консультативных структур к межгосударственным формированиям и далее к надгосударственным социальным институтам²⁶⁴. В высшей стадии своего развития эти институты превращаются из инструмента реализации интересов государственных элит в самостоятельные социальные формирования, обладающие своими интересами и монополизировавшие отдельные сферы социального контроля. Современные исследователи выделяют три ключевых аспекта, характеризующих деятельность глобальных социальных институтов²⁶⁵:

1. Расширение круга субъектов социального контроля, влияющих на принятие решений правительств и международных организаций. Тем

²⁶² Вероятно, с пониманием этого факта связано развитие антиглобалистского движения и провал проекта Европейской Конституции на референдуме во Франции и Нидерландах.

²⁶³ Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок // Московский Либертариум. Институт свободы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libertarium.ru/lib_ecorder

²⁶⁴ Калужский М.Л. Система социальной глобализации // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. – 2003. – № 4. – Новосибирск, СО РАН. – С. 38-58.

²⁶⁵ См., напр.: Афонцев С. Проблема глобального управления мирохозяйственной системой: теоретические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 5. – С. 65-70.

самым ослабляются традиционные механизмы репрезентации и агрегирования социальных интересов.

2. Защита социальных интересов региональных элитарных сообществ, оказывающих существенное влияние на выработку их социальной политики.

3. Диффузия автономии международных организаций, выражающаяся в подмене координации социальной политики в международном масштабе борьбой отдельных стран, их группировок и собственно аппарата соответствующих организаций за влияние на принятие глобально значимых социальных решений.

Сфера влияния глобальных институтов включает в себя практически все основные разновидности социального контроля²⁶⁶:

Экономический контроль – развивается по пути создания глобальной системы рынков товаров и услуг, а также глобального пространства управления спросом. Субъекты социального контроля: МВФ, ВТО, Всемирный банк, МБРР, ЕБРР и др.

Управленческий контроль – развивается по пути социальной интеграции стран-участниц на основе формирования единых надгосударственных стандартов социального управления. Субъекты социального контроля: ООН, Европарламент, ЕС, НАТО и др.

Правовой контроль – основывается на принципе примата международного права над национальным законодательством. Субъекты социального контроля: Европейский суд, Международный трибунал, Интерпол и др.

Политический контроль – направлен на формирование общепризнанных демократических стандартов и урегулирование политических конфликтов. Субъекты социального контроля: ОБСЕ, Социнтерн и ряд др.

Выполнение социальных функций – включает программы международной помощи жертвам природных катастроф и оказание помощи

²⁶⁶ Калужский М.Л. Указ. соч. – С. 38-58.

развивающимся странам. Субъектом социального контроля является, например, Международный Красный крест.

Религиозный контроль – направлен на поддержание конфессионального единства верующих независимо от их территориального местонахождения. Субъектом социального контроля является, например, Ватикан.

Социокультурный контроль – основан на переходе от национальных стандартов и приоритетов к формированию мировых эталонов. Субъекты социального контроля: МОК, WWF, «Евровидение», ЮНЕСКО, Нобелевский комитет и др.

Образовательный контроль – основан на унификации образовательных стандартов и нострификации дипломов. Субъекты социального контроля пока не сформированы, а нормативы социального контроля определяются межгосударственными соглашениями.

Идеологический контроль – направлен на формирование международного общественного мнения. Субъектом социального контроля является, например, Европейская комиссия по правам человека.

Вместе с тем, глобальные тенденции развития присущи не только социальным институтам, но и другим участникам социальных отношений. Стирание государственных границ и бурное развитие современных технологий (транспорт, коммуникации, Интернет) привели к формированию глобального общества²⁶⁷ со все более четко проявляющимися глобальными характеристиками. Следует выделить наиболее значимые признаки формирования глобального общества:

- стирание национальных и этнических различий;
- рост международной миграции и культурная интеграция;
- формирование и институционализация глобальных общественных движений (например, «Гринпис», «Белуна», «Врачи без границ» и т. д.);

²⁶⁷ См., напр.: Перегудов С.П. Транснациональные корпорации на пути к корпоративному гражданству. – С. 95.

– интернационализация социального протеста (например, антиглобалистское движение и международный терроризм) и др.

Процесс общественной глобализации создает определенные трудности в осуществлении социального управления²⁶⁸. Субъекты социального контроля утрачивают социальный контроль над обществом, попадая в зависимость как от обособившихся от них социальных элит, так и от надгосударственных институтов. В результате участниками элитарной борьбы за контроль над социальными институтами зачастую оказываются, наряду с местными социальными элитами, заинтересованные социальные элиты иностранных государств.

В такой ситуации индивидуальный статус социальных элит и их возможности определяются не только степенью социального контроля в рамках отдельных государств, но и степенью влияния на межгосударственном и надгосударственном уровнях социального управления. Такой возможностью обладают только самые организованные и ресурсно-обеспеченные элиты.

Ведущие социальные элиты выступают в роли коллективного субъекта социального контроля над глобальным обществом. Однако они тоже вынуждены глобализовываться и вырабатывать единую позицию по ключевым вопросам социального управления. Примерами такой неформальной глобализации могут служить Совет Безопасности ООН, Большая восьмерка, Всемирный форум в Давосе, Парижский клуб и др.

Рассмотрев формы и развитие социального контроля можно сделать вывод о том, что, несмотря на качественное разнообразие различных форм социального контроля, их сущность и направленность остаются неизменными. Прогрессирующее развитие глобализации в современном мире также не меняет сущности этого явления, лишь выводя его на качественно новый уровень.

²⁶⁸ Подробнее см.: Бауман З. Указ. соч. – С. 85-86.

Список литературы

1. Adizes I. Corporate Lifecycles: how and why corporations grow and die and what to do about it. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1988. – 361 p.
2. Antikainen A. Houtsonen J., Kauppila J., Komonen K., Koski L., Kayhki M. Construction of Identity and Culture Through Education // International journal of cotemporary sociology. – Oct. – 1999. – Vol. 36. – Issue 2. – P. 204-228.
3. Balibar E. Les frontières de la démocratie. – Paris, 1992. – 268 p.
4. Cohen S.I. Incentives, interactive communication, and organizational control // Journal of Economy Theory. – 1980. – Vol. 22. – № 1. – P. 45-58.
5. Coleman J. Resources for Social Change. – New York: Wiley, 1971. – 189 p.
6. Davis N., Anderson B. Social control: The Production of Deviance in the modern State. – Irvington Publishers Inc., 1983. – 251 p.
7. Elias N. The Court Society. – London: Basil Blackwell, 1983. – 138 p.
8. Elias N. What is Sociology? – London: Hutchinson & C., 1978. – 186 p.
9. Filstead W.J. Qualitative Methodology: Firsthand Involvement with the Social World. – Chicago: Markham, 1980. – 78 p.
10. Frankfort H. Ancient Egyptian Religion. – New York, 1948. – 424 p.
11. Landis P.H. Social Control. – Philadelphia-New York-Chicago, 1956. – 218 p.
12. Lapiere R. A Theory of Social Control. – New York-Toronto-London, 1954. – 318 p.
13. Laudan L. Progress and its Problems. – Berkeley (Calif.): University of California Press, 1977. – 235 p.
14. Lenski G. Power and Privilege. A Theory of Social Stratification. – New York: McGraw, Hill, 1986. – 362 p.

15. Masson A. Political Community, Liberal-Nationalism, and the Ethics of Assimilation // *Ethics. An International Journal of Social, Political, and Legal Philosophy*. – Jan. – 1999. – Vol. 109. – № 2. – P. 261-286.
16. McClelland D. *The Achieving Society*. – New York: The Free Press, 1967. – 254 p.
17. Meijers F., Wesselingh A. Career Identity, Education and the New Ways of Learning // *International journal of cotemporary sociology*. – Oct. 1999. – Vol. 36. – Issue 2. – P. 229-251.
18. Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. – Glencoe (Ill): Free Press, 1977.
19. Mitchel T.R. *Motivation and Performance*. – Chicago: Science Research Associates, 1984. – 115 p.
20. O'Hearn D. Globalization, "New tigers", and the end of the developmental state? // *Politics & Society*. – March. – 2000. – Vol. 28. – Issue 1. – P. 67-93.
21. Oberschall A. *Social Conflict and Social Movements*. – Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1973. – 328 p.
22. Park R. *On Social Control and Social Behavior*. – Chicago, 1969. – 247 p.
23. Pascale R.T. *Managing on the Edge: How Successful Companies Use Conflict to Stay Ahead*. – London: Penguin, 1990. – 350 p.
24. Ravef J.R. *Scientific Knowledge and its Social Problems*. – New York: Oxford University Press, 1981. – 149 p.
25. Rivera Sh.W. Elites in post-communist Russia: a changing of the guard? // *Europe-Asia Studies*. – May. – 2000. – Vol. 52. – Issue 3. – P. 413-433.
26. Ross E. *Social Control. A Survey of the Foundations Order*. – Cleveland-London, 1969. – 436 p.
27. Roucek J.S. *Social Control*. – Princeton, 1956. – 345 p.

28. Searle J. The Construction of Social Reality. – New York: Free Press, 1995. – 288 p.
29. Tard G. On Communication and Social Influence. – Chicago, 1969. – 416 p.
30. Tilly C. From mobilization to revolution. – Reading, Londres, Addison-Wesley, 1978. – 360 p.
31. Toward a general theory of social control, v. 1-2. – Orlando, 1984.
32. Winch R. The Idea of a Social Science. – Routledge & Kegan Paul, 1978. – 258 p.
33. Абазов Р.Ф. Исламское возрождение в центрально-азиатских новых независимых государствах / Р.Ф. Абазов // Политические исследования. – 1995. – № 3. – С. 61-67.
34. Аверин А.Н. Социальная политика и подготовка управленческих кадров / А.Н. Аверин. – М.: Дашков и К, 2005. – 279 с.
35. Алиуллов Р.Р. Механизм социального управления (методологический аспект) / Р.Р. Алиуллов // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 6. – С. 126-139.
36. Андреев С.С. Теория социального управления. Объективная необходимость и сущность социального управления / С.С. Андреев // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 6. – С. 91-109.
37. Андреев С.С. Теория социального управления. Субъект и объект социального управления / С.С. Андреев // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 1. – С. 80-96.
38. Андриенко Е.В. Социальная психология / Е.В. Андриенко. – М.: Академия, 2001. – 263 с.
39. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия / И. Ансофф. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 416 с.
40. Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 728 с.

41. Антонович И.И. Капитализм и социальный контроль: (Критика теории и практики социального контроля в буржуазной социологии) / И.И. Антонович. – М.: Мысль, 1978. – 184 с.
42. Аристотель. Политика / Аристотель. – М.: АСТ, 2002. – 393 с.
43. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию / Э. Аронсон. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 517 с.
44. Аттестация образовательных учреждений, педагогических и руководящих работников. – М.: Сфера, 2004. – 96 с.
45. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом / В.Г. Афанасьев. – М.: Политиздат, 1975. – 408 с.
46. Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом / В.Г. Афанасьев. – М.: Политиздат, 1977. – 382 с.
47. Афанасьев В.Г., Урсул А.Д. Об эффективности социального управления / В.Г. Афанасьев, А.Д. Урсул // Вопросы философии. – 1982. – № 7. – С. 57-69.
48. Афонцев С. Проблема глобального управления мирохозяйственной системой: теоретические аспекты / С. Афонцев // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 5. – С. 65-70.
49. Ашин Г.К., Беленький В.К. Управление, демократия и социализм / Г.К. Ашин, В.К. Беленький // Философские науки. – 1974. – № 5. – С. 5-12.
50. Ашин Г.К. Современные теории элиты: критический очерк / Г.К. Ашин. – М.: Международные отношения, 1985. – 256 с.
51. Бакиров В.С. Социальный контроль как регулятор общественных отношений. Автореф. канд. дис. / В.С. Бакиров. – Харьков, 1976. – С. 24.
52. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества / З. Бауман. – М.: Весь мир, 2004. – 185 с.
53. Бахрах Д.Н. Основные понятия теории социального управления / Д.Н. Бахрах. – Пермь: ПГУ, 1978. – 101 с.

54.Безнюк Д. Религия как фактор современного управления / Д. Безнюк // Проблемы теории и практики управления. – 2004. – № 6. – С. 119-124.

55.Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

56.Бернацкий В.О. Возвышение социальных потребностей как критерий становления субъекта / В.О. Бернацкий // В сб.: Становление человека как субъекта социального творчества: Материалы всерос. науч.-практ. конф.: «Общество. Экономика. Труд. Культура. Человек». – Омск, 1997. – С. 152-153.

57.Бернацкий В.О. Интерес: познавательная и практическая функции / В.О. Бернацкий. – Томск: ТГУ, 1984. – 169 с.

58.Бернацкий В.О. К вопросу о сущности и функциях государства / В.О. Бернацкий // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. – 1997. – № 2. – С. 32-40.

59.Бернацкий В.О. О месте интересов среди факторов общественного развития / В.О. Бернацкий // Методологические подходы к анализу и прогнозированию устойчивого развития: Тез. докл. Сибирск. конф. Ч. 2. – Новосибирск: СО РАН, 1994. – С. 96-106.

60.Бернацкий В.О. Проблемы оснований и типологии ценностей / В.О. Бернацкий. – Омск: ОмГТУ, 1996. – Деп. в НИИВО 03.10.96, № 166-96.

61.Бернацкий В.О. Социальное реформирование и мировые тенденции / В.О. Бернацкий // В сб.: Народы содружества независимых государств накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы. Т. 1. – СПб.: Петрополис, 1996. – С.134-136.

62.Бернацкий В.О. Человек, его ценностные ориентации / В.О. Бернацкий // В сб.: Становление человека как субъекта социального творчества: Материалы всерос. науч.-практ. конф.: «Общество. Экономика. Труд. Культура. Человек». – Омск, 1997. – С. 14-25.

63. Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока / Л.Е. Бляхер // Политические исследования. – 2004. – № 5. – С. 28-39.
64. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения / М.И. Бобнева. – М.: Наука, 1978. – 311 с.
65. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийар. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. – 95 с.
66. Бондаренко И.А. Партийный контроль и проверка исполнения / И.А. Бондаренко. – М.: Политиздат, 1983. – 143 с.
67. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ / Дж. Брайант, С. Томпсон. – М.: Вильямс, 2004. – 425 с.
68. Бреева Е.Б. Дезадаптация детей и национальная безопасность России / Е.Б. Бреева. – М.: Дашков и К, 2004. – 212 с.
69. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения / Р. Будон. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 284 с.
70. Буйвол Б.А. Социальный контроль и его воздействие на поведение людей. Автореферат канд. дис. / Б.А. Буйвол. – Киев, 1973. – С. 20.
71. Варданянц Г.К. Терроризм: диагностика и социальный контроль / Г.К. Варданянц // Социологические исследования. – 2005. – № 7. – С. 78-83.
72. Вебер М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М.: Юрист, 1994. 704 с.
73. Вебер М. Политические работы (1895-1919) / М. Вебер. – М.: Праксис, 2003. – 424 с.
74. Волков Ю.Е. Социальное управление как вид управленческой деятельности в общественных системах / Ю.Е. Волков // Социально-политический журнал. – 1997. – № 3. – С. 65-74.
75. Воронин Ю.М. Государственный финансовый контроль: вопросы теории и практики / Ю.М. Воронин. – М.: Финансовый контроль, 2005. – 431 с.

76. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М.С. Восленский. – М.: Советская Россия, 1991. – 624 с.
77. Гишинский Я. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гишинский. – СПб.: Питер, 2002. – 377 с.
78. Гишинский Я.И. Отклоняющееся поведение как социальное явление / Я.И. Гишинский // Человек и общество. – Л., 1971. – Вып. 8. – С. 113-118.
79. Гладышев А.Г. Теория управления: социально-технологический подход / Гладышев А.Г., Городяненко В.Г., Григорьев В.И. и др. – М.: Муниципальный мир, 2004. – 668 с.
80. Глазычев В. Социальное меню в программах российских партий / В. Глазычев. – М.: Европа, 2005. – 187 с.
81. Гляйсберг Г. О концентрации печати и манипулировании общественным мнением / Г. Гляйсберг. – М.: Прогресс, 1974. – 170 с.
82. Гоббс Т. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 1. / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1964. – 583 с.
83. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
84. Государственная служба (комплексный подход). – М.: Дело, 1999. – 440 с.
85. Государственная служба: теория и организация. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 640 с.
86. Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. / А. Грамши. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
87. Гританс Я.М. Корпоративные отношения: Правовое регулирование организационных форм / Я.М. Гританс. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 150 с.
88. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: «Институт ДИ-ДИК», 1997. – 640 с.

89. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1969. – 480 с.
90. Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. – СПб.: Алетейя, 2000. – 384 с.
91. Делягин М. Власть, бизнес и население – три составляющих современного общества / М. Делягин // Проблемы теории и практики управления. – 2005. – № 3. – С. 38-44.
92. Делягин М. Власть, бизнес и население – три составляющих современного общества / М. Делягин // Проблемы теории и практики управления. – 2005. – № 4. – С. 32-37.
93. Диев В.С. Философия управления / В.С. Диев // Личность. Культура. Общество. – 2004. – Т. VI. Вып. 3 (23) – С. 162-183.
94. Диев В.С. Управленческие решения: неопределенность, модели, интуиция / В.С. Диев. – Новосибирск: НИИ МИОО НГУ, 1998. – 163 с.
95. Друкер П. Эффективное управление. Экономические задачи и оптимальные решения / П. Друкер. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1998. – 288 с.
96. Дюверже М. Политические партии / М. Дюверже. – М.: Академический проект, 2005. – 540 с.
97. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
98. Житенев В.Б. Общественное мнение в социальном управлении / В.Б. Житенев. – Новосибирск: Наука, 1987. – 168 с.
99. Захаров Н.Л. Социокультурные и профессиональные регуляторы поведения российского чиновника / Н.Л. Захаров // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 113-121. –
100. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве / А.Г. Здравомыслов. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 286 с.

101. Здравомыслов А.Г. Экономический и социальный аспекты развития общества / В сб.: Социология и проблемы социального развития. – М.: Наука, 1978. – С. 85-96.
102. Зубик В.Б., Зубик Д.В., Седегов Р.С., Абдула А. Экономическая безопасность предприятия (фирмы) / В.Б. Зубик, Д.В. Зубик, Р.С. Седегов, А. Абдула. – Мн.: Высшая школа, 1998. – 391 с.
103. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии / В.Н. Иванов, В.И. Патрушев. – М.: Муниципальный мир, 2004. – 479 с.
104. Игнатовский В.И. Мораль и социальное управление / В.И. Игнатовский. – Л.: Знание, 1985. – 32 с.
105. Игошев К.Е. Социальные аспекты предупреждения правонарушений: (Проблемы социального контроля) / К.Е. Игошев, И.В. Шмаров. – М.: Юридическая литература, 1980. – 176 с.
106. Иноземцев В.Л. «Глобализация» национальных хозяйств и современный экономический кризис / В.Л. Иноземцев // Проблемы теории и практики управления. – 1999. – № 3. – С. 18-23.
107. Иноземцев В.Л. Цель и структура корпорации как основы ее конкурентоспособности / В.Л. Иноземцев // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 3. – С. 62-68.
108. Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С. К проблеме трансформации мирового порядка в XXI веке / В.Л. Иноземцев, Е.С. Кузнецова // Философские исследования. – 2001. – № 3 (32) – С. 4-23.
109. Исикава К. Японские методы управления качеством / К. Исикава. – М.: Экономика, 1988. – 215 с.
110. История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 3. – М.: Канон, 1997. – 448 с.
111. Казанник А.И. Мотивация управленческого труда в государственных и муниципальных учреждениях России / А.И. Казанник // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. – 2001. – № 6. – С. 98-106.

112. Казанник А.И. Научная организация управленческого труда в государственных и муниципальных учреждениях России / А.И. Казанник. – Омск: Омский дом печати, 2004. – 400 с.
113. Как работают японские предприятия / Под ред. Я. Мондена. – М.: Экономика, 1989. – 262 с.
114. Калужский М.Л. Методологические основы анализа системных противоречий общественного развития / М.Л. Калужский. – Омск: Ом-ГАУ, 2000. – 135 с.
115. Калужский М.Л. Система социальной глобализации / М.Л. Калужский // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. – 2003. – № 4. – Новосибирск, СО РАН. – С. 38-58.
116. Капустин Б.Г. К понятию политического насилия / Б.Г. Капустин // Политические исследования. – 2003. – № 6. – С. 6-26.
117. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием / С. Кара-Мурза. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 832 с.
118. Карлоф Б. Деловая стратегия: концепция, содержание, символы / Б. Карлоф. – М.: Экономика, 1991. – 239 с.
119. Кармадонов О.А. Глобализация и символическая власть / О.А. Кармадонов // Вопросы философии. – 2005. – № 5. – С. 47-56.
120. Карпухин О.И., Макаревич Э.Ф. О взаимодействии «новой» интеллигенции и интеллигенции массы / О.И. Карпухин, Э.Ф. Макаревич // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 2. – С. 72-87.
121. Киви Б. Гигабайты власти: Информационные технологии между свободой и тоталитаризмом / Б. Киви. – М.: Бестселлер, 2004. – 352 с.
122. Климов В.А. Контроль в системе социалистического управления / В.А. Климов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 112 с.
123. Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления / В.И. Кнорринг. – М.: НОРМА, 2001. – 528 с.
124. Ковалевски С. Научные основы административного управления / С. Ковалевски. – М.: Экономика, 1979. – 232 с.

125. Ковешников Е.М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия / Е.М. Ковешников. – М.: Норма, 2001. – 270 с.
126. Козырев Г.И. Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль / Г.И. Козырев // Социологические исследования. – 2005. – № 8. – С. 124-129.
127. Кольев А. Политическая мифология: Реализация социального опыта / А. Кольев. – М.: Логос, 2003. – 384 с.
128. Конфуций. Суждения и Беседы / Конфуций. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 297 с.
129. Коргунюк Ю.Г. Политическая элита современной России с точки зрения социального представительства / Ю.Г. Коргунюк // Политические исследования. – 2001. – № 1. – С. 30-48; № 2. – С. 24-39.
130. Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции / А.В. Коротаев. – М.: Вост. лит. РАН, 2003. – 276 с.
131. Кочерин Е.А. Контроль как функция управления / Е.А. Кочерин. – М.: Знание, 1982. – 64 с.
132. Кочерин Е.А. Основы государственного и управленческого контроля / Е.А. Кочерин. – М.: Филинь, 2000. – 377 с.
133. Крамник В.В. Социально-психологический механизм политической власти / В.В. Крамник. – Л.: Изд-во Ленинградского финансово-экономического института, 1991. – 159 с.
134. Кругов М.Б. Технология власти. Мифы и реальность истории России / М.Б. Кругов. – М.: ДеКА, 1997. – 224.
135. Кузнецова Е.М. Власть как субъект социализации / Е.М. Кузнецова // Власть и воздействие на массовое сознание: Сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. – Пенза: РИО ПГСХА, 2005. – С. 162-165.
136. Кукура С.П. Теория корпоративного управления / С.П. Кукура. – М.: Экономика, 2004. – 478 с.

137. Лавриненко В.Н. Проблема социальных интересов в ленинизме / В.Н. Лавриненко. – М.: Мысль, 1978. – 188 с.
138. Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи / Ф. Ландберг. – М.: Прогресс, 1971. – 684 с.
139. Ларионов И.К. Стратегия социального управления / И.К. Ларионов. – М.: Дашков и К, 2004. – 496 с. – ISBN 5-94798-437-7
140. Лебедев П.Н. Социальное управление / П.Н. Лебедев. – Л.: ЛГУ, 1982. – 255 с.
141. Лебон Г. Психология толп / В сб.: Психология толп. – М.: Институт психологии РАН; "КСП+", 1998. – С. 15-254.
142. Левкович В.П. Обычай и ритуал как способы социальной регуляции поведения / В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Под ред. Е.В. Шороховой, М.И. Бобневой. – М.: Наука, 1976. – С. 212-236.
143. Леднева О. Процессуальное измерение социализации личности / О. Леднева // Alma-mater (Вестник высшей школы). – 2002. – № 3. – С. 17-22.
144. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / А. Лейпхарт. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.
145. Лекторский В.А. Проблемы субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии / В.А. Лекторский. – М.: Высшая школа, 1965. – 122 с.
146. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 31. / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1980. – 560 с.
147. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 43. / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1982. – 561 с.
148. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
149. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 3. / Дж. Локк. – М.: Мысль, 1988. – 669 с.

150. Лоуи Т. Глобализация, государство, демократия: образ новой политической науки / Т. Лоуи // Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 108-119.
151. Лукашук И.И. Средства массовой информации, государство, право / И.И. Лукашук. – М.: Столыный град, 2001. – 322 с.
152. Луман Н. Власть / Н. Луман. – М.: Праксис, 2001. – 250 с.
153. Луман Н. Понятие общества / Проблемы теоретической социологии. – СПб.: Петрополис, 1994. – С. 25-42.
154. Макаревич Э., Карпухин О. Игры интеллигентов, или Социальный контроль масс / Э. Макаревич, О. Карпухин. – М.: ЭКСМО: Алгоритм-Книга, 2003. – 480 с.
155. Макаров В. Социальные услуги – сегмент рынка человеческого капитала / В. Макаров // Проблемы теории и практики управления. – 2005. – № 3. – С. 12-17.
156. Макашов И.Н. Управление в древних цивилизациях / И.Н. Макашов, Н.В. Овчинникова. – М.: Компания Спутник +, 2004. – 248 с.
157. Макиавелли Н. Государь: Сочинения / Н. Макиавелли. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. – 656 с.
158. Максимов А.А. Война по правилам и без... Технология изготовления предвыборных миражей / А.А. Максимов. – М.: Дело, 2003. – 320 с.
159. Марков М. Теория социального управления / М. Марков. – М.: Прогресс, 1978. – 477 с.
160. Марков М. Технология и эффективность социального управления. – М.: Прогресс, 1982. – 267 с.
161. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е издание. Т. 23. – М.: Политиздат, 1960. – 907 с.
162. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е издание. Т. 3. – М.: Политиздат, 1955. – 615 с.

163. Маркузе Г. Одномерный человек / В сб.: Американская социологическая мысль. – М.: МУБиУ, 1996. – С. 119-144.
164. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. – М.: АСТ, 2003. – 526 с.
165. Мартанус Р.В. Социальное управление: кадры и кадровая политика / Р.В. Мартанус. – М.: МГУ, 1986. – 144 с.
166. Мейтус В.В., Мейтус В.Ю. Политическая партия: стратегия и управление / В.В. Мейтус, В.Ю. Мейтус. – М.: Эльга, 2004. – 400 с.
167. Мельничук И. Государственный финансовый контроль за государственными и муниципальными предприятиями / И. Мельничук. – М.: ЮРКНИГА, 2005. – 522 с.
168. Мескон М.Х. Основы менеджмента / М.Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М.: «Дело ЛТД», 1994. – 702 с.
169. Мизес Л. Индивид, рынок и правовое государство / Л. Мизес. – СПб.: Пневма, 1999. – 196 с.
170. Мизес Л. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции / Л. Мизес. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 295 с.
171. Миллер С. Психология развития: методы исследования / С. Миллер. – СПб.: Питер, 2002. – 464 с.
172. Миллс Р. Властвующая элита / Р. Миллс. – М.: ИИЛ, 1959. – 543 с.
173. Милованов В.П. Неравновесные социально-экономические системы: синергетика и самоорганизация / В.П. Милованов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 264 с.
174. Мильнер Б.З. Организация программно-целевого управления / Б.З. Мильнер. – М.: Наука, 1980. – 376 с.
175. Михайлов С. Оптимальное функционирование социального управления / С. Михайлов. – М.: Прогресс, 1989. – 283 с.

176. Модестов С.А. Информационное противоборство как фактор геополитической конкуренции / С.А. Модестов. – М.: МОНФ; ИЦНиУП, 1999. – 63 с.
177. Моисеев В.А. Печать в системе социального управления / В.А. Моисеев. – Киев: Политиздат Украины, 1982. – 215 с.
178. Монден Я. «Тоёта»: методы эффективного управления / Я. Монден. – М.: Экономика, 1989. – 288 с.
179. Монтескье Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
180. Моска Г. Правящий класс / Г. Моска // Социологические исследования. – 1994. – № 10. – С. 187-198.
181. Московичи С. Машина, творящая богов / С. Московичи. – М.: "КСП+", 1998. – 560 с.
182. Назайкин А.Н. Как манипулировать журналистами / А.Н. Назайкин. – М.: Дело, 2004. – 240 с.
183. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2. / Ф. Ницше. – М.: Мысль, 1997. – 829 с.
184. Образование и социальная структура / Сборник научных трудов. – М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1976. – 199 с.
185. Образы власти в политической культуре России / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: МОНФ, 2000. – 242 с.
186. Омаров А.М. Социальное управление: Некоторые вопросы теории и практики / А.М. Омаров. – М.: Мысль, 1980. – 269 с.
187. Оргета-и-Гассет Х. Избранные труды / Х. Оргета-и-Гассет. – М.: Весь мир, 2000. – 704 с.
188. Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика / Г.В. Осипов. – М.: Инфра-М, 2000. – 543 с.
189. Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона / С.Н. Паркинсон. – М.: Прогресс, 1989. – 448 с.

190. Парсонс Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2002. – 831 с.
191. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / В сб.: Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МУБиУ, 1996. – С. 494-525.
192. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / В сб.: Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МУБиУ, 1996. – С.462-478.
193. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
194. Перегудов С.П. Политическое представительство интересов: опыт Запада и проблемы России / С.П. Перегудов // Политические исследования. – 1993. – № 4. – С. 115-124.
195. Перегудов С.П. Транснациональные корпорации на пути к корпоративному гражданству / С.П. Перегудов // Политические исследования. – 2004. – № 3. – С. 95-103.
196. Перенти М. Демократия для немногих / М. Перенти. – М.: Прогресс, 1990. – 502 с.
197. Питерс Т. В поисках эффективного управления: Опыт лучших компаний / Т. Питерс, Р. Уотермен. – М.: Прогресс, 1986. – 423 с.
198. Пищулин Н.П., Пищулин С.Н., Бетуганов А. Социальное управление: теория и практика: В 2 т. / Н.П. Пищулин, С.Н. Пищулин, А. Бетуганов. – М.: ИКЦ "Академкнига", 2003. – 1000 с.
199. Платон. Государство. Законы. Политик / Платон. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.
200. Платон. Собрание сочинений в 3-х т. Т.3 (1) / Платон. – М.: Мысль, 1971. – 687 с.
201. Попов Г.Х. Эффективное управление / Г.Х. Попов. – М.: Экономика, 1985. – 335 с.

202. Попов Е., Симонова В. Оценка внутрифирменного оппортунизма работников и менеджеров / Е. Попов, В. Симонова // Проблемы теории и практики управления. – 2005. – № 4. – С. 108-117.

203. Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. / К. Поппер. – М.: Межданар. Фонд «Культурная инициатива» – Soros foundation: Открытое о-во «Феникс», 1992. – 971 с.

204. Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания / К. Поппер. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – 640 с.

205. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз, или Как успешно управлять общественным мнением / Г.Г. Почепцов. – М.: Центр, 2003. – 317.

206. Привезенцев В.А. Контроль – важнейшая функция управления образованием / В.А. Привезенцев // Официальные документы в образовании. – 2005. – № 32. – С. 64-71.

207. Пригожин А.И. Цели организаций: стереотипы и проблемы / А.И. Пригожин // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 5-19.

208. Пригожин А.И. Организации: системы и люди / А.И. Пригожин. – М.: Политиздат, 1983. – 176 с.

209. Пригожин А.И. Современная социология организаций / А.И. Пригожин. – М.: Интерпракс, 1995. – 295 с.

210. Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Под ред. Е.В. Шороховой, М.И. Бобневой. – М.: Наука, 1976. – 368 с.

211. Рассел Б. Сущность религии (1845) // Электронная библиотека – Философия и атеизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://books.atheism.ru/philosophy/#r>

212. Регнет Э. Конфликты в организациях: Формы, функции и способы преодоления / Э. Регнет. – М.: Гуманитарный центр, 2005. – 394 с.

213. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / Л. Росс, Р. Нисбетт. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 429 с.

214. Рощин С.К. Использование психологии в системе социального контроля капиталистического общества / В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Под ред. Е.В. Шороховой, М.И. Бобневой. – М.: Наука, 1976. – С. 94-117.
215. Рубин В.А. Идеология и культура Древнего Китая / В.А. Рубин. – М.: Наука, 1970. – 250 с.
216. Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае: Собрание трудов / В.А. Рубин. – М.: Восточная литература, 1999. – 384 с.
217. Рубчевский К.В. О соотношении понятий «социализация» и «развитие личности» / К.В. Рубчевский // «Alma mater» («Вестник высшей школы»). – 2003. – № 7. – С. 32-35.
218. Рубчевский К.В. Социализация личности: интериоризация и социальная адаптация / К.В. Рубчевский // Общественные науки и современность. – 2003. – № 3. – С. 147-151.
219. Руссо Ж.-Ж. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя. Рассуждение о науках и искусствах. Рассуждение о неравенстве: Сб.: Пер. с фр. / Ж.-Ж. Руссо. – М.: АСТ: НФ «Пушкинская библиотека», 2004. – 892 с.
220. Руссо Ж.Ж. Об Общественном договоре: Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – 413 с.
221. Слепенков И.М. Основы теории социального управления / И.М. Слепенков, Ю.П.Аверин. – М.: Высшая школа, 1990. – 302 с.
222. Смольков В.Г. Социальный контроль / В.Г. Смольков // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 4. – С. 193-204.
223. Смольков В.Г. Управленческое консультирование / В.Г. Смольков // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 3. – С. 166-174.
224. Сноу Ч.П. Наука и государственная власть / В сб.: Портреты и размышления. – М.: Прогресс, 1985. – 386 с.

225. Соболева И., Ломоносова С. Рыночные и нерыночные механизмы регулирования образования / И. Соболева, С. Ломоносова // Проблемы теории и практики управления. – 2005. – № 6. – С. 65-72.

226. Солник С. «Торг» между Москвой и субъектами Федерации о структуре нового Российского государства: 1990-1995 / С. Солник // Политические исследования. – 1995. – № 6. – С. 95-108.

227. Соловьев С.Г. Муниципально-властные институты в местном самоуправлении Российской Федерации / С.Г. Соловьев. – М.: Юридический Центр Пресс, 2003. – 330 с.

228. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / П.А. Сорокин. – СПб.: РХГИ, 1999. – 447 с.

229. Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм / В сб.: Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МУБиУ, 1996. – С.372-392.

230. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

231. Социальное расслоение и социальная мобильность. – М.: Наука, 1999. – 191 с.

232. Социальные отклонения. – М.: Юрид. лит., 1984. – 320 с.

233. Социальный контроль в СССР / Под ред. В.С. Основина. – Воронеж: ВГУ, 1981. – 198 с.

234. Социальный контроль над девиантностью / Ред. Я. Гилинский. – СПб.: Питер, 1998. – 346 с.

235. Социология и проблемы социального развития. – М.: Наука, 1978. – 480 с.

236. Стиглиц Дж.Ю. Экономика государственного сектора / Дж.Ю. Стиглиц. – М.: МГУ: ИНФРА-М, 1997. – 720 с.

237. Суворов Л.Н. Социальное управление: Опыт философского анализа / А.Н. Аверин, Л.Н. Суворов. – М.: Мысль, 1984. – 232 с.

238. Степашин С.В. Власть – Демократия – Контроль / В.А. Дворецких, С.В. Степашин. – М.: Финансовый контроль, 2005. – 315 с.
239. Тавокин Е.П. СМИ как фактор информации по обеспечению реформ / Е.П. Тавокин // Социологические исследования. – 2005. – № 10. – С. 100-106.
240. Такаянаги С. Японская система управления трудовыми ресурсами / В сб.: Как работают японские предприятия. – М.: Экономика, 1989. – С. 97-106.
241. Тард Г. Мнение и толпа / В сб.: Психология толп. – М.: Институт психологии РАН; "КСП+", 1998. – С. 257-408.
242. Тард Г. Социальная логика / Г. Тард. – СПб: Социально-психологический центр, 1996. – 554 с.
243. Тённис Ф. Общность и общество: Основные понятия современной социологии / Ф. Тённис. – СПб: Владимир Даль, 2002. – 450 с.
244. Теория и методы в социальных науках / Под ред. С.У. Ларсен – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 288 с.
245. Технология власти (философско-политический анализ). – М.: ИФ РАН, 1995. – 163 с.
246. Тихонравов Ю.В. Теория управления / Ю.В.Тихонравов. – М.: Вестник, 1997. – 336 с.
247. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2003. – 672 с.
248. Третьяков П.И. Адаптивное управление педагогическими системами / П.И.Третьяков, С.Н.Митин, Н.Бояринцева. – М.: Академия, 2003. – 368 с.
249. Уайт Л.А. Государство-Церковь: его формы и функции / В сб.: Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 285-313.

250. Уайт Л.А. Три типа интерпретации культуры / В сб.: Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 559-590.

251. Уайт Л.А. Энергия и эволюция культуры / В сб.: Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 439-464.

252. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / А.Н.Уайтхед. – М.: Прогресс, 1990. – 718 с.

253. Уилсон Р.А. Психология эволюции / Р.А.Уилсон. – К.: Янус, 1998. – 304 с.

254. Ульяновский А.В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы / А.В. Ульяновский. – СПб.: Питер, 2005. – 539 с.

255. Уорд Л. Психические факторы цивилизации / Л. Уорд. – СПб.: Питер, 2002. – 352 с.

256. Фалмер Р.М. Энциклопедия современного управления / Р.М. Фалмер. – М.: ВИПКЭнерго, 1992. – 781 с.

257. Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование). – М.: Юристъ, 2001. – 376 с.

258. Федорова Л.А. Вопросы инспектирования в системе образования / Л.А. Федорова. – М.: АРКТИ, 2004. – 119 с.

259. Филимонов О.В. Посткриминальный контроль: Теоретические основы правового регулирования / О.В. Филимонов. – Томск: ТГУ, 1991. – 181 с.

260. Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. Т. II / И.Г. Фихте. – СПб.: Мифрил, 1993. – 798 с.

261. Форрестер Дж. Мировая динамика / Дж. Форрестер. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 379 с.

262. Франчук В.И. Современные основы социального управления / В.И. Франчук. – М.: Ин-т организационных систем, 1997. – 96 с.

263. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2004. – 576 с.
264. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
265. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – 479 с.
266. Хайек Ф.А. Дорога к рабству / Ф.А. Хайек. – М.: Экономика, 1992. – 176 с.
267. Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок // Московский Либертариум. Институт свободы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libertarium.ru/lib_ecorder
268. Хайек Ф.А. Общество свободных / Ф.А. Хайек. – Лондон: Overseas Publication Interchange Ltd, 1990. – 309 с.
269. Хайек Ф.А. Познание, конкуренция и свобода / Ф.А. Хайек. – СПб.: Пневма, 1999. – 288 с.
270. Халипов В.Ф. Кратология как система наук о власти / В.Ф. Халипов. – М.: Республика, 1999. – 303 с.
271. Халфина Р.О. Право как средство социального управления / Р.О. Халфина. – М.: Наука, 1988. – 256 с.
272. Хан С.М. Управленческие отношения социализма / С.М. Хан. – М.: Мысль, 1982. – 208 с.
273. Хомич И.И. Человек – живая система: Естественнаучный и философский анализ / И.И. Хомич. – Мн.: Беларусь, 1989. – 271 с.
274. Цельс. Правдивое слово // Научная библиотека МГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://library.philos.msu.ru>
275. Цицерон М.Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма / М.Т. Цицерон. – М.: Мысль, 1999. – 782 с.
276. Цуладзе А. Политическая мифология / А. Цуладзе. – М.: ЭКСМО, 2003. – 382 с.

277. Чиркин В.Е. Основы сравнительного государственоведения / В.Е. Чиркин. – М.: Артикул, 1997. – 352 с.
278. Шаваев А.Г. Безопасность корпораций. Криминологические, уголовно-правовые и организационные проблемы / А.Г. Шаваев. – М.: Концерн «Банковский Деловой Центр», 1998. – 240 с.
279. Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра / П. Шампань. – М.: Socio-Logos, 1997. – 317 с.
280. Шибутани Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 544 с.
281. Шнипер Р.И. Регион: Экономические методы управления / Р.И. Шнипер. – Новосибирск: Наука, 1991. – 320 с.
282. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Новосибирск: Наука, 1993. – 593 с.
283. Щеглов И.А. Политическая социализация личности и современный исторический процесс / И.А. Щеглов // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 4. – С. 287-297.
284. Эвристические функции мировоззренческого сознания / В.Г. Табаченко, М.А. Братко и др. – К.: Наукова думка, 1989. – 257 с.
285. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана / Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1985. – 238 с.
286. Энтин В.Л. Средства массовой информации в политической системе современного капитализма / В.Л. Энтин. – М.: Наука, 1988. – 191 с.
287. Этнические стереотипы поведения. – Л.: Наука, 1985. – 325 с.
288. Эффективность государственного управления. – М.: Консалт-банк, 1998. – 848 с.
289. Яковлев А.М. Социальный контроль в изменяющемся мире (нормативно-психологический аспект) / А.М. Яковлев // Социология и проблемы социального развития / Т.В. Рябушкин, Г.Г. Квасов, Х.Н. Момджян и др. – М.: Наука, 1978. – Гл. 6 (2). – С. 357-373.

290. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика / А.М. Яковлев. – М.: Наука, 1985. – 247 с.

Опубликовано: Кузнецова Е.М. Социальный контроль: сущность и методы реализации: Монография. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. – 185 с. – ISBN 978-3-8473-3135-3. (Доступна [электронная версия](#)).